

ISSN 2686-7753

КРИМИНАЛИСТЪ

2025 № 2 (51)

Санкт-Петербург
Литейный, 44

КРИМИНАЛИСТЪ

2025 № 2 (51)

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 2008 года Санкт-Петербургским юридическим институтом (филиалом)
Университета прокуратуры Российской Федерации

Учредитель Университет прокуратуры Российской Федерации

Главный редактор А. А. Сапожков, заместитель директора Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент

Редакционный совет

А. Ю. Захаров, заместитель Генерального прокурора Российской Федерации; Н. Е. Солнышкина, начальник управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе; Т. А. Ашурбеков, доктор юридических наук; Е. Е. Амплеева, кандидат юридических наук, доцент; И. А. Антонов, доктор юридических наук, профессор; Е. В. Болотина, доктор юридических наук; Н. А. Васильчикова, доктор юридических наук, профессор; И. В. Гончаров, доктор юридических наук, профессор; Л. В. Готчина, доктор юридических наук, кандидат социологических наук, профессор; Н. А. Данилова, доктор юридических наук, профессор; А. А. Дорская, доктор юридических наук, профессор; И. Г. Дудко, доктор юридических наук, профессор; Е. В. Емельянова, доктор юридических наук, профессор; Е. Р. Ергашев, доктор юридических наук, профессор; Г. П. Ермолович, доктор юридических наук, профессор; В. Н. Исаенко, доктор юридических наук, профессор; А. С. Карцов, доктор юридических наук; Н. П. Кириллова, доктор юридических наук; О. Н. Коршунова, доктор юридических наук, профессор; Э. К. Кутуев, доктор юридических наук, профессор; В. В. Лавров, кандидат исторических наук, кандидат юридических наук, доцент; Ю. В. Мишальченко, доктор юридических наук, доктор экономических наук, профессор; Н. С. Нижник, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор; М. Ю. Павлик, доктор юридических наук, профессор; А. Н. Попов, доктор юридических наук, профессор; С. М. Прокофьева, доктор юридических наук, профессор; Е. Н. Рахманова, доктор юридических наук; Р. А. Ромашов, доктор юридических наук, профессор; Е. Б. Серова, кандидат юридических наук, доцент; С. А. Смирнова, доктор юридических наук, профессор; Ю. А. Тимошенко, доктор юридических наук; Н. И. Уткин, доктор юридических наук, профессор; О. В. Чельшева, доктор юридических наук,

профессор; Ю. Б. Шубников, доктор юридических наук, профессор; В. С. Шадрин, доктор юридических наук, профессор; В. Ф. Щепельков, доктор юридических наук, профессор; А. А. Эксархопуло, доктор юридических наук, профессор

Редакционная коллегия

А. А. Сапожков (главный редактор), кандидат юридических наук, доцент; Р. Д. Шаранов (заместитель главного редактора), доктор юридических наук, профессор; М. А. Григорьева (ответственный секретарь), кандидат юридических наук, доцент; О. А. Гуреева, кандидат юридических наук; Е. В. Елагина, кандидат юридических наук, доцент; Д. Ю. Краев, кандидат юридических наук, доцент; Е. Л. Никитин, кандидат юридических наук, доцент; Т. Г. Николаева, доктор юридических наук, профессор; И. Л. Честнов, доктор юридических наук, профессор

Адрес редакции, издательства и типографии:

191014, г. Санкт-Петербург, Литейный просп., 44
E-mail: kriminalist_institut@mail.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76805 от 16.09.2019. Включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям: 5.1.1; 5.1.2; 5.1.4. Распространяется бесплатно.

Подписано в печать 30.06.2025. Печ. л. 23,0. Формат 60x84/8. Тираж 1000 экз. (1-й з-д 1—160). Заказ 11/25.

Отпечатано в Санкт-Петербургском юридическом институте (филиале) Университета прокуратуры Российской Федерации. Дата выхода в свет 03.07.2025.

191014, г. Санкт-Петербург, Литейный просп., 44
E-mail: rio-procuror@yandex.ru

Ответственность за достоверность сведений в опубликованных материалах несут авторы. Перепечатка материалов и использование их в любой форме, в том числе в электронных СМИ, возможны только с письменного разрешения редакции

© Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2025

**УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ
НАУКИ**

<i>Арзамасцев М. В.</i> Новые теории и новые цели уголовного наказания.....	3
<i>Баркалова Е. В.</i> Выдача лица для уголовного преследования и (или) исполнения приговора: реалии и перспективы ...	12
<i>Берездовец М. С.</i> Программы действий следователя в типичных исходных ситуациях, складывающихся на стадии возбуждения уголовного дела о незаконном предпринимательстве.....	20
<i>Глушков М. Р.</i> Зарубежный опыт применения тактических приемов допроса. Часть 5. Когнитивное интервью.....	27
<i>Готчина Л. В.</i> Об экономической преступности, ее тенденциях и мерах предупреждения	33
<i>Игнатенко Е. А.</i> Некоторые аспекты профилактики преступлений диверсионной направленности.....	41
<i>Куликов А. В., Шелег О. А.</i> Детерминация неонатцида в отражении статьи 106 Уголовного кодекса Российской Федерации: меры предупреждения	50
<i>Кравченко Р. М., Веселова Д. Д.</i> Предметы, имеющие особую ценность, как предмет хищения.....	59
<i>Михайлова Д. В.</i> Проблемные аспекты виктимности несовершеннолетних в современном обществе	67
<i>Писаревская Е. А.</i> Рецидивная преступность в России как одна из угроз национальной безопасности: состояние и основные тенденции.....	75
<i>Рахманова Е. Н.</i> Отмена смертной казни: состояние и перспективы.....	80
<i>Ткачев И. О.</i> Проблемы квалификации преступлений в сфере государственного оборонного заказа.....	87
<i>Щепельков В. Ф., Павлов А. А.</i> Отграничение продолжаемого сбыта наркотических средств от совокупности преступлений: доктрина и практика.....	94

**ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ
(ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ**

<i>Булгакова Л. С.</i> Становление и развитие природоохранного законодательства в России с 1960-х годов	103
<i>Ершов А. А.</i> Обеспечение законности нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации об административной ответственности в сфере защиты прав несовершеннолетних: аспекты прокурорской практики	112
<i>Кабанова М. Б.</i> Проблемы разграничения контроля и надзора в сфере промышленной безопасности.....	121
<i>Кульпин А. А.</i> Защита прокурором права осужденных на доступ к информации.....	129
<i>Кустов М. Н.</i> Актуальные вопросы организации и осуществления прокурорского надзора за соблюдением прав осужденных к лишению свободы при привлечении к труду	137
<i>Шестакин Д. А.</i> Особенности правового регулирования подачи гражданами обращений в электронной форме в органы прокуратуры	145
<i>Честнов А. И., Честнов И. Л.</i> Правовое регулирование эксплуатации автономных и полуавтономных коммерческих судов	152

**ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ
(ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ**

<i>Максимов В. А., Пиддубриная А. Ю.</i> Зарождение, развитие и перспективы медиации в зарубежных странах.....	160
<i>Порохов М. Ю.</i> Автоматизация судебных процессов: роль технологии искусственного интеллекта в упрощенном и приказном производстве	167

**ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ
НАУКИ**

<i>Ломакина И. Б.</i> Диалектика монолога и диалога в конструировании правового пространства.....	175
---	-----

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 343.2

НОВЫЕ ТЕОРИИ И НОВЫЕ ЦЕЛИ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ

Максим Васильевич АРЗАМАСЦЕВ

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
m.arzamastsev@spbu.ru*

Аннотация. Поскольку уголовное наказание наиболее существенно ограничивает права человека, то к нему предъявляются повышенные требования, в том числе соразмерности принуждения преследуемым целям. Необходима разработка конституционной теории уголовного наказания, которая бы учитывала принципы правового государства. Большинство доктринальных концепций создано до принятия Конституции Российской Федерации. Экономический и коммуникативный подходы, хотя и обладают значительным эвристическим потенциалом, пока не могут дать ответы на все вопросы. В уголовном законе можно обнаружить компромиссный вариант соединения ретрибутивных и утилитарных целей. Они непротиворечиво могут быть объяснены в динамической концепции, дифференцирующей цели наказания по этапам (от построения санкций до снятия судимости). С введением института probation к пенологическим целям добавляются ресоциализация и реадaptация осужденного. Исходя из конституционных положений должен быть переосмыслен уголовно-правовой принцип гуманизма, предполагающий, что наказание не только по своим целям, но и по содержанию должно сохранять достоинство человека.

Ключевые слова: уголовное наказание, теория наказания, цель наказания, конституционная цель правоограничений, человеческое достоинство, ресоциализация осужденного

Для цитирования: Арзамасцев М. В. Новые теории и новые цели уголовного наказания // КриминалистЪ. 2025. № 2 (51). С. 3 – 11.

Original article

NEW THEORIES AND NEW OBJECTIVES OF CRIMINAL PUNISHMENT

Maksim V. ARZAMASTSEV

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, m.arzamastsev@spbu.ru

Abstract. Since criminal punishment most significantly restricts human rights, it is subject to heightened requirements, including the proportionality of coercion to the goals pursued. Therefore,

© Арзамасцев М. В., 2025

there is a need to develop a constitutional theory of criminal punishment that incorporates the principles of the rule of law. Most doctrinal concepts were developed before the adoption of the Constitution of the Russian Federation. The economic and communicative approaches, although they have significant heuristic potential, cannot yet provide answers to all questions. In the criminal law, a compromise between retributive and utilitarian goals can be observed. They can be consistently explained within a dynamic concept that differentiates the purposes of punishment according to stages (from the construction of sanctions to the removal of a criminal record). With the introduction of the probation institution, resocialization and readaptation of the convicted person are added to the penological purposes. Based on constitutional provisions, a reinterpretation of the criminal law principle of humanism is required, predicated on the understanding that punishment, both in its aims and in its substance, must preserve human dignity.

Keywords: criminal punishment, theory of punishment, the purpose of punishment, the constitutional purpose of legal restrictions, human dignity, resocialization of the convicted person

For citation: Arzamastsev M. V. New theories and new objectives of criminal punishment. *Criminalist*. 2025;2(51):3-11. (In Russ.).

Наказание применяется любым человеческим коллективом в отношении лиц, нарушающих условия его существования [1, с. 237], занимая особое место во всех правовых системах. А в ответ на вызовы и угрозы современности сфера принуждения постоянно расширяется. Поскольку ослабляется неформальный социальный контроль и увеличивается межличностная дистанция, нарастает разобщенность между гражданами [2, р. 133, 147], то атомизированное общество охотно соглашается с усилением значения наказаний.

Одновременно большинство конституций закрепляет более сильную защиту прав человека в сфере уголовной юстиции, в связи с чем конституционный анализ важен именно по отношению к концепции наказания [3, с. 71]. Еще в период разработки Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) указана вытекающая из Конституции обязанность государства «ограничивать репрессивную власть над гражданами и гарантировать им свободу от репрессивных злоупотреблений» [4, с. 170], но и сегодня ученые утверждают, что «в принципе ограничение любого права человека может составлять содержание уголовного наказания» [5, с. 14], с чем нельзя согласиться в рамках конституционно-правовых подходов, хотя бы

исходя из гарантий человеческого достоинства и прямо указанной в ч. 3 ст. 6 Конституции Российской Федерации недопустимости лишения гражданства. Между тем общепринятой конституционной теории наказания, построенной на принципах правового государства, пока нет.

Развернутая теория наказания должна отвечать на вопросы: о природе преступления и наказания; о моральном оправдании государственного принуждения; о легитимности правоограничений; о принципах уголовной ответственности; об адекватных видах и размерах наказания [6, р. 510—511; 7, р. 77, 96]. Ответы на данные вопросы во многом зависят от определения допустимых целей, преследуемых наказанием. Это те цели, для достижения которых государство ограничивает права человека. В отличие от уголовно-правовой соразмерности (предполагающей главным образом соотношение строгости наказания с общественной опасностью, тяжестью преступления или — реже — со свойствами личности преступника), конституционная оценка пропорциональности применяемых государством принудительных мер начинается с проверки их соответствия преследуемым (поставленным) целям, что обуславливает особую важность последних.

Исторически отчетливо дифференцируются теории возмездия (метафизические, этические, ретрибутивные) и теории полезности (прагматические, эмпирические, утилитарные)¹. Соответственно, в них чаще анализируются ретрибутивные (соразмерное возмездие за совершенное преступление) и утилитарные (максимизация общего счастья, блага или минимизация вреда) цели.

Недостатки приведенных концепций, абсолютизирующих какую-то одну цель, преодолеваются путем разработки теорий, которые признают телеологическую множественность [8, с. 22 – 23], то есть носят смешанный или компромиссный характер.

Склонен к компромиссу и современный законодатель, что явно обнаруживается в тексте ч. 2 ст. 43 УК РФ («Наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений»). То есть институт наказания одновременно направлен и на ретрибутивную цель (восстановление социальной справедливости), и на утилитарные цели (исправление осужденного и предупреждение новых преступлений, которое также обозначается как превенция), которые обозначены как относительно самостоятельные (о чем свидетельствует двукратное использование законодателем термина «цели»).

В отличие от наказания принудительные меры медицинского характера не предопределяются тяжестью деяния, совершенного невменяемым лицом, и имеют своими целями только излечение такого лица или улучшение его психического состояния, а также предупреждение совершения им новых деяний, предусмотренных уголовным законом².

¹ В зависимости от целей наказания С. В. Познышев классифицировал теории на теологические, строго метафизические, эклектические (смешанные), эмпирические (или утилитарные) [9, с. 26].

² По делу о проверке конституционности пунктов «а», «в» части первой статьи 97, ста-

Поэтому они не связаны с целью возмездия и носят утилитарный характер.

Сегодня в пенологический дискурс также вошли коммуникативные (экспрессивные, психологические) концепции, реститутивный (восстановительный) подход и экономический анализ уголовного принуждения.

Коммуникативные концепции, имея своей отдаленной предпосылкой психологическую теорию Л. И. Петражицкого³, опираются на идею «морального упрека, который общество и государство адресует лицу, совершившему преступление» [5, с. 15]. Осознание и переживание такого упрека должно вызвать у преступника сожаление о причиненном вреде и раскаяние (в некоторых теориях — даже покаяние) в своем поведении [10, с. 162 – 180; 11, с. 24 – 31], что и является в таких теориях целью наказания. Строгость такой принудительной меры отражает оценку опасности деяния и виновности лица, а также подчеркивает важность и серьезность сообщения, передаваемого обществу, потерпевшему и самому наказанному, а размер наказания отражает громкость сигнала (в связи с чем одинаково неэффективны неразличимый шепот и оглушающий крик).

В случае восстановительного правосудия «примирительные процедуры создают условия для переосмысления правонарушителем собственной жизни и поступков, а его реальная жизнь,

тей 99 и 100, частей первой и третьей статьи 102 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросами Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 ноября 2023 г. № 54-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 49 (ч. 4). Ст. 8878.

³ В его теории личное восприятие правонарушения или сведения о нем вызывают у окружающих «авторитетно-порицательные» эмоции, а также «этические переживания в пользу исправления» [12, с. 121 – 122]. Наряду с этим тюремное заключение вызывает переживание преступником «долга терпения наказания» [13, с. 86].

направленная на возмещение ущерба пострадавшим, способствует общему постепенному оздоровлению его личности» [14, с. 186]. Конечная цель в реститутивных теориях предполагает восстановление социального мира, что было присуще и принципу талиона.

Важно, что талион не только и не столько предполагал, что «мера наказания должна воспроизводить вред, причиненный... преступлением» [15, с. 9], сколько устанавливал верхний и нижний предел ответа на деяние [16, р. 95–96], не позволяя наказанию выходить за пределы проступка [17, S. 160], а также восстанавливал мир внутри социальной группы, исчерпывая право на возмездие [18, с. 280]. И хотя этот принцип в большей мере отвечал на вопрос, как наказывать, а не почему (для чего) наказывать [19, р. 155], он ограничивал властный произвол и насилие, выполняя тем самым в доконституционную эпоху ту роль, которая впоследствии будет присуща конституционализму.

Экономические аспекты наказания изучаются уже более полувека. В основе анализа идея, что общество несет затраты на исполнение наказания, которое также исключает осужденного из социально полезных общественных отношений [20, с. 78], в том числе производственных [21, с. 117–118]. В экономической модели наказание одновременно является и ценой, уплачиваемой преступником за свою выгоду (материальную или психологическую) от преступления, и издержками (потерями) общества, соглашающегося с ними в целях благосостояния [22]. В эту цену включается совокупность материальных затрат и убытков (расходы на уголовный процесс, на систему исполнения наказаний, потери осужденных в заработной плате и потери бюджета от непоступления налогов с таких доходов и пр.), а также нематериальные потери (репутационные издержки, моральные стра-

дания осужденных, их родственников и близких, разрушенные судьбы и семьи и т. д.) [5, с. 15].

Позднее экономический анализ благосостояния стал учитывать не только непосредственные выгоды, получаемые от потребления товаров и услуг, но также степень эстетического удовлетворения людей, их чувства к другим и все остальное, что они ценят [23, р. 331–362]. Даже сторонники данного подхода признают, что нарушение социальных норм (а тем более преступление) вызывает сильные негативные эмоции, а потому наказание приносит не столько материальные, сколько психологические выгоды [24, р. 625–655]. В этой части экономический подход сближается с коммуникативным.

Оптимальной (эффективной), по Парето¹, будет такая система уголовной юстиции, любое изменение в которой будет приводить к уменьшению общего благосостояния (или увеличению общей суммы потерь и расходов). Тем самым «уголовное право... должно реализовать парето-эффективное равновесие, при котором любое изменение может привести к негативным последствиям и увеличению издержек» [25, с. 10]. Основываясь на таком понимании, экономический анализ уголовного права предлагает уравнивать затраты общества на установление уголовной ответственности, привлечение к ней конкретного лица и тот вред (ущерб), который причиняется преступлением и который одновременно является выгодой преступника (воспринимается им как выгода). Соответственно, наказание, невыгодное само по себе ни обществу, ни правонарушителю, имеет цель минимизировать (оптимизировать) общую сумму, которая образуется из потерь об-

¹ Парето-оптимум представляет собой «равновесие, при котором ресурсы распределены так, что невозможно увеличить благосостояние любого из участников, не уменьшая благосостояния кого-либо из остальных» [26, с. 10].

щества от преступности и расходов на противодействие ей.

Теории не приближают к единому пониманию, поскольку из одного и того же конституционного основания исследователи делают прямо противоположные выводы относительно целей ограничений, применяемых в качестве реакции на преступления. Так, о ретрибутивистской трактовке свидетельствует вывод, что «соразмерность, в конечном счете, является воплощением справедливости» [27, с. 101]. Напротив, по оценке О. С. Гузеевой, конституционная цель защиты конституционных ценностей конкретизируется в уголовно-правовых целях: предупреждения преступлений и отчасти исправления осужденного [28, с. 337]. Этот подход можно оценить как утилитарный, однако обоснован он, как и предыдущий, на ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации.

Даже использование потенциала Конституции Российской Федерации не меняет характера научной дискуссии, сводящейся к традиционной триаде: ретрибутивизм — утилитаризм — компромисс. Авторы лишь соглашаются с законодателем или предлагают исключить из ст. 43 УК РФ ту или иную цель, полагая ее излишней либо конституционно неоправданной. Показательны в этом отношении высказывания, что «никакой иной цели, кроме осуждения-покара, у уголовного наказания быть не может, да и не должно» [29, с. 52], «цель наказания за преступление должна быть сдерживающей и карательной, а не компенсаторной» [5, с. 13] и, напротив, «цель наказания — восстановление социальной справедливости — как неудачная попытка законодателя отказаться от термина “кара” ... подлежит исключению из ч. 2 ст. 43 УК РФ» [30, с. 41], «наказание как ограничение прав человека само по себе не может быть легитимировано соображениями справедливости» [28, с. 337].

Видимо, законодательное закрепление целей наказания (ч. 2 ст. 43 УК РФ) сыграло злую шутку с пенологическими теориями, поскольку в основном дискуссия ведется в нормативно очерченных пределах [31, с. 338 — 342; 32, с. 152 — 166; 33, с. 32 — 42], хотя и предпринимаются отдельные попытки переосмыслить право государства на наказание [34]. Вместе с тем цели принуждения зависят от природы и целей государства [35, р. 457], от идеи права [36, с. 179], то есть от типа правопонимания. Разработчики российского уголовного закона в основном исходили из идей, сформулированных еще в социалистическом правопорядке, по крайней мере, очевидно генетическое родство нормативного понимания целей уголовного наказания в советский (ст. 20 УК РСФСР 1960 года) и современный период.

Меж тем переосмысление отношений между личностью, обществом и государством ставит перед наказанием новые цели. Так, отбытие наказания (или освобождение от его отбывания) возвращает человека в общество, восстанавливая его место в социальных отношениях. Это обстоятельство следует учитывать даже в отношении пожизненного лишения свободы¹. Именно поэтому законодатель сегодня предполагает применение в отношении осужденных мер probation, в том числе при исполнении принудительных работ и лишения свободы (пенитенциарная probation) либо наказаний, не связанных с изоляцией от общества (исполнительная probation). Такие меры наряду с целями исправления, коррекции социального поведения

¹ По делу о проверке конституционности пункта «б» части третьей статьи 125 и части третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Вологодского областного суда и жалобой граждан Н. В. Королева и В. В. Королевой : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2016 г. № 24-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 48 (ч. 3). Ст. 6839.

и предупреждения новых преступлений направлены на ресоциализацию [37, с. 7], социальную адаптацию и социальную реабилитацию осужденных¹.

Если признать, что «у всякой целеустремленной системы на одном уровне может быть только одна специфическая цель» [33, с. 43], а также попытаться объединить цели, указанные в различных законах, то можно предложить динамический подход (теорию динамических целей, различающихся в зависимости от этапа или стадии, каждому из которых присуща только одна из них).

То есть цели наказания выражены по-разному на различных этапах уголовно-правового регулирования. На первом (пенализация деяний) законодатель оценивает общественную опасность определенных форм поведения и запрещает их под угрозой применения наказания, соразмерного их общественной опасности, что направлено главным образом на общее предупреждение преступлений. На втором (индивидуализация наказания) назначение судом за совершение конкретного преступления определенной меры наказания означает — в случае справедливости такой меры — восстановление социальной справедливости, а также согласно ч. 3 ст. 60 УК РФ прогнозирует возможность реализации в будущем цели исправления. Если же социальная справедливость восстановлена за счет активных усилий самого лица, загладившего причиненный преступлением вред, то законодатель допускает освобождение такого лица от уголовной ответственности. На третьем этапе (исполнение наказания) целью является собственно исправление (что особо подчеркнуто в нормах об условном осуждении, об отсрочке или условно-досрочном освобождении от отбывания наказания). На четвертом этапе (период

постпенитенциарной probation) целью является ресоциализация осужденных. После этого остается действие частной превенции, которая подкрепляется правоограничениями, связанными с состоянием судимости (пятый этап). То есть хотя цели наказания провозглашаются законодателем как равнозначимые и их нельзя рассматривать как соподчиненные, они имеют определенную динамику (стадийность). Если же цели уголовного наказания достигнуты или принципиально недостижимы, то применение наказания теряет всякий смысл.

Таким образом, сегодня необходимо возобновление научной дискуссии о теории уголовного наказания. Такая теория должна: основываться на принципах правовой системы государства; соответствовать Конституции; быть универсальной (оставаться относительно стабильной весь период действия Конституции даже при изменении уголовного закона); охватывать институт уголовного наказания в целом, включая деятельность законодателя и правоприменителей; определять содержание и пределы уголовного наказания (в том числе исходя из целей правоограничений); относиться ко всем видам наказания.

Если федеральный законодатель определяет цели применения наказания (в ст. 43 УК РФ), общие цели исполнения наказания (в ст. 1 УИК РФ) и специальные цели исполнительской и пенитенциарной probation в отношении отдельных категорий осужденных (ст. 4 Федерального закона от 6 февраля 2023 года № 10-ФЗ «О probation в Российской Федерации»), то конституционные цели должны существовать весь период действия Конституции, охватывать (оправдывать) институт уголовного наказания в целом, включая и саму нормотворческую деятельность по установлению системы таких принудительных мер, определению их содержания и включению их в санкции за конкретные преступления.

¹ О probation в Российской Федерации : Федеральный закон от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ : текст с изм. и доп. на 29 мая 2024 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Конституционная цель уголовного наказания должна носить максимально общий и универсальный характер как по своему текстуальному выражению, так и по смыслу. К примеру, Конституционный Суд Российской Федерации провел разграничение конституционного понятия лишения свободы как уголовного наказания и лишения свободы в его специальном уголовно-правовом значении¹. Однако подобного конституционно-правового толкования целей уголовного наказания не давалось.

Конституционная цель уголовного наказания должна быть сформулирована таким образом, чтобы оставаться стабильной в течение всего периода действия Конституции и при этом служить надежным ограничителем произвола. Этим не исключается возможность эволютивного толкования целей уголовного наказания, если оно не приводит к изменению конституционных основ или к умалению прав и свобод человека.

Представляется, что остается недооцененным потенциал категории «человеческое достоинство». Это понятие восходит к идеям Канта (человек «существует как цель сама по себе, а не только как простое средство» для любого использования «со стороны той или другой воли» [34, с. 165]), которые продолжают в современном конституци-

онализме («личность... выступает не как объект государственной деятельности, а как равноправный субъект»²). Если ч. 2 ст. 7 УК РФ исключает возможность цели унижения человеческого достоинства, то ч. 2 ст. 21 Конституции Российской Федерации указывает, что никто не должен подвергаться унижающему человеческое достоинство наказанию. Это означает, что уголовное принуждение не только субъективно, но и объективно не может ограничивать человеческое достоинство, отрицать субъектность человека, превращать его в объект воздействия.

Уголовный закон различает достоинство личности (глава 17 УК РФ) и человеческое достоинство (ст. 7, 110 УК РФ), которое разделяется на достоинство человека и достоинство группы (ст. 282 УК РФ). Поскольку человек не наделяется достоинством, а обладает им ввиду своей человеческой природы, то наказание не только по своим целям (субъективно), но и по содержанию (объективно) должно сохранять человеческое достоинство. А разрабатываемые теории наказания — учитывать человеческое достоинство и предполагать лишь такие правоограничения, которые предполагают цели, вытекающие из субъектного статуса осужденного и исключают его инструментализацию.

Список источников

1. Шаргородский М. Д. Избранные работы по уголовному праву. Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2003. 434 с.
2. Black D. J. The Mobilization of Law // The Journal of Legal Studies. 1973. Vol. 2, № 1. P. 125 – 149.
3. Флетчер Дж., Наумов А. В. Основные концепции современного уголовного права. Москва : Юрист, 1998. 511 с.

¹ По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2016 г. № 12-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 17. Ст. 2480.

² По делу о проверке конституционности статей 220.1 и 220.2 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. А. Аветяна : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 3 мая 1995 г. № 4-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 19. Ст. 1764.

4. Понятовская Т. Г. Концептуальные основы уголовного права России: история и современность : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ... д-ра юрид. наук / Понятовская Татьяна Григорьевна. Казань, 1996. 345 с.
5. Бабаев М., Пудовочкин Ю. Уголовное наказание: проблемы теоретического понимания и уголовно-политическое значение // Уголовное право. 2017. № 4. С. 13–18.
6. Murphy J. G. Does Kant Have a Theory of Punishment? // Columbia Law Review. 1987. Vol. 87, № 3. P. 509–532.
7. Davis M. Punishment Theory's Golden Half Century: A Survey of Developments from (About) 1957 to 2007 // The Journal of Ethics. 2009. Vol. 13, № 1. P. 73–100.
8. Сергеевский Н. Д. Основные вопросы наказания в новейшей литературе. Санкт-Петербург : Тип. Правительств. сената, 1893. 24 с.
9. Познышев С. В. Основные вопросы учения о наказании. Москва : Унив. тип., 1904. 407 с.
10. Шитов А. Н. The Communicative Theory of Punishment and Repentance // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 162–180.
11. Тепляшин П. В. Коммуникативная теория наказания: содержание, пределы применения, значимость для уголовно-исполнительных отношений // Вестник Владимирского юридического института. 2023. № 1 (66). С. 24–31.
12. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Ч. 1. Москва : Юрайт, 2024. 237 с. URL: <https://urait.ru/bcode/538422> (дата обращения: 23.12.2024).
13. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Ч. 2. Москва : Юрайт, 2024. 343 с. URL: <https://urait.ru/bcode/538437> (дата обращения: 23.12.2024).
14. Розин В. М. Генезис права. Москва : Nota Bene, 2001. 208 с.
15. Беспалько В. Г. Общая характеристика и принципы синайского уголовного законодательства (по материалам книги Исход Ветхого Завета) // Юридическая наука. 2013. № 3. С. 4–11.
16. Parisi F. The Genesis of Liability in Ancient Law // American Law and Economics Review. 2001. Vol. 3, № 1. P. 82–124.
17. Coninx A. Rechtsphilosophische Grundlagen des Strafers und neueste Entwicklungen im Massnahmenrecht // Recht: Zeitschrift für juristische Weiterbildung und Praxis. 2016. Vol. 34, № 4. S. 157–179.
18. Беспалько В. Г. Принцип талиона в Моисеевом уголовном законодательстве // Вестник Костромского государственного университета. 2016. Т. 22, № 2. С. 277–280.
19. Bagaric M. Proportionality in Sentencing: its Justification, Meaning and Role // Current Issues in Criminal Justice. 2000. Vol. 12, № 2. P. 143–165.
20. Кузнецова Н. Ф., Злобин Г. А. Социальная обусловленность уголовного права и научное обеспечение нормотворчества // Советское государство и право. 1976. № 8. С. 76–83.
21. Филимонов В. Д. Принципы уголовного права. Москва : ЮрИнфоР, 2002. 138 с.
22. Becker G. S. Crime and Punishment: An Economic Approach // Essays in the Economics of Crime and Punishment / ed. By G. S. Becker, W. L. Landes. N.Y., 1974. P. 1–54.
23. Kaplow L., Shavell S. Fairness versus Welfare: Notes on the Pareto Principle, Preferences, and Distributive Justice // The Journal of Legal Studies. 2003. Vol. 32, № 1. P. 331–362.
24. Ouss A., Peysakhovich A. When Punishment Doesn't Pay: Cold Glow and Decisions to Punish // The Journal of Law and Economics. 2015. Vol. 58, № 3. P. 625–655.
25. Жалинский А. Э. Уголовное право в ожидании перемен. Москва : Проспект, 2014. 400 с.
26. Кузьминов Я. И., Бендукидзе К. А., Юдкевич М. М. Курс институциональной экономики. Москва : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. 444 с.
27. Антипов С. А. Конституционные основы Общей части уголовного права : монография / отв. ред. А. И. Чучаев. Москва : Проспект, 2012. 144 с.
28. Гузеева О. С. Проблемы теории конституционализации уголовного права : монография. Москва : Проспект, 2021. 448 с.
29. Звечаровский И. Э. О целях уголовного наказания и их достижениях // Уголовное право. 2022. № 6. С. 48–52.
30. Жариков Ю. С. Конституционные основы справедливости уголовной ответственности // Современное право. 2019. № 4. С. 39–42.

31. Келина С. Г. Современные проблемы теории и практики наказания // Уголовное право. Актуальные проблемы теории и практики : сб. очерков / Ин-т государства и права Рос. акад. наук ; под ред. В. В. Лунеева. Москва : Юрайт, 2010. С. 338 – 342.
32. Егоров В. С. Вопросы правового регулирования мер уголовного принуждения. Москва : МОДЭК, 2006. 312 с.
33. Сверчков В. В. Наказание и другие меры уголовно-правового воздействия : учеб. пособие для вузов. Москва : Юрайт, 2022. 360 с.
34. Гурин Д. В. Право государства на уголовное наказание: содержание и ограничения : монография / под ред. Ю. Е. Пудовочкина. Москва : Юрлитинформ, 2022. 224 с.
35. Mayson S. G. The Concept of Criminal Law // Criminal Law and Philosophy. 2020. Vol. 14, № 3. P. 447 – 464.
36. Радбрух Г. Философия права : пер. с нем. Москва : Международные отношения, 2004. 238 с.
37. Дедов Д. И. Оценка Европейским Судом по правам человека права на жизнь в контексте целей уголовного наказания // Российское правосудие. 2014. № 3 (95). С. 5 – 9.
38. Кант И. Сочинения. В 4 т. Т. 3. Москва : Московский философский фонд, 1997. 784 с.

Информация об авторе

М. В. Арзамасцев – доцент кафедры уголовного права Санкт-Петербургского государственного университета, советник Конституционного Суда Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Information about the author

M. V. Arzamastsev – Associate Professor at the Department of criminal law, St. Petersburg State University, Advisor to the Constitutional Court of the Russian Federation, Candidate of Science (Law).

Научная статья
УДК 343.1

ВЫДАЧА ЛИЦА ДЛЯ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ И (ИЛИ) ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА: РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Елена Владимировна БАРКАЛОВА

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, elena_vallask@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы выдачи лица для уголовного преследования и (или) исполнения приговора с учетом международных договоров, изменений уголовно-процессуального закона и практики проводимых прокурорами экстрадиционных проверок, анализируются необходимые изменения законодательства.

Ключевые слова: уголовный процесс, международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства, выдача лица для уголовного преследования и (или) исполнения приговора, экстрадиция

Для цитирования: Баркалова Е. В. Выдача лица для уголовного преследования и (или) исполнения приговора: реалии и перспективы // КриминалистЪ. 2025. № 2 (51). С. 12 – 19.

Original article

EXTRADITION OF A PERSON FOR CRIMINAL PROSECUTION AND (OR) EXECUTION OF A SENTENCE: REALITIES AND PROSPECTS

Elena V. BARKALOVA

*St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian
Federation, St. Petersburg, Russia, elena_vallask@mail.ru*

Abstract. The article discusses the problems of extraditing a person for criminal prosecution and (or) execution of a sentence, taking into account international treaties, changes in the criminal procedural law and the practice, extradition checks conducted by prosecutors. The article also analyses necessary legislative amendments.

Keywords: criminal procedure, international cooperation in criminal proceedings, extradition of a person for criminal prosecution and (or) execution of a sentence, extradition

For citation: Barkalova E. V. Extradition of a person for criminal prosecution and (or) execution of a sentence: realities and prospects. Criminalist. 2025;2(51):12-19. (In Russ.).

Одним из традиционных и в наибольшей степени регламентированных направлений международно-правового сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства является выдача лиц для уголовного преследования и (или)

исполнения приговора. Несмотря на то что динамично развивается международное законодательство, приняты новеллы национального уголовно-процессуального закона [1; 2], существующая правовая регламентация недостаточна

© Баркалова Е. В., 2025

для решения практических и теоретических проблем, касающихся применения института экстрадиции. Об этом свидетельствуют многочисленные научные работы [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13], в которых указывается на необходимость ликвидации законодательных пробелов и введения различных норм в уголовно-процессуальный закон, например устанавливающих механизм проведения экстрадиционной проверки, а также устранения противоречия норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), в частности регламентирующих реализацию прокурором полномочий при установлении местонахождения на территории Российской Федерации иностранного гражданина, объявленного в международный (межгосударственный) розыск, избрании меры пресечения в отношении его при наличии постановления суда иностранного государства [1].

Правоприменитель в лице высших судебных инстанций и прокуроров, на которых возложены обязанности по проведению экстрадиционных проверок, также выявил ряд проблем в части реализации полномочий прокурора в процессе проведения экстрадиционной проверки, связанных с неоднозначным толкованием некоторых положений уголовно-процессуального закона.

Федеральным законом от 17 января 1992 года № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (ст. 2) предусмотрено осуществление органами прокуратуры международно-правового сотрудничества¹, к которому с учетом содержания части пятой Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации относятся направление и исполнение запросов о выдаче лиц для уголовного преследования и (или) ис-

полнения приговора (пп. 3.2 и 3.3 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 3 июня 2020 года № 297 «О порядке осуществления международного сотрудничества органами и организациями прокуратуры Российской Федерации»²). При исполнении и направлении запроса о выдаче лица для уголовного преследования и (или) исполнения приговора прокурор осуществляет свои полномочия в рамках уголовно-процессуальной деятельности. Однако в ст. 37 УПК РФ отсутствует указание на конкретные полномочия прокурора в рассматриваемых направлениях деятельности, поскольку регламентирует участие прокурора в уголовном судопроизводстве, включающем в себя досудебное производство и рассмотрение уголовного дела судом. Очевидно, что международное сотрудничество в уголовном судопроизводстве, которому посвящена часть пятая Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, остается за рамками традиционных этапов уголовного судопроизводства. При этом п. 16 ч. 2 ст. 37 УПК РФ указывает на возможность осуществления прокурором иных полномочий, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации. В главе 54 УПК РФ, посвященной выдаче лиц, полномочия прокурора регламентированы пп. 4, 5, 7 ст. 462, чч. 2, 3 ст. 462.1, чч. 2—4 ст. 463, ч. 3 ст. 464, ч. 2 ст. 465, ст. 466. Механизм проведения экстрадиционной проверки, в которой задействованы органы прокуратуры всех звеньев, вплоть до Генерального прокурора Российской Федерации или его заместителя, уполномоченного принимать решение о выдаче или об отказе в таковой (ч. 4 ст. 462 УПК РФ),

¹ О прокуратуре Российской Федерации : Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 : текст с изм. и доп. на 3 февр. 2025 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О порядке осуществления международного сотрудничества органами и организациями прокуратуры Российской Федерации : Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 3 июня 2020 г. № 297. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

урегулирован Указанием Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 5 марта 2018 года № 116/35¹.

Дискуссионным вопросом является практика реализации полномочий, предоставленных прокурору ч. 2 ст. 466 УПК РФ: возможность принимать решение об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу при наличии постановления суда иностранного государства об избрании таковой. На это полномочие также ссылается Пленум Верховного Суда Российской Федерации. Если к запросу о выдаче прилагается решение судебного органа иностранного государства о заключении такого лица под стражу, то прокурор в соответствии с ч. 2 ст. 466 УПК РФ вправе заключить его под стражу без подтверждения судом указанного решения на срок, не превышающий два месяца с момента задержания (ч. 1 ст. 109 УПК РФ)².

Помимо этого положение п. 1.2.2 Указания Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 5 марта 2018 года № 116/35 в части обеспечения прокурором составления протокола задержания по-разному трактуется на практике. Согласно ч. 1 ст. 91 УПК РФ задержание производится органом дознания, дознавателем, следователем. В некоторых субъектах Российской Федерации при проведении экстрадиционной проверки, несмотря на фактическое задержание лица органом дознания, прокурор

составляет и подписывает протокол задержания лица, находящегося в международном (межгосударственном) розыске, в отношении которого инициатор розыска подтвердил намерение запрашивать выдачу [3, с. 64 – 70].

Очевидно, что указанные законодательные коллизии обуславливают потребность в приведении в соответствие нормативных актов с учетом единой позиции относительно функционирования отдельных институтов уголовно-процессуального права.

Требует законодательного разрешения процессуальный статус лица, в отношении которого проводится экстрадиционная проверка прокурором. В частности, И. В. Смолкова рассматривает указанных лиц как «объект выдачи» [13, с. 149], несмотря на то что они очевидно обладают правосубъектностью. Многообразие предлагаемых представителями научного сообщества формулировок наименования нового процессуального участника, а также спектра его прав и обязанностей свидетельствует о многополярности мнений в поиске оптимальной уголовно-процессуальной конструкции в законодательстве. Юристов-теоретиков исходя из их позиции можно разделить на три группы. Одни ученые не считают необходимым вносить изменения в законодательство, а указывают, что «до предоставления необходимых доказательств, при наличии первичных данных, обозначенных в розыском циркуляре, лицо считается подозреваемым в совершении преступления» [9, с. 15 – 16; 13, с. 148 – 155]. В. М. Волженкина полагает необоснованным «обращение за выдачей подозреваемых, так как выдача связана с требованием о непреклонном избрании единственной меры пресечения — заключения под стражу, которая к подозреваемым применяется в исключительных случаях на срок до 10 суток» [6, с. 186]. А. Е. Косарева отмечает, что про-

¹ О порядке работы органов прокуратуры Российской Федерации по вопросам выдачи лиц для уголовного преследования или исполнения приговора : Указание Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 5 марта 2018 г. № 116/35 : текст с изм. и доп. на 25 нояб. 2022 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2012 г. № 11 : текст с изм. и доп. на 3 марта 2015 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

цессуальный статус придается лицу государством — отправителем запроса [9, с. 16]. По мнению П. В. Кузнецова, процессуальный статус экстрадируемого лица как подозреваемого остается даже после принятия решения о выдаче и вступления в силу. И. В. Смолькова пишет, что в данном случае лицо наделяется статусом «осужденного» [13, с. 149] (очевидно, автор имела в виду обвиняемого, поскольку сделала ссылку на ч. 2 ст. 47 УПК РФ). Получается, что, по мнению И. В. Смольковой, решение прокурора о выдаче является основанием для изменения процессуального статуса лица, что не предусмотрено Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации.

Однако для того чтобы указанный процессуальный статус лица, подвергающегося уголовному преследованию, соответствовал процессуальному статусу лица на территории государства — отправителя запроса, необходима соответствующая оговорка в национальном уголовно-процессуальном законе, которая отсутствует в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации. Выдаваемое лицо вправе реализовывать только некоторые права подозреваемого и обвиняемого, например у такого лица нет права на реабилитацию. При ратификации Кишиневской конвенции о взаимной правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 2002 года Российская Федерация сделала оговорку о том, что Российская Федерация не несет ответственности по искам о возмещении материального ущерба и (или) морального вреда, причиненных вследствие задержания или содержания под стражей в Российской Федерации лиц до получения запроса об их выдаче, а также причиненных в связи с отсрочкой или отменой передачи лиц, в отношении ко-

торых принято решение о выдаче¹. Соответственно, у лиц, в отношении которых проводилась экстрадиционная проверка, но они не были выданы иностранному государству, отсутствует право на реабилитацию.

Нельзя не обратить внимание также на то, что материалы экстрадиционной проверки, в отличие от материалов уголовного дела, не содержат полученных на территории Российской Федерации доказательств по уголовному делу.

Дискуссионным является вопрос о том, можно ли экстрадицию как направление международно-правового сотрудничества относить к уголовному преследованию и говорить о тех же процессуальных участниках.

А. И. Бойцов приводит мнение о различных подходах к экстрадиции — англосаксонском и европейско-континентальном. Первый предусматривает проверку «достаточных оснований» для осуществления уголовного преследования, в то время как второй носит «административный характер» [4, с. 226–228], предполагающий проверку запроса о выдаче на предмет соответствия международному договору и национальному законодательству. При этом учеными отмечается тяготение отечественной уголовно-процессуальной конструкции к континентальному варианту, но вместе с тем ее уникальность и специфические отличия. Выделение в Федеральном законе от 17 января 1992 года № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» в качестве самостоятельной функции органов прокуратуры осуществление международного сотрудничества наряду с функциями уголовного преследования и надзора за процессуальной деятельностью органов предвари-

¹ О ратификации Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам : Федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 452-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

тельного расследования указывает на необходимость определения участников соответствующих правоотношений, отличных от традиционных участников уголовного судопроизводства, соответственно, порождает другую точку зрения на процессуальный статус экстрадируемого лица.

Большинство ученых предлагают предусмотреть одного участника в уголовно-процессуальном законе. Однако и в этом случае наблюдается плюрализм мнений относительно его наименования: лицо, обвиняемое в совершении преступления, подпадающее под уголовную юрисдикцию государства [5, с. 7]; лицо, запрашиваемое иностранным государством в целях уголовного преследования или исполнения приговора [10]; лицо, объявленное в международный розыск; лицо, в отношении которого у иностранного государства имеется намерение запрашивать выдачу; лицо, в отношении которого поступил запрос о выдаче; лицо, подлежащее выдаче [8; 11; 12; 13], и др. Правоприменитель негативно относится к использованию выражения «лицо, совершившее преступление»¹, поскольку если в отношении иностранного гражданина поступил запрос о его выдаче для осуществления уголовного преследования, вина в совершении инкриминируемого преступления еще не установлена приговором суда.

Третья точка зрения на процессуальный статус экстрадируемого лица предполагает введение в уголовно-процессуальный закон норм сразу о двух процессуальных участниках. Ими являются лицо, в отношении которого имеется намерение запрашивать выдачу,

¹ О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 : текст с изм. и доп. на 11 июня 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

и лицо, в отношении которого поступил запрос о выдаче [7, с. 85 – 90]. Объясняется такой подход различным объемом прав, предоставленных указанным участникам. Очевидно, что лицо, в отношении которого проводится экстрадиционная проверка, обладает правами, присущими обвиняемому.

Однако зачем вводить норму о процессуальном участнике в уголовно-процессуальный закон, если его права и обязанности уже регламентированы ведомственным актом – Указанием Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 5 марта 2018 года № 116/35 (п. 1.2.2)? Во-первых, в отечественном законодательстве, как правило, новые уголовно-процессуальные институты, предполагающие осуществление определенных видов уголовно-процессуальной деятельности, легализуются либо с вступлением в силу международного договора, который может как иметь прямое действие, пройдя процедуру ратификации, так и подразумевать разработку и принятие соответствующих законов [14, с. 310 – 350]. В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации экстрадиция нашла лишь частичную регламентацию.

Во-вторых, правоприменитель сталкивается с проблемой определения объема прав и обязанностей процессуальных участников при применении соответствующего правового института. Например, лицу, задержанному в связи с нахождением в международном розыске, предоставляется защитник на основании п. 1.2.2 Указания Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 5 марта 2018 года № 116/35. Вместе с тем ст. 51 УПК РФ данный случай не отнесен к числу случаев обязательного участия защитника. В связи с этим на практике возникает вопрос о возмещении расходов на оплату услуг защитника в связи с участием в процессуальных действиях в рамках экстрадиционной провер-

ки. В некоторых субъектах Российской Федерации данная проблема решается на уровне прокуратуры и адвокатской палаты субъекта Российской Федерации путем заключения договора и включения соответствующего вида расходов в бюджет прокуратуры. Однако такая практика не повсеместна.

Наиболее целесообразной представляется вторая научная позиция относительно регламентации процессуального статуса экстрадируемого лица. При этом непринципиально наименование нового участника, однако круг его прав и обязанностей должен быть четко определен, даже если нормы уголовно-процессуального закона будут частично отсылать к регламентирующим процессуальный статус других участников.

К вопросу о сроках действия меры пресечения, избираемой в отношении задержанного лица. Следует выделить различные ситуации в зависимости от представленных компетентным органом иностранного государства документов:

1) лицо объявлено в международный (межгосударственный) розыск, однако государство — инициатор розыска не подтверждает намерение запрашивать выдачу;

2) лицо объявлено в международный (межгосударственный) розыск, при этом государство — инициатор розыска подтверждает намерение запрашивать выдачу;

3) лицо объявлено в международный (межгосударственный) розыск, государство — инициатор розыска прилагает постановление суда об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении разыскиваемого лица;

4) государство — инициатор розыска представляет запрос о выдаче с необходимыми документами в отношении задержанного на территории России объявленного в международный (межгосударственный) розыск лица.

В первой ситуации лицо может быть задержано на 48 часов с продлением срока до 72 часов включительно для представления дополнительных документов, по истечении которого при неподтверждении инициатором розыска запроса о выдаче задержанный должен быть освобожден на основании постановления прокурора (п. 1.2.6 Указания Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 5 марта 2018 года № 116/35).

Во второй ситуации государство — исполнитель запроса о выдаче лица для уголовного преследования и (или) исполнения приговора должно руководствоваться процессуальными сроками действия меры пресечения в виде заключения под стражу, установленными международными договорами. Согласно Кишиневской конвенции о взаимной правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 2002 года и Европейской конвенции о выдаче 1957 года срок действия меры пресечения в виде заключения под стражу составляет 40 суток, в то время как для стран — участниц Минской конвенции о взаимной правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 года, не ратифицировавших Кишиневскую конвенцию, данный срок составляет 30 дней.

Сроки действия меры пресечения в виде заключения под стражу в третьей и четвертой ситуациях исчисляются по общему правилу исчисления сроков содержания под стражей в соответствии со ст. 109 УПК РФ и составляют два месяца.

Актуальным является вопрос о продлении меры пресечения в виде заключения под стражу для обеспечения фактической передачи лица после того, как решение о выдаче вступило в силу. Представляется, что в данном случае надлежит руководствоваться общими сроками, установленными ст. 109 УПК РФ. При этом данный вопрос также

находится в исключительной компетенции суда.

Вступившая в силу для Российской Федерации в июле 2021 года Кишиневская конвенция о взаимной правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 2002 года содержит ряд новелл в части экстрадиции, однако корреспондирующие изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации

Российской Федерации в части заимствования или детализации отдельных положений международного договора не были внесены. Дискуссионные вопросы так и остались неразрешенными, возможно, потому, что они требуют применения системного подхода в части не только введения новых процессуальных участников, но и, прежде всего, уточнения полномочий ответственных за ее осуществление лиц — прокуроров.

Список источников

1. Баркалова Е. В. Новеллы международно-правового сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства // Актуальные вопросы прокурорской деятельности : лекции / Л. В. Готчина, Р. Д. Шарапов, Е. В. Баркалова [и др.] ; под ред. А. П. Спиридонова. Санкт-Петербург : С.-Петерб. юрид. ин-т (фил.) Ун-та прокуратуры Российской Федерации, 2024. (Серия «В помощь прокурору» ; вып. 14). С. 196 — 213.
2. Баркалова Е. В., Маначкин А. А. Актуальные вопросы привлечения к уголовной ответственности граждан государств — участников Содружества Независимых Государств за преступления, совершенные ими на территории Российской Федерации или против ее интересов // КриминалистЪ. 2023. № 2 (43). С. 11 — 16.
3. Баркалова Е. В. Экстрадиция. Передача лица для отбывания наказания. Возвращение преступных активов : учеб. пособие. Санкт-Петербург : С.-Петерб. юрид. ин-т (фил.) Ун-та прокуратуры Российской Федерации, 2023. 87 с.
4. Бойцов А. В. Выдача преступников. Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2004. 795 с.
5. Волженкина В. М. К вопросу о разработке закона «О выдаче (экстрадиции)» // Уголовное право. 2002. № 1. С. 6 — 9.
6. Волженкина В. М. Нормы международного права в российском уголовном процессе. Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2001. 359 с.
7. Зимина С. В. Выдача лица для уголовного преследования или исполнения приговора и экстрадиция: соотношение понятий // КриминалистЪ. 2022. № 1 (38). С. 85 — 90.
8. Косарева А. Е. Выдача лица для уголовного преследования или исполнения приговора в российском уголовном судопроизводстве : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : дис. ... канд. юрид. наук / Косарева Алла Евгеньевна. Санкт-Петербург, 2005. 254 с.
9. Косарева А. Е. Процессуальный статус лица, выдаваемого для привлечения к уголовной ответственности за границей // Судебная реформа и эффективность деятельности органов суда, прокуратуры и следствия : 7-я науч.-практ. конф. молодых ученых, Санкт-Петербург, 24 апреля 2004 г. : тезисы выступлений / С.-Петерб. юрид. ин-т Генеральной прокуратуры Российской Федерации ; под общ. ред. В. В. Новика. Санкт-Петербург : СПб ЮИ ГП РФ, 2004. С. 15 — 16.
10. Лятифов Р. Г. Избрание мер пресечения для обеспечения выдачи лица, запрашиваемого иностранным государством в целях уголовного преследования или исполнения приговора : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : дис. ... канд. юрид. наук / Лятифов Рашид Габилевич. Рязань, 2019. 202 с.
11. Несмачная Н. В. Выдача лица для уголовного преследования или исполнения приговора: правовое регулирование и порядок осуществления в Российской Федерации : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : дис. ... канд. юрид. наук / Несмачная Нина Валерьевна. Москва, 2016. 171 с.

12. Сафаров Н. А. Экстрадиция в международном уголовном праве : проблемы теории и практики : специальность 12.00.10 «Международное право; Европейское право» : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Сафаров Низами Абдуллаевич. Москва, 2007. 57 с.

13. Смолькова И. В. Выдача (экстрадиция) лица для уголовного преследования или исполнения приговора : монография. Москва : Юрлитинформ, 2022. 264 с.

14. Спиридонов А. П. Международное уголовное право и уголовное право Российской Федерации: проблемы влияния и соотношения : монография. Москва : Приор-издат, 2004. 352 с.

Информация об авторе

Е. В. Баркалова – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

E. V. Barkalova – Associate Professor at the Department of criminal procedure and criminalistics, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Научная статья
УДК 343.98

ПРОГРАММЫ ДЕЙСТВИЙ СЛЕДОВАТЕЛЯ В ТИПИЧНЫХ ИСХОДНЫХ СИТУАЦИЯХ, СКЛАДЫВАЮЩИХСЯ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА О НЕЗАКОННОМ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВЕ

Максим Сергеевич БЕРЕЗДОВЕЦ^{1,2}

¹ Прокуратура Гурьевского района Калининградской области, Гурьевск, Калининградская область, Россия, maximberezdovec@yandex.ru

² Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются особенности типичных исходных ситуаций, складывающихся в ходе проверки сообщения о незаконном предпринимательстве. На основе проведенного исследования автором предложены типовые программы действий следователя в указанных исходных ситуациях.

Ключевые слова: проверка сообщения о незаконном предпринимательстве, типичные исходные ситуации, складывающиеся на стадии возбуждения уголовного дела, типовые программы действий следователя в исходных ситуациях

Для цитирования: Берездовец М. С. Программы действий следователя в типичных исходных ситуациях, складывающихся на стадии возбуждения уголовного дела о незаконном предпринимательстве // КриминалистЪ. 2025. № 2 (51). С. 20 – 26.

Original article

INVESTIGATOR'S ACTION PROGRAMS IN TYPICAL INITIAL SITUATIONS ARISING AT THE STAGE OF INITIATION OF A CRIMINAL CASE OF ILLEGAL ENTREPRENEURIAL ACTIVITY

Maxim S. BEREZDOVETS^{1,2}

¹ Prosecutor's Office of the Guryevsky district of the Kaliningrad region, the city of Guryevsk, Kaliningrad region, Russia, maximberezdovec@yandex.ru

² St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

Abstract. The article examines the features of typical initial situations arising during the verification of a report of illegal entrepreneurial activity. Based on the research conducted, the author has proposed standard action programs for investigators in these initial situations.

Keywords: verification of a report of illegal entrepreneurial activity, standard initial situations arising at the stage of initiation of a criminal case, standard action plans for investigators in initial situations

For citation: Berezdovets M. S. Investigator's action programs in typical initial situations arising at the stage of the initiation of a criminal case of illegal entrepreneurial activity. Criminalist. 2025;2(51):20-26. (In Russ.).

© Берездовец М. С., 2025

На современном этапе развития рыночной экономики России противодействие незаконному предпринимательству приобретает все большую актуальность. В значительной степени это предопределено распространённостью этого деяния, а также существенными трудностями, которые испытывают правоприменители при его выявлении, что подтверждается статистическими данными.

Так, в 2022 году правоохранительными органами выявлено 272 преступления, предусмотренных ст. 171 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), что на 18 % меньше по сравнению с аналогичным периодом предшествовавшего года¹, в 2023 году этот показатель снизился на 4 % и составил 260 преступлений².

Результаты изучения правоприменительной практики дают основание для вывода, что столь низкие показатели, с одной стороны, объясняются высокой латентностью незаконного предпринимательства, с другой — неполнотой проверок сообщений об этом преступлении и, как следствие, необоснованными отказами в возбуждении уголовного дела.

Содержание и особенности проверки сообщения о преступлении, предусмотренном ст. 171 УК РФ, в значительной степени зависят от того, какая ситуация сложилась на стадии возбуждения уголовного дела.

Несмотря на значимость этой ситуации, единый подход к ее обозначению до настоящего времени отсутствует.

По мнению О. Н. Коршуновой, это ситуация, складывающаяся в процессе проверки информации о преступлении (событии преступления), или проверочная ситуация [1, с. 137]. Такой же точки

зрения придерживается Н. В. Карепа-нов [2].

Согласно позиции Н. В. Выдриной [3, с. 45] и С. Н. Чурилова [4], ситуацию на стадии возбуждения уголовного дела следует именовать «доследственной».

Термин «доследственная» также использует В. С. Зеленецкий, понимая под ситуацией на стадии возбуждения уголовного дела предварительную проверку поступившего сообщения о преступлении [5, с. 30].

Учитывая, что в научный оборот давно вошло понятие «следственные ситуации», ряд авторов по аналогии применяют понятие «исходные следственные ситуации» (А. А. Мохов [6], И. И. Кучеров, О. А. Зайцев, С. Л. Нудель и др. [7]).

Любая следственная ситуация определяет предварительное расследование по уголовному делу. В силу этого такого рода ситуацию на стадии возбуждения уголовного дела правильнее именовать исходной [8].

Солидаризируясь с изложенным подходом, полагаем, что исходная ситуация стадии возбуждения уголовного дела — это сложившаяся в ходе проверки сообщения о преступлении обстановка, характеризующаяся объемом, характером, источниками и наличием возможностей получения информации, имеющей значение для принятия итогового процессуального решения.

В юридической литературе представлены различные точки зрения относительно классификации исходных ситуаций на стадии возбуждения уголовного дела. Так, М. В. Кардашевская в качестве основания их классификации использует информацию, содержащуюся в сообщении о преступлении. По мнению автора, такая информация определяет направление проверки на основе выдвинутых следователем версий [9, с. 20].

Г. Ю. Лутошкин дифференцирует складывающиеся на стадии возбуждения уголовного дела ситуации по следующим основаниям:

¹ Состояние преступности в России за январь–декабрь 2022 года / М-во внутр. дел Российской Федерации, ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». М., 2022. С. 42.

² Состояние преступности в России за январь–декабрь 2022 года / М-во внутр. дел Российской Федерации, ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». М., 2022. С. 40.

по источнику первичной информации (обращения граждан; официальные обращения предприятий, учреждений и организаций; публикации в средствах массовой информации; явка с повинной; непосредственное обнаружение правоохранительными органами признаков преступления; результаты оперативно-разыскной деятельности);

по характеру требуемых мер проверки сообщения о преступлении (экстремальные ситуации; неотложные ситуации; ситуации, допускающие плановую проверку);

по сложности (простые; сложные, требующие большой проверочной работы) [10, с. 15–16].

Результаты изучения криминалистической литературы, обобщения практики расследования незаконного предпринимательства, интервьюирования следователей и государственных обвинителей позволяют говорить о двух основаниях классификации исходных ситуаций, возникающих при рассмотрении сообщения о преступлении, предусмотренном ст. 171 УК РФ. Это:

источник информации о совершенном преступлении;

способ совершения преступления.

В зависимости от источника информации о совершенном преступлении следует выделить две исходные ситуации:

факт незаконного предпринимательства выявлен при проведении проверки контролирующими органами (территориальными органами Федеральной налоговой службы и Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека; органами власти, осуществляющими лицензирование отдельных видов деятельности; органами власти, осуществляющими оценку соответствия заявителя требованиям аккредитации; органами прокуратуры Российской Федерации; территориальными органами Федеральной антимонопольной службы и др.);

информация о незаконном предпринимательстве получена в результате проведения оперативно-разыскных мероприятий.

Основываясь на результатах изучения правоприменительной практики, полагаем возможным определить особенности источников сведений о незаконном предпринимательстве, а также сформулировать комплекс процессуальных действий, производство которых целесообразно в каждой из этих исходных ситуаций.

Первая исходная ситуация характеризуется тем, что информация о совершении преступления получена при осуществлении уполномоченными органами контрольно-надзорных функций. В ходе проверки формируются материалы, содержащие сведения об осуществлении предпринимательской деятельности без государственной регистрации, без лицензии или без аккредитации в национальной системе аккредитации либо аккредитации в сфере технического осмотра транспортных средств.

Материалы, как правило, содержат:

документы, подтверждающие факт осуществления предпринимательской деятельности без государственной регистрации;

копии учредительных документов организации или индивидуального предпринимателя (при условии прохождения государственной регистрации);

документы, подтверждающие факт осуществления предпринимательской деятельности без лицензии;

документы, подтверждающие факт осуществления предпринимательской деятельности без аккредитации в национальной системе аккредитации или аккредитации в сфере технического осмотра транспортных средств;

копии актов и материалов ранее проведенных проверок упомянутыми выше контрольно-надзорными органами (в случае проведения таких проверок);

документы, свидетельствующие о нарушении норм действующего законода-

тельства, регламентирующих процедуру регистрации субъектов предпринимательской деятельности;

документы, свидетельствующие о допущенных нарушениях норм законодательства об осуществлении предпринимательской деятельности¹.

Комплекс проверочных мероприятий, проводимых в данной исходной ситуации:

а) изучение материалов проверок, проведенных контрольно-надзорными органами, на предмет, во-первых, наличия признаков незаконного предпринимательства, во-вторых, их достаточности для принятия решения о возбуждении уголовного дела;

б) запрос документов, отражающих финансово-хозяйственную деятельность организации или индивидуального предпринимателя на предмет соответствия требованиям законодательства о лицензировании и соблюдении финансовой дисциплины (аудиторских заключений; актов, материалов проверок, проведенных налоговыми и другими органами), и их последующий осмотр с привлечением специалиста;

в) запрос учредительных и лицензионных документов хозяйствующего субъекта, документов о движении денежных средств и иных документов, свидетельствующих об осуществлении хозяйствующим субъектом финансово-хозяйственной деятельности;

г) осмотр места происшествия (места производства продукции, ее реализации, места выполнения работ и оказания услуг, места нахождения офиса заподозренного лица);

¹ Пункт 1 ст. 23, ст. 51 Гражданского кодекса Российской Федерации, п. 2 ст. 11 Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ (ред. от 28 декабря 2024 г.) «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» — требование об обязательной государственной регистрации юридического лица, физического лица в уполномоченном государственном органе в порядке, предусмотренном законом о государственной регистрации, и др.

д) получение объяснений у лиц, проводивших проверки соблюдения требований законодательства о лицензировании; причастных к незаконному предпринимательству лиц и контрагентов хозяйствующего субъекта.

Полная информация о факте осуществления предпринимательской деятельности в отсутствие государственной регистрации или лицензии либо без аккредитации в национальной системе аккредитации или аккредитации в сфере технического осмотра транспортных средств, о наличии признаков преступления является основанием для возбуждения уголовного дела.

Во второй исходной ситуации основу первоначальных данных о совершении преступления составляют полученные в ходе оперативно-разыскных мероприятий следующие сведения:

о месте и времени осуществления предпринимательской деятельности;

лицах, причастных к совершению преступления;

об осуществлении предпринимательской деятельности в отсутствие государственной регистрации;

об осуществлении отдельных видов предпринимательской деятельности в отсутствие лицензии;

об осуществлении предпринимательской деятельности без аккредитации в национальной системе аккредитации или аккредитации в сфере технического осмотра транспортных средств;

о причиненном ущербе, его характере, вероятном размере, а также о лице (лицах), которому причинен ущерб.

В данной исходной ситуации проводится комплекс следующих проверочных мероприятий:

а) изучение материалов о результатах оперативно-разыскной деятельности на предмет полноты, соблюдения требований закона² при их получении и при-

² Об оперативно-розыскной деятельности : Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ : текст с изм. и доп. на 29 дек. 2022 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

общении к материалам процессуальной проверки¹;

б) получение объяснений у лиц, имеющих отношение к совершенному преступлению (руководитель и работники организации, индивидуальный предприниматель, контрагенты хозяйствующего субъекта); лиц, не связанных с деятельностью заподозренного лица (родственники, знакомые, соседи);

в) получение объяснений у лиц, причастных к осуществлению незаконного предпринимательства (руководитель организации, индивидуальный предприниматель, соучастники); лиц, которым известно о факте незаконного предпринимательства (бухгалтер, менеджер, обслуживающий персонал, товаровед и т. п.); лиц, являющихся партнерами хозяйствующего субъекта; лиц, не связанных с деятельностью заподозренного лица (родственники, знакомые или соседи);

г) назначение ревизии производственной и финансово-хозяйственной деятельности субъекта, незаконно осуществлявшего предпринимательскую деятельность.

В случае установления при проведении проверки в порядке ст. 144, 145 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации события преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ, немедленно следует принимать решение о возбуждении уголовного дела.

¹ Инструкция о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд : утв. Приказом Министерства внутренних дел Российской Федерации № 786, Министерства обороны Российской Федерации № 703, Федеральной службы безопасности Российской Федерации № 509, Федеральной службы охраны Российской Федерации № 507, Федеральной таможенной службы № 1820, Службы внешней разведки Российской Федерации № 42, Федеральной службы исполнения наказаний № 535, Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков № 398, Следственного комитета Российской Федерации № 68 от 27 сентября 2013 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

По справедливому замечанию Л. Ю. Аксенова и Р. П. Щербина, способ преступления является самой значимой объективной формой выражения преступления в действительности [11, с. 162]. По указанному основанию представляется возможным выделить две исходные ситуации.

Первая состоит в том, что виновный осуществляет предпринимательскую деятельность без государственной регистрации и (или) без соответствующей лицензии либо без аккредитации в национальной системе аккредитации или аккредитации в сфере технического осмотра транспортных средств. Такая противоправная деятельность не маскируется под законную. В ходе процессуальной проверки следователю необходимо установить событие преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ. Думается, что для этого целесообразно производство следующих процессуальных действий:

а) дача поручения о проведении оперативно-следственных мероприятий для установления признаков предпринимательской деятельности. Такими мероприятиями являются:

опрос задержанных в указанной деятельности лиц, близких, родственников, знакомых, соучастников виновного о местах осуществления предпринимательской деятельности, местах сбыта и хранения продукции, местах ее производства;

наведение справок: запрос сведений² из Федеральной налоговой служ-

² Правовой анализ ведомственных нормативно-правовых актов и теоретических положений относительно оперативно-розыскной деятельности позволяет определить наведение справок как оперативно-розыскное мероприятие, заключающееся в получении информации, имеющей значение для решения задач ОРД, посредством направления запросов в государственные органы, органы местного самоуправления, организации, физическим лицам, располагающим или могущим располагать таковой, либо ее получение путем непосредственного ознакомления с соответствующими материальными носителями, в том

бы о прохождении процедуры государственной регистрации; запрос сведений о выданных, приостановленных, возобновленных лицензиях в соответствующих лицензирующих государственных органах; запрос сведений из Федеральной службы по аккредитации о наличии сведений в реестре аккредитованных лиц; запрос сведений из Российского союза автостраховщиков о выдаче, переоформлении, приостановлении действия и аннулировании аттестата аккредитации;

снятие информации с технических каналов связи, прослушивание телефонных переговоров, контроль телефонных сообщений;

наблюдение — для установления места производства продукции, продажи товаров, выполнения работ, оказания услуг, места нахождения офисных помещений, складов, мест хранения техники, для установления иных соучастников;

оперативное внедрение в целях выявления признаков незаконного предпринимательства;

б) получение объяснений у причастных к такой деятельности работников;

в) осмотр места происшествия с привлечением соответствующего специалиста;

г) назначение ревизии производственной и финансово-хозяйственной деятельности субъекта, незаконно осуществлявшего предпринимательскую деятельность.

Во второй ситуации лицо осуществляет подлежащий лицензированию или аккредитации вид деятельности без необходимой лицензии (аккредитации), маскируя ее под вид деятельности, лицензированию или аккредитации не подлежащий.

числе посредством использования оперативных, криминалистических и иных учетов, информационные систем и других источников. См. подробнее: Мещерин А. И., Рясов А. В. К вопросу об условиях проведения оперативно-розыскных мероприятий // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. 2017. № 3 (23). С. 230.

Изучение практики расследования незаконного предпринимательства позволяет сделать вывод, что в рассматриваемой исходной ситуации производственный процесс не скрывается, поэтому следователю в ходе процессуальной проверки необходимо полно и всесторонне изучить особенности фактически осуществляемой деятельности и соотнести с требованиями норм законодательства о лицензировании или аккредитации отдельных видов деятельности, установить, предпринимались ли заподозренным лицом действия по получению лицензии или прохождению процедуры аккредитации, обращался ли он за разъяснением о необходимости получения такой лицензии или прохождения процедуры аккредитации.

Комплекс процессуальных действий, проводимых в рассматриваемой исходной ситуации:

а) осмотр места осуществления предпринимательской деятельности с привлечением специалиста в соответствующей области для установления вида (видов) фактически осуществляемой деятельности;

б) получение объяснений у наемных работников, руководителя о фактически осуществляемом виде (видах) деятельности, о наличии соответствующей лицензии, о сроках действия ранее полученных лицензий;

в) истребование в лицензирующем органе сведений об обращении заподозренных лиц по вопросу получения лицензии либо предоставления сведений о необходимости получения такой лицензии;

г) назначение ревизии производственной и финансово-хозяйственной деятельности субъекта предпринимательской деятельности.

Типичная исходная ситуация по делам о рассматриваемом преступлении является совокупностью обстоятельств, в условиях которых проходит проверка сообщения о преступлении. Поэтому предложенная классификация исходных

ситуаций является приблизительной. Реальная исходная ситуация зависит от множества факторов, делающих ее уникальной. В связи с этим разработанный перечень проверочных мероприятий подлежит конкретизации в каждом конкретном случае.

Представляется, что предложенные типичные исходные ситуации и разра-

ботанные комплексы проверочных мероприятий будут полезны следователю при проверке сообщения о преступлении, использование этих знаний позволит рационально организовать работу на стадии возбуждения уголовного дела для установления всех признаков совершенного преступления и решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

Список источников

1. Коршунова О. Н. Теоретические и прикладные проблемы уголовного преследования : монография. Санкт-Петербург : С.-Петерб. юрид. ин-т Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2006. 148 с.
2. Карепанов Н. В. Особенности образования и сущность следов преступлений в сфере экономической деятельности // Российское право: образование, практика, наука. 2024. № 1. URL: <https://rospravojournal.usla.ru/index.php.rp> (дата обращения: 10.02.2025).
3. Выдрина Н. В. Исходные доследственные ситуации по фактам самоубийства // Криминалистические методы расследования преступлений : сб. ст. / Тюмен. высш. шк. МВД РФ. Вып. 2. Тюмень : ТВШ МВД РФ, 1995. С. 45–49.
4. Чурилов С. Н. Избранные труды : сб. ст. Москва : Юстицинформ, 2023. 476 с.
5. Зеленецкий В. С. Доследственные ситуации в советском уголовном процессе // Следственные ситуации : сб. науч. тр. / Всесоюз. ин-т изуч. причин и разраб. мер предупреждения преступности ; отв. ред. В. В. Ключков. Москва : Всесоюз. ин-т изуч. причин и разраб. мер предупреждения преступности, 1985. С. 30–33.
6. Врачебные дела: юридическая и экспертная оценка проблем ненадлежащего оказания медицинской помощи : монография / А. А. Анисимов, О. Ю. Антонов, Е. Х. Баринов [и др.] ; отв. ред. А. А. Мохов. Москва : Блок-Принт, 2024. 368 с.
7. Уголовно-правовая охрана финансово-бюджетной сферы : науч. практ. пособие / В. Ю. Артемов, Н. А. Голованова, Е. В. Горенская [и др.] ; отв. ред. И. И. Кучеров, О. А. Зайцев, С. Л. Нудель. Москва : Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2021. 284 с.
8. Шмонин А. В., Земскова Е. Н. Формирование криминалистических знаний о расследовании преступлений в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд : монография. Москва : Юстицинформ, 2021. 684 с.
9. Кардашевская М. В. Периодизация расследования преступлений как основа для формирования криминалистических методик // Российский следователь. 2020. № 5. С. 17–20.
10. Лутошкин Г. Ю. Тактические и методические аспекты начала расследования преступлений : специальность 12.00.09 : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Лутошкин Григорий Юрьевич, 2000. 19 с.
11. Аксенова Л. Ю., Щербин Р. П. Способ преступления по делам о незаконном предпринимательстве // Закон и право. 2020. № 6. С. 162–164.

Информация об авторе

М. С. Берездовец – старший помощник прокурора Гурьевского района Калининградской области, аспирант Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Information about the author

M. S. Berezdovets – Senior Assistant Prosecutor of Guryevsky district of the Kaliningrad region, Postgraduate Student, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation.

Научная статья
УДК 343.985

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ТАКТИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ ДОПРОСА. ЧАСТЬ 5. КОГНИТИВНОЕ ИНТЕРВЬЮ

Максим Рудольфович ГЛУШКОВ

*Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации,
Санкт-Петербург, Россия, glushkov.mr@mail.ru*

Аннотация. В статье дается краткий обзор методики когнитивного интервью, получившего распространение в правоприменительной практике. Показано, что его основу составляют базовые приемы – детализация показаний, воссоздание контекста события, смена последовательности вспоминания, смена перспективы. Рассмотрены также второстепенные приемы, к которым относятся концентрация, многократность, рисование, вызов и пробинг. Приводится структура когнитивного интервью, укладывающаяся в традиционную схему: раппорт – свободный рассказ – вопросы – обзор – завершение допроса. В качестве примера того, как работает методика, приводятся алгоритмы общения следователя с допрашиваемым, который затрудняется вспомнить имя и номер автомобиля.

Ключевые слова: когнитивное интервью, детализация, контекст события, смена последовательности вспоминания, смена перспективы, припоминание имени, припоминание номера

Для цитирования: Глушков М. Р. Зарубежный опыт применения тактических приемов допроса. Часть 5. Когнитивное интервью // КриминалистЪ. 2025. № 2 (51). С. 27 – 32.

Original article

FOREIGN EXPERIENCE OF USING TACTICAL INTERROGATION TECHNIQUES. PART 5. COGNITIVE INTERVIEW

Maksim R. GLUSHKOV

*St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation,
St. Petersburg, Russia, glushkov.mr@mail.ru*

Abstract. The article provides a brief overview of the cognitive interview methodology, which has become widespread in law enforcement practice. It demonstrates that its basis consists of fundamental techniques such as detailing testimony, recreating the context of the event, changing the sequence of recall, and changing perspective. Secondary techniques have also been considered, which include concentration, repetition, drawing, challenge, and probing. The structure of the cognitive interview is described, which fits into the traditional scheme: rapport – free narrative – questions – review – completion of the interrogation. As an example of how the technique works, the algorithms of communication between the investigator and the interrogated person, who finds it difficult to remember the name and number of the car, are given.

Keywords: cognitive interview, detailing, event context, changing the sequence of recall, changing perspective, recalling the name, recalling the number

© Глушков М. Р., 2025

For citation: Glushkov M. R. Foreign experience of using tactical interrogation techniques. Part 5. Cognitive interview. Criminalist. 2025;2(51):27-32. (In Russ.).

Метод когнитивного интервью (КИ) предложили в 1984 году американские психологи Р. Фишер и Э. Гейзельман — как альтернативу традиционному полицейскому дознанию. Опробовав свои идеи в ходе полевых и лабораторных испытаний, они издали в 1992 году практическое пособие по проведению допроса. С тех пор метод стал известен практически повсеместно¹, показал высокую эффективность (утверждается, что он позволяет получать в среднем на 50 % больше информации, чем при обычном допросе²) и при этом остается весьма простым, доступным даже неспециалисту, инструментом активизации памяти.

Его основу составляют четыре приема, первый из которых — *детализация*. Допрашиваемый инструктируется о том, что нужно вспоминать событие как можно подробнее, не упуская ни одной детали, какой бы мелкой и несущественной она ему ни казалась. Это делается из тех соображений, что каждая мелочь в перспективе может иметь значение. Но важнее другое. Поскольку воспоминания «цепляются» друг за друга, постольку одно из них, и впрямь незначительное, может стать своего рода триггером и потянуть за собой другие, уже более значимые.

Прием второй — *воссоздание контекста события*. Само преступление и действия участвующих лиц уже не затрагиваются, речь идет о мысленном, а затем и вербальном воссоздании материальной среды, на фоне которой развивались события, — места, его локации, освещен-

ности, находящихся там предметов, запаховой и звуковой обстановки, погоды и т. д. Сюда же относится психофизическое состояние (описание эмоций и переживаний) допрашиваемого и иных участников происшествия. Эффективность этого подхода обусловлена тем, что человек запоминает информацию не отдельными частями, а всегда целостно, вместе с контекстом [1, с. 32].

Прием третий — *смена последовательности воспоминания*. Иногда более продуктивными являются попытки воспроизвести событие в обратной последовательности (разворот изложения) либо с эпизода, который произвел на допрашиваемого наиболее сильное впечатление, а также в любом ином, помимо привычного, порядке.

Четвертый — *смена перспективы*. Она тоже требует когнитивных усилий и может активизировать память. Допрашиваемого просят описать событие буквально с иной точки зрения, как если бы он сам располагался в другом месте или видел происходящее глазами другого участника событий.

Что касается этапов когнитивного интервью, то у разных авторов встречается разная его структура, включающая от пяти до восьми позиций. При ближайшем рассмотрении они укладываются в классическую схему: 1. Раппорт. → 2. Свободный рассказ. → 3. Вопросы. → 4. Обзор. → 5. Завершение.

Раппорт — это взаимопонимание и психологический контакт. На этом этапе происходит персонализация допроса³, разъясняются его цели и порядок, допрашиваемый настраивается на деловое

¹ В том числе и в России, где успешно применяется не первый год. По этой причине рассматривать КИ именно как зарубежный опыт (см. название статьи) можно с известной долей условности.

² Источники приводят по этому поводу весьма различные оценки, но, усредняя их, можно говорить примерно о полуторном приросте информации.

³ Следователь стремится к тому, чтобы в нем увидели не столько чиновника, человека-функцию, сколько живую индивидуальность со своими особенностями и интересами. Точно так же он проявляет интерес к допрашиваемому — как к личности, а не процессуальной фигуре.

сотрудничество. При этом нужно помнить, что изначально он, скорее всего, не имеет даже примерного понятия о том, что такое допрос и как ему себя вести в кабинете следователя.

Свободный рассказ — это основа когнитивного интервью. Вспоминание здесь не прерывается вопросами следователя, и допрашиваемый не сбивается с мысли. Более того, ему нужно разъяснить, чтобы он и сам себе не мешал — не начинал описывать всплывший в памяти образ до тех пор, пока тот не вспомнится максимально четко. Чтобы минимизировать отвлекающие факторы, допрашиваемому лучше закрыть глаза (по крайней мере, он должен знать, что это ожидаемо и нормально). Важно также, чтобы он не забывал о своей ведущей роли в когнитивном интервью. В случае заминок или пауз следователь не должен их прерывать репликами или вопросами. Направлять или упорядочивать вспоминание не нужно, извлекать факты из памяти следует по принципу «чем больше, тем лучше», не думая об их структуре. Желательно, чтобы допрашиваемый именно предался воспоминаниям.

Идущий следом *этап вопросов* предназначен для уточнения добытых сведений и попытки получить новые.

Эта периодизация принята в отечественной криминалистике десятки лет, но надо учитывать ее условность. В чистом виде ни свободный рассказ, ни вопросная стадия на практике не существуют. С одной стороны, допрашиваемого обычно требуется время от времени направлять в нужное русло, используя замечания и дополнительные вопросы. Также приходится уточнять некоторые детали, не откладывая их на потом (хотя как раз такая рекомендация тоже существует — допрашиваемого не прерывать, а неясные детали записывать в черновик¹), поскольку с возникающими

ми пробелами лучше работать, пока они свежи в памяти, к тому же к концу допроса их может накопиться слишком много.

С другой стороны, вопросы на «своей» стадии редко идут вплотную, за каким-то из них может начаться долгое вспоминание и такой же пространственный ответ, напоминающий свободный рассказ.

Поэтому правильнее, вероятно, говорить не о двух этапах, а о двух подходах, которые будут различаться в зависимости от того, кто владеет инициативой в диалоге — допрашиваемый (и тогда мы говорим о свободном рассказе) или следователь (который управляет беседой с помощью вопросов).

Реализуемые в рамках КИ тактические приемы в литературе одними авторами рекомендуются на стадии свободного рассказа [2, р. 50–52], другими — на вопросной стадии [3, с. 19, 22–23], а третьи отводят под них собственные одноименные этапы [4, с. 78–79]. Наряду с четырьмя приемами, положенными в основу методики (см. выше), к ним относятся следующие:

концентрация — допрашиваемого направляют на то, что извлечение информации из памяти это нелегкая работа, требующая от него внимания и сосредоточенности;

многократность — действуя по принципу «чем больше ищешь, тем больше находишь», нужно пытаться воскресить в памяти ту или иную деталь события снова и снова, обращаясь к ней под разными углами зрения;

рисование — само по себе полезное средство уточнить рассказ, когда допрашиваемый затрудняется передать словами форму ножа, кузова автома-

сается именно затронутой проблемы, то она должна решаться по ситуации: следователю нужно определиться, чем он готов пожертвовать. Если уточнять неясности по ходу допроса, то он может потерять ритм, а допрашиваемый — сбиться с мысли. Если этого не делать, то слабеет управление допросом.

¹ Это вообще характерное для криминалистической тактики явление — когда в одной ситуации полезным оказывается один прием, а в другой — прямо противоположный. Что ка-

пины, расположение участников драки и т. д. (и даже если не затрудняется, иногда имеет смысл для верности попросить зарисовать описываемый объект). Сторонники КИ вдобавок считают, что рисование помогает добросовестному свидетелю извлечь из памяти новые факты, а лжецу, напротив, дается с трудом, поскольку помимо вербальной лжи требует придумывать еще и зрительный образ;

вызов (challenge) — состоит в том, что следователь начинает устранять обнаружившиеся противоречия и нестыковки. Отрабатывать вызов в КИ рекомендуется без нажима и претензий. Следует отметить (как и в случае со свободным рассказом и вопросами), что «вызов», вероятно, правильнее воспринимать не столько как прием, сколько как фазу допроса. Тактика здесь проявляется в том, когда именно будет решено в эту фазу войти — по ходу допроса или по его окончании (см. выше);

пробинг (зондирование) предполагает концентрацию на одном отдельно взятом образе, существенном для расследования, который допрашиваемый затрудняется воскресить в памяти. Это может быть особая примета, пятно крови, оружие убийства, чья-то устная речь и т. д. Применяя те или иные способы активации памяти, следователь стремится исчерпать этот источник информации до дна, после чего переходит к следующему образу [5, с. 66].

Отмечая разнообразие взглядов относительно деления когнитивного интервью на этапы и их наполнения, напомним, что основу этой методики, по замыслу ее авторов, составляют четыре тактических приема (см. выше).

Существует модифицированная версия КИ, предложенная как способ его сокращения (бесконфликтные техники допроса затратны по времени [6, с. 38], и это одна из причин, по которым они не встречаются одобрения у практиков). Из нее исключены смена последователь-

ности изложения и смена перспективы, а оставлены, соответственно, детализация и контекст [7, р. 17].

Относительно двух завершающих этапов когнитивного интервью пишущие о нем авторы единодушны — считается, что это должны быть обзор и завершение.

На *обзорной* стадии подводится итог допроса, следователь знакомит допрашиваемого с протоколом и убеждается, что все было правильно воспринято и записано. При наличии замечаний, уточнений, дополнений они вносятся в протокол. О том, что следователя можно и нужно поправлять, если он что-то не так понял, — требуется предупредить заранее.

В *завершение* следственного действия следователь благодарит допрошенного за сотрудничество и просит позвонить, если тот вспомнит что-то значимое о происшествии (если в ходе общения не удалось вспомнить некоторые детали, следователь просит какое-то время продолжить эти попытки). Общение на этом этапе происходит доброжелательно и позитивно, чтобы у гражданина осталось благоприятное мнение как о расследовании данного преступления, так и о работе правоохранительной системы в целом.

Высокая эффективность когнитивного интервью (см. начало статьи) обусловлена, очевидно, методичным подходом, который реализуется в его рамках. В качестве примеров, подтверждающих эту идею, приведем приемы припоминания специфических признаков, востребованных в следственной работе, — имени человека и номера автомобиля [8].

Эти приемы опираются на базовые принципы КИ:

1) знание о событии представлено в памяти в виде набора отдельных признаков этого события;

2) эти признаки взаимосвязаны, поэтому припоминание одного из них может повлечь активизацию другого.

Если допрашиваемый затрудняется вспомнить имя сообщника, которое называл грабитель, возможно, ему будет легче сказать о каких-то характеристиках этого имени, например, было оно длинным или коротким.

Для удобства искомые свойства принято разбивать на три группы:

- 1) свойства объекта самого по себе, не связанные с происшествием;
- 2) свойства объекта, проявляющиеся в контексте происшествия;
- 3) личностно значимые, субъективные интерпретации свойств объекта.

Так, вспоминая **имя**, допрашиваемый должен сначала думать о *событийно независимых* свойствах, среди которых: частота встречаемости, необычность, национальная или этническая принадлежность, длина имени (сколько примерно слогов), какой слог был ударным, первая буква (ее можно вспоминать, перебирая алфавит).

Далее идут *контекстуальные* свойства: особенности голоса говорившего, визуальный паттерн (внешность говорившего, почерк или шрифт — если имя было написано), локальный контекст (место, где стоял говорящий или где на листе размещалась запись), связь с другими именами, которые, возможно, тоже упоминались.

И, наконец, *субъективные* свойства: сходство с именами других известных допрашиваемому лиц, привязка (ассоциируется ли имя с чем-то знакомым допрашиваемому — городом, спортивной командой, песней, рок-группой, фильмом и т. д.), благозвучность — по мнению допрашиваемого.

Такой же подход действует и при вспоминании **номера** (автомобиля, телефона, дома и т. д.).

Событийно независимые свойства: длина номера, порядок (цифры в восходящем или нисходящем порядке, буквы — в алфавитном или обратном), смешанность (или только буквы/ только цифры), повторяемость, например

«699», четность (каких цифр было больше), тип букв (больше гласных или согласных звуков они отображали), произносимость (как легко произносятся буквенные сочетания).

Контекстуальные свойства: способ предъявления (как и в случае с именем, допрашиваемого просят думать о голосе или почерке/шрифте), сенсорный паттерн (прямые или кривые линии в начертании цифр, количество слогов, которые составили бы цифру, будь она произнесена), топография (где размещались на листе цифры, где находился говорящий).

Субъективные свойства: привычность (было ли буквенно-цифровое обозначение похоже на что-то известное допрашиваемому — номер его собственного телефона, адрес, пароль), трудность припоминания (насколько трудно запоминалась последовательность букв и цифр).

Подводя итоги обзора, полагаем возможным особо отметить некоторые свойства когнитивного интервью.

Во-первых, отдельные приемы, применяемые в его рамках, например такие, как пробинг и вызов, фактически реализуют собой простой ход мысли нормального человека: если что-то осталось неясным, нужно это выяснить, выбрав подходящий момент; если источников информации несколько, то к следующему можно переходить, лишь исчерпав предыдущий; если тема беседы обширна, то нужно поделить ее на части, и т. д.¹

Эта манера, известная как за рубежом, так и в России, с одной стороны, выглядит как нонсенс, но с другой — оправданна, если эти «приемы» воспри-

¹ Существуют, например, методики повышения когнитивной нагрузки (*Imposing Cognitive Load*), постановки неожиданных вопросов (*Asking Unexpected Questions*), стратегического использования доказательств (*Strategic Use of Evidence, SUE*). Все они, по сути, являются расширенными версиями одноименных (или созвучных) тактических приемов, известных российской криминалистике.

нимать иначе — не как рекомендацию (они представляют собой удобный и естественный способ общения, не нуждающийся в рекомендациях), а как способ создать терминологию, подобрать более или менее удачные названия для практикуемых на следствии подходов.

Во-вторых, из сказанного о когнитивном интервью понятно, что этот метод эффективен, как правило, в отношении допрашиваемых, готовых сотрудничать со следствием или хотя бы заявляющих о такой готовности. Подозреваемый, который настроен на открытую конфронтацию, вряд ли станет по просьбе

следователя восстанавливать контекст, концентрироваться или рисовать.

В-третьих, относительно вспоминания специфических признаков нужно иметь в виду, что одни из них (имя или номер автомобиля) потребуют работы с одними свойствами, другие (адрес, текст сообщения и т. д.) — с другими, которые следователь должен будет подбирать соответственно объекту. Важно, чтобы при этом он не забывал главного — необходимо побуждать допрашиваемого думать не о признаке «вообще», а о конкретных его свойствах, т. е. «разбирать» воспоминание на части, коль скоро целиком оно оказалось недоступно.

Список источников

1. О некоторых методах прикладной психологии, применяемых в расследовании преступлений : метод. рекомендации. Москва : Следственный комитет Российской Федерации, 2016. 62 с.
2. Leading Interview and Interrogation Techniques. Focus on Cognitive Interview / E. P.-C. Mayoral, R. Fisher, A. A. Langer, E. L. Perez-Campos, L. P.-C. Mayoral, M. T. Hernandez-Huerta, C. A. Matias-Cervantes // European Polygraph. 2022. Vol. 16, № 1 (55). P. 46–63.
3. Зерин С. Н. Психологические методы активизации памяти свидетелей и потерпевших : метод. пособие. Москва : Следственный комитет Российской Федерации, 2013. 96 с.
4. Болатханова К. Р. Практика применения когнитивного интервью для работы с подозреваемым // Научный журнал. 2016. № 12 (13). С. 76–80.
5. Болатханова К. Р. Актуальные проблемы когнитивной психологии при проведении допроса // European science. 2016. № 12 (22). С. 62–67.
6. Глушков М. Р. Зарубежный опыт применения тактических приемов допроса. Часть 2. Методика PEACE // КриминалистЪ. 2024. № 2 (47). С. 34–39.
7. Neal C. An Evaluation of Police Interviewing Methods: A Psychological Perspective. Honors Theses. 30 p. // Digital Commons@University of Nebraska : website. URL: <https://digitalcommons.unl.edu/honorstheses/94/> (дата обращения: 11.04.2024).
8. Образцов В. А., Богомолова С. Н. Криминалистическая психология: методы, рекомендации, практика раскрытия преступлений : учеб. пособие. Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2002. 447 с. URL: <http://yurpsy.com/files/ucheb/krim/042.htm> (дата обращения: 11.04.2024).

Информация об авторе

М. Р. Глушков — старший преподаватель кафедры информационных технологий и организации расследования киберпреступлений Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации.

Information about the author

M. R. Glushkov — Senior Lecturer at the Department of information technologies and organization of cybercrime investigation, St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Научная статья
УДК 343.9

ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ, ЕЕ ТЕНДЕНЦИЯХ И МЕРАХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

Лариса Владимировна ГОТЧИНА

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, lgotchina@yandex.ru

Аннотация. Автором выделены лидирующие тенденции экономической преступности на современном этапе: увеличение латентной преступности; уменьшение доли преступлений, совершенных ранее судимыми; снижение выявляемости преступлений указанной категории. Причина в изменении уголовного законодательства в сфере экономической деятельности, реформировании МВД России и упразднении Федеральной службы налоговой полиции Российской Федерации.

Выявлен рост числа зарегистрированных тяжких и особо тяжких экономических преступлений и размера причиненного ими материального ущерба.

Отмечается связь экономической преступности с коррупционной, организованной и насильственной. Особую опасность представляют различные виды мошенничества, злоупотребления в кредитно-банковской сфере, при заключении государственных контрактов в сфере обороны, строительства, преступления, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Характер российской преступности сохраняется как корыстно-насильственный; корыстная мотивация преобладает у несовершеннолетних преступников. Семья и несовершеннолетние нуждаются в особой защите, в том числе уголовно-правовыми мерами. Такая потребность обоснована и последствиями специальной военной операции, сокращением числа полных семей, увеличением числа неполных семей с несовершеннолетними и сирот.

Декриминализация преступного экономического поведения, высокий уровень коррупции дают основания для пересмотра санкций уголовно-правовых норм, применяемых в отношении несовершеннолетних и молодых родителей, совершивших преступления. С целью снижения корыстной мотивации перспективно более широкое применение к несовершеннолетним ограничения свободы, принудительных работ и отсрочки отбывания наказания. Востребованы социальные альтернативы: доступность образования, перспектива трудоустройства, защита материнства и детства.

Применение наказания должно реализовывать цель изменения зависимостей с криминальных на социально одобряемые.

Ключевые слова: экономическая преступность, коррупция, организованная преступность, интеллектуализация, смягчение наказания, несовершеннолетние

Для цитирования: Готчина Л. В. Об экономической преступности, ее тенденциях и мерах предупреждения // КриминалистЪ. 2025. № 2 (51). С. 33 – 40.

Original article

ON ECONOMIC CRIME, ITS TRENDS AND PREVENTIVE MEASURES

Larisa V. GOTCHINA

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, lgotchina@yandex.ru

© Готчина Л. В., 2025

Abstract. The author identifies key trends in economic crime at the current stage, including an increase in latent crime; a decrease in the proportion of crimes committed by previously convicted individuals, and a reduction in the detection rate for crimes within this category. The underlying causes include recent changes in criminal legislation governing economic activities, structural reforms of the Ministry of Internal Affairs of Russia, and the dissolution of the Federal Tax Police Service of the Russian Federation.

Simultaneously, an increase in the number of registered grave and especially grave economic crimes, accompanied by a rise in the material damages caused by them has been revealed.

The article highlights a link between economic crime and corruption, organized crime, and violent offenses. Particular dangers are posed by various forms of fraud, abuses in the banking and credit sector, violations committed in concluding state contracts in the field of defense and construction, and crimes facilitated by information and telecommunication technologies.

The nature of Russian crime remains predominantly violent and acquisitive, with acquisitive motivation prevailing among juvenile offenders. Families and minors require special protection, including through criminal law measures. This need is substantiated by the consequences of the special military operation, the reduction in the number of intact families, the rise in single-parent households with minors, and an increase in orphanhood.

Decriminalization of criminal economic behavior and high levels of corruption provide grounds for reconsidering the sanctions of criminal law norms applied to minors and their young parents who have committed offenses. In order to reduce self-serving motivation, it is promising to expand the use of restrictions on liberty, compulsory labor, and deferred sentencing to minors. Social alternatives are in demand: access to education, employment prospects, and protection of motherhood and childhood.

The application of punishment should aim to change dependencies from criminal to socially approved behaviors.

Keywords: economic crime, corruption, organized crime, intellectualization, mitigation of punishment, minors

For citation: Gotchina L. V. On economic crime, its trends and preventive measures. *Criminalist*. 2025;2(51):33-40. (In Russ.).

Характер российской преступности не меняется десятилетиями, сохраняется как корыстно-насильственный. На такую криминологическую характеристику существенно влияет не только менталитет населения, но и исторические закономерности законодательства.

Мнения ученых о содержании понятия «экономическая преступность» разные: от широкого (затрагивает любые виды экономических отношений) до узкого (затрагивает только предпринимательство) [1; 2; 3; 4; 5]. Мы понимаем экономическую преступность «как совокупность противоправных, общественно опасных, причиняющих существенный материальный ущерб корыстных посягательств на используемую для хозяйственной деятельности собственность, установленный порядок управления

экономическими процессами и экономические права и интересы граждан, юридических лиц и государства» [6, с. 15]. Экономическая преступность сложна по своей структуре, включает в себя преступления против собственности, в сфере экономической деятельности и против интересов службы в коммерческих и иных организациях, формы и способы совершения которых разнообразны.

Обратимся к Перечню 2 указания Генеральной прокуратуры Российской Федерации и МВД России от 27 декабря 2024 года № 952/11/3 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности», в котором группируются статьи Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ)

о преступлениях, имеющих экономическую направленность, по уголовным делам о которых предварительное расследование производится в форме предварительного следствия.

К такой категории Перечень 2 относит практически все ненасильственные формы хищения, вымогательство и некоторые иные преступления: против собственности; посягающие на социально-экономические права граждан (ст. 138.1, 146, 147 УК РФ); против общественной безопасности, связанные с воздействием на объекты инфраструктуры и нарушением порядка оборота ограниченных в нем вещей (ст. 215.1 УК РФ, чч. 2, 3 ст. 220 УК РФ); отобранные по схожим критериям преступления против здоровья населения, а также экологические (п. «б» ч. 3 ст. 228.1, ст. 246, 247, 248, 249, 259 УК РФ); в сфере компьютерной информации; отдельные составы должностных преступлений, а также против правосудия (ст. 285, 316 УК РФ) и порядка управления (чч. 2, 4 ст. 327, ч. 2 ст. 330 УК РФ).

Перечнем 1 Указания Генеральной прокуратуры Российской Федерации и МВД России от 27 декабря 2024 года № 952/11/3 предусмотрены статьи Уголовного кодекса Российской Федерации о преступлениях экономической направленности, предварительное расследование по уголовным делам о которых производится в форме дознания.

Кроме того, в рассматриваемом Указании Генеральной прокуратуры Российской Федерации и МВД России изложены дополнительные условия, при которых преступление может быть отнесено к числу преступлений экономической направленности:

а) если преступление связано с предпринимательской или иной экономической деятельностью;

б) как правило, совершено субъектами экономической деятельности;

в) совершено умышленно и с корыстной мотивацией.

Перечисленное отнесем к признакам экономической преступности.

Характерными тенденциями экономической преступности на современном этапе являются:

1) сохранение высокого уровня латентности экономических преступлений, особенно преступлений в сфере экономики. По некоторым экспертным оценкам, латентность отдельных видов экономических преступлений достигает 90 % [7, с. 78; 8, с. 275]. Проанализируем официальные статистические данные.

Если сравнить показатели 2001 года, когда было зарегистрировано 382,4 тыс. экономических преступлений, 2011 года — 202,5 тыс. таких деяний и 2023 года — 105,3 тыс. (5,4 % в структуре всей преступности)¹, то наблюдается снижение выявляемости преступлений указанной категории. Однако это далеко не положительная динамика. Дальнейший анализ позволяет констатировать, что в 2011 году 53 % экономических преступлений были тяжкими и особо тяжкими, в 2023 году — уже 61 %².

Только по оконченным делам суммарный материальный ущерб от указанных преступлений составил в 2011 году более 160 млрд рублей, в 2014 году — 194,56 млрд рублей, по оконченным и приостановленным уголовным делам в 2023 году — 311,1 млрд рублей³.

Увеличивается и удельный вес экономических преступлений в общем числе зарегистрированных. Так, в 2014 году он составлял 5 %, в 2023 году — 5,4 %⁴.

В 2023 году выявлено:

преступлений экономической направленности — 105 257, в том числе

¹ Состояние преступности // Министерство внутренних дел Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://мвд.рф/folder/101762> (дата обращения: 17.02.2025).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

тяжких и особо тяжких — 64 230, которые в общем числе выявленных преступлений экономической направленности составили 61 %;

коррупционной направленности — 26 851 (25,5 %);

против собственности — 33 178 (31,5 %);

в сфере экономической деятельности — 33 552 (31,9 %)¹.

Необходимо констатировать, что снижение показателей зарегистрированной экономической преступности с начала 2010 года явилось результатом проведения не всегда успешной политики по ослаблению различных форм давления на бизнес. Для этого реформировалось уголовное законодательство в сфере экономической деятельности. Как результат — внесены многочисленные изменения в конститутивные признаки составов экономических преступлений, значительно повышены крупный и особо крупный размеры применительно ко многим статьям главы 22 УК РФ, изменены размеры уголовно наказуемого уклонения от уплаты налогов, сужены диспозиции норм, изменено смежное законодательство. Уменьшение сферы уголовно-правового регулирования за счет выведения определенного экономического поведения в легальную сферу, т. е. его декриминализация, является объяснением снижения регистрационных показателей экономической преступности.

Проведено и реформирование МВД России, что также отразилось на результатах противодействия экономической преступности.

Указом Президента Российской Федерации от 11 марта 2003 года № 306 упразднена Федеральная служба нало-

говой полиции Российской Федерации, что вызвало ряд негативных последствий для борьбы с экономической преступностью. Прежде всего это выразилось в ликвидации кадровой специализации (бывшие сотрудники ушли в другие силовые ведомства или на пенсию);

2) неразрывная связь экономической и коррупционной преступности. Часть преступного дохода по-прежнему расходуется на коррупционные связи для обеспечения безопасности реализации преступных экономических схем;

3) эффективное слияние организованной, экономической и коррупционной преступности. Степень организованности экономической преступности постоянно повышается, расширяется сфера деятельности: от общеуголовной специализации «теневой» экономики до внедрения в коммерческие структуры, сращивания с ними;

4) тесная связь с общеуголовной и, что еще опаснее, насильственной преступностью. Сохраняется тенденция «поглощения» предприятий и организаций в результате внутрикорпоративных конфликтов, зачастую реализуется с применением насилия, вплоть до физического устранения, и запугивания оппонентов;

5) интеллектуализация экономической преступности. В преступном мире успешно практикуются разные виды мошенничества, злоупотребления в кредитно-банковской сфере, создаются финансовые пирамиды. В результате появились миллионы обманутых вкладчиков, дольщиков и застрахованных лиц. Все более активное использование технического прогресса облегчает совершение ряда преступлений экономической направленности.

В 2023 году только 22 727 таких деяний совершены с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации (+ 12 % к аналогичному

¹ Состояние преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2023 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://мвд.рф/reports/item/47055751/> (дата обращения: 17.02.2025).

периоду прошлого года)¹. Сохраняются параллельные высокодоходные нелегализованные отрасли экономики, занимающиеся подпольным производством алкоголя, нефтепродуктов, лекарственных препаратов. Активно практикуются криминальные банкротные схемы и схемы «отмывания денег». Огромный объем средств благодаря фирмам-однодневкам не возвращается в бюджет;

6) появление в сфере экономики, особенно в коммерческой деятельности, новых видов преступного поведения (уголовное законодательство реагирует путем дополнения статей, например ст. 201.2 и 201.3 УК РФ);

7) увеличение в структуре экономической преступности числа преступлений, причиняющих ущерб государству (нарушение таможенного, антимонопольного законодательства, уклонение от уплаты налогов и других платежей);

8) тенденция постепенного роста показателя выявляемости мошенничества (доля в структуре экономической преступности составила в 2021 году — 22,4 %, в 2022 году — 25,2 %, в 2023 году — 26,5 %)²;

9) сохранение доли преступлений, совершенных в составе группы и ранее судимыми. Так, в 2023 году осуждено лиц, имеющих две судимости, за кражу — 11,5 %, за мошенничество, предусмотренное ст. 159 УК РФ, — 5,9 %³;

10) совершение молодежью наибольшего количества экономических преступлений. Например, в 2023 году 37 801 преступление против собственности

совершено лицами в возрасте 18—24 лет (47,9 % преступников указанной возрастной группы) и 30 401 деяние — лицами в возрасте 25—29 лет (42,8 % соответственно). Еще хуже показатели по участию в исследуемой преступности несовершеннолетних: ими совершено 9 662 преступления против собственности (75,7 % лиц в возрасте 14—17 лет).

Именно от несовершеннолетних и молодежи зависит жизнеобеспеченность любого общества, в том числе и российского. В. Путин назвал демографическую ситуацию важнейшей для России и напомнил, что в СССР коэффициент рождаемости достигал 2 %, в то время как в России он составлял 1,7 %, но в 2024 году снизился до 1,4 %. В условиях проведения специальной военной операции риски, увеличивающие сокращение численности мужского населения и число семей с одним родителем, возросли. В ближайшей перспективе мы столкнемся с обострением проблем сиротства, беспризорности, увеличением числа преступлений, совершенных несовершеннолетними. В таких условиях снижение показателей корыстной преступности возможно путем изменения подходов к реализации уголовной ответственности, а санкции уголовно-правовых запретов должны быть пересмотрены с учетом существующих реалий.

Так, в 2023 году осуждено 12 769 несовершеннолетних (в том числе женщин — 1 173), из них за преступления против жизни и здоровья — 873. Всего осуждено несовершеннолетних: за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности — 291; против собственности — 9 662; против общественной безопасности — 183; против здоровья населения и общественной нравственности — 1 247; против безопасности дорожного движения и эксплуатации

¹ Там же.

² Состояние преступности // Министерство внутренних дел Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://мвд.рф/folder/101762> (дата обращения: 17.02.2025).

³ Состояние преступности в Российской Федерации за январь—декабрь 2023 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://мвд.рф/reports/item/47055751/> (дата обращения: 17.02.2025).

транспорта — 157; против порядка управления — 155¹.

При этом в результате осуждения в 2023 году назначено лишение свободы (реально) 2 259 несовершеннолетним, исправительные работы — 240, штраф — 1 336, условное осуждение к лишению свободы — 4 190, условное осуждение к иным мерам — 109, обязательные работы — 2 136, ограничение свободы — 444, принудительные работы — 7. По приговору освобождено от наказания или наказание не назначалось 2 048 несовершеннолетним².

Перспективно с точки зрения криминологического обоснования защиты несовершеннолетнего преступника от возможного рецидива — более широкое применение ограничения свободы и принудительных работ.

В 2023 году применена отсрочка исполнения приговора только к 32 несовершеннолетним³. Такая практика соответствует рекомендации более широкого применения уголовно-правовых норм, предусматривающих отсрочку исполнения приговора.

Сегодня востребуемо сокращение реального наказания, применяемого к несовершеннолетним и молодым родителям (в возрасте до 29 лет), совершившим преступление: это снижает риски дальнейшей криминализации несовершеннолетних и молодых родителей, способствует разобращению преступных групп, исключает группирование и получение криминальных навыков в местах лишения свободы.

¹ Форма 11 «Отчет о составе осужденных, месте совершения преступления за 12 месяцев 2023 г.» // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <http://cdep.ru/> (дата обращения: 17.02.2025).

² Форма 12 «Отчет об осужденных, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте, за 12 месяцев 2023 г.» // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <http://cdep.ru/> (дата обращения: 17.02.2025).

³ Там же.

По справедливому суждению профессора Д. А. Шестакова, к важнейшему фактору воспроизводства преступного зла относится противоречие между потребительством и духовностью [9, с. 82]. Поэтому «социальная обусловленность санкций уголовно-правовых норм должна быть направлена на достижение цели изменения видов зависимостей, проявившихся у несовершеннолетних и их родителей, совершивших преступления: с криминальных на социально одобряемые» [10, с. 63].

Необходимость смягчения санкций уголовно-правовых норм обосновывается также снижением духовно-нравственного потенциала нации, низкой правовой культурой несовершеннолетних и молодежи, преобладанием платных услуг в сфере образования и медицины, высоким уровнем коррупции в разных сферах жизни. Результат такого положения дел — это результат всего общества, поэтому малозащищенным его слоям — несовершеннолетним и молодежи необходимо предоставить ряд социальных альтернатив, выступающих факторами некриминального поведения:

доступность образования;
перспектива трудоустройства;
защита материнства и детства.

Таким образом, «молодежное» лицо преступника представлено преобладающе криминальной экономической специализацией, и меры по снижению ее показателей должны учитывать в первую очередь такую возрастную особенность. Это необходимо при разработке мер общесоциального и специального характера, в том числе при совершенствовании уголовной политики, направленной на защиту семьи и несовершеннолетних с целью снижения их корыстной мотивации.

Для снижения показателей экономической преступности государству требу-

ется предпринять и иные меры общественного и специального характера:

значительно снизить уровень коррупции, повысить профессионализм в государственных контролирующих и правоохранительных органах и суде и обеспечить независимость судебной системы, открытость и доступность правосудия;

сократить налоговое бремя для предпринимателей малого и среднего бизнеса;

ликвидировать деятельность фирм-однодневок;

сократить объем оборачиваемых наличных денежных средств, который увеличился за счет новых территорий (ДНР, ЛНР, Запорожская и Херсонская области), обеспечить доминирование системы безналичных расчетов;

завершить поэтапный переход к федеральным стандартам бухгалтерского учета, начатый в 2018 году, для единого образного учета в целях контроля Федеральной налоговой службой.

Принятие вышеназванных мер осложняется осуществляемым государ-

ством переходом к новой экономике с элементами постановки на военные рельсы (реанимируется промышленность по производству военной техники и ее комплектующих и вооружения); сформировавшимся с 2023 года дефицитом бюджета, изменениями в монетарной политике в виде повышения учетной ставки Центрального банка Российской Федерации, что замедляет развитие промышленности: в таких условиях юридические лица имеют меньше возможностей для кредитования.

Перспективным является расширение сфер деятельности и привлечение новых участников в БРИКС. Однако в силу особенностей современной внешнеполитической ситуации, когда ряд финансовых средств, размещенных за рубежом на законных основаниях, сегодня заблокированы, видятся перспективными будущее их размещение на российских счетах, биржевых площадках, ограничения на владение пакетом акций предприятий, занимающихся добычей, переработкой природных ресурсов, и на вывоз национальных ресурсов за границу.

Список источников

1. Волженкин Б. В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России. Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2007. 763 с. (Теория и практика уголовного права и уголовного процесса).
2. Карпович О. Г. Экономическая преступность в России. Теория и практика противодействия. Москва : Юнити-Дана, 2022. 200 с.
3. Магомедов А. А., Мазур С. Ф. Противодействие преступности в сфере экономической деятельности: уголовно-правовые, криминологические и организационные проблемы : монография. Москва : Юрист, 2006. 677 с.
4. Мацкевич И. М. Причины экономической преступности : учеб. пособие. Москва : Проспект, 2023. 272 с.
5. Тюнин В. И. Преступления в сфере экономической деятельности : учеб. пособие для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2024. 326 с.
6. Криминология : учеб. пособие / В. Н. Бурлаков, В. В. Вандышев, И. В. Волгарева [и др.] ; под ред. В. Н. Бурлакова, Н. М. Кропачева ; С.-Петерб. гос. ун-т., юрид. фак. 2-е изд. Санкт-Петербург : Питер, 2019. 304 с.
7. Изосимов С. В. Уголовное законодательство об ответственности за служебные преступления, совершаемые в коммерческих и иных организациях. История, современность, перспективы развития. Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2013. 948 с.

8. Криминология : учеб. для вузов / А. Ф. Агапов, Л. В. Баринова, В. Г. Гриб [и др.] ; под ред. В. Д. Малкова. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Юстицинформ, 2006. 528 с.

9. Шестаков Д. А. Навстречу праву противодействия преступности : статьи, выступления, отклики. Санкт-Петербург : Алеф-Пресс, 2019. 206 с.

10. Готчина Л. В. Институт пробации в Российской Федерации: ожидания // IV Петербургские пенитенциарные конференции : материалы комплекса Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, Пушкин, 16 – 17 мая 2024 г. В 2 т. Т. 1. Санкт-Петербург : Ун-т ФСИН России, 2024. С. 63 – 65.

Информация об авторе

Л. В. Готчина – профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

L. V. Gotchina – Professor at the Department of criminal law, criminology and penal executive law, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Doctor of Science (Law), Professor.

Научная статья
УДК 343.34

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ДИВЕРСИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Евгений Александрович ИГНАТЕНКО

*Научно-исследовательский институт Университета прокуратуры Российской Федерации,
Москва, Россия, iea13@mail.ru*

Аннотация. Автором рассматриваются особенности криминологической профилактики диверсионных действий. Акцентируется внимание на том, что общесоциальная профилактика данных преступлений, помимо обязательного создания благоприятных социально-экономических условий, предполагает постепенное укрепление духовно-нравственных ценностей и вытеснение чуждой российскому обществу идеологии, при этом важное место занимает процесс обучения культуре пользования средствами научно-технического прогресса. Подчеркивается, что специально-криминологическая профилактика диверсий связана с оптимизацией деятельности сотрудников правоохранительных органов (ФСБ России, МВД России, Росгвардии) по своевременному выявлению и предотвращению данных преступлений, основана на разработке и внедрении современных технологий и организации качественного обучения профильных специалистов. Указывается, что индивидуальная профилактика диверсионных преступлений должна быть ориентирована на лиц, ранее привлекавшихся к уголовной ответственности, с обязательным оказанием им помощи в социальных вопросах (проживание, трудоустройство, трудовая занятость и т. д.).

Ключевые слова: диверсия, диверсант, диверсионные преступления, противодействие преступлениям, национальная безопасность, безопасность государства, профилактика преступлений

Для цитирования: Игнатенко Е. А. Некоторые аспекты профилактики преступлений диверсионной направленности // КриминалистЪ. 2025. № 2 (51). С. 41 – 49.

Original article

SOME ASPECTS OF SABOTAGE-ORIENTED CRIMES PREVENTION

Evgeny A. IGNATENKO

*Research Institute of the University of prosecutor's office of the Russian Federation,
Moscow, Russia, iea13@mail.ru*

Abstract. The author examines the specific features of criminological prevention strategies related to acts of sabotage. The focus is on the fact that societal prevention of such crimes, in addition to the essential establishment of a positive socio-economic environment, involves the gradual reinforcement of moral and ethical values and the displacement of ideologies alien to Russian society, with the process of teaching the culture of using the means of scientific and technological progress holding an important place. It is emphasized that special criminological prevention of sabotage is linked to the optimization of the activities of law enforcement officers (FSB of Russia, the Ministry of Internal Affairs of Russia, the Russian National Guard) to timely detect and prevent these crimes, and based on the development and implementation of modern

© Игнатенко Е. А., 2025

technologies and the organisation of high-quality training for specialized professionals. It is noted that individual prevention of sabotage-oriented crimes should be focused on persons previously held criminally liable, with mandatory provision of assistance in their social matters (including housing, employment, labor employment, etc.).

Keywords: sabotage, saboteur, sabotage-oriented crimes, countering crimes, national security, state security, crime prevention

For citation: Ignatenko E. A. Some aspects of sabotage-oriented crimes prevention. Criminalist. 2025;2(51):41-49. (In Russ.).

Проблематике искоренения преступлений и преступности посвящено множество философских, социологических и психологических исследований. Вопросом о том, как не допустить совершения преступлений, мыслители задавались еще в период античности, поэтому к моменту возникновения криминологии как самостоятельной науки в XIX веке эта область знаний уже была достаточно разработана в рамках биологического, теологического, уголовно-правового и социологического направлений. Но по сей день данная проблема является одной из важнейших при исследовании любого вида преступности.

В криминологической науке и науках уголовно-правового профиля можно встретить различные термины, при помощи которых представители научных школ обозначают направления воздействия на преступность с целью ее минимизации и недопущения в будущем: «профилактика преступности», «предупреждение преступности», «борьба с преступностью», «предотвращение преступности», «пресечение преступлений», «превенция», «противодействие преступности». Не вдаваясь в дискуссию относительно семантики указанных терминов, подчеркнем, что в настоящее время на правовом уровне (и это было поддержано многими исследователями) наряду с распространенным термином «борьба с преступностью»¹ использует-

ся термин «противодействие преступности»².

Современные авторы подчеркивают, что «противодействие преступности является важной составляющей государственной деятельности, от осуществления которой зависит безопасность

№ 45. Ст. 7061 ; О федеральной службе безопасности : Федеральный закон от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ : текст с изм. и доп. на 8 авг. 2024 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 15. Ст. 1269; 2024. № 33 (ч. 1). Ст. 4945 ; О прокуратуре Российской Федерации : Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 : текст с изм. и доп. на 30 сент. 2024 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 47. Ст. 4472; 2024. № 41. Ст. 6059 ; О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью : Указ Президента Российской Федерации от 18 апреля 1996 г. № 567 : текст с изм. и доп. на 14 июня 2024 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 17. Ст. 1958; 2024. № 25. Ст. 3469 и др.

² Об обороне : Федеральный закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ : текст с изм. и доп. на 26 дек. 2024 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 23. Ст. 2750; 2024. № 53 (ч. 1). Ст. 8499 ; О полиции : Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ : текст с изм. и доп. на 28 дек. 2024 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7. Ст. 900; 2024. № 53 (ч. 1). Ст. 8528 ; О противодействии терроризму : Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ : текст с изм. и доп. на 28 февр. 2025 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 11. Ст. 1146; 2025. № 9. Ст. 845 ; О противодействии экстремистской деятельности : Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ : текст с изм. и доп. на 15 мая 2024 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3031; 2024. № 21. Ст. 2650 ; О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (ч. 2). Ст. 5351 и др.

¹ О Правительстве Российской Федерации : Федеральный конституционный закон от 6 ноября 2020 г. № 4-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020.

общества и государства, стабильное функционирование всех государственных и общественных институтов» [1, с. 34]. «Противодействие... преступности... — стратегическая задача, предполагающая комплексный подход, основанный не только на активизации деятельности правоохранительных органов и суда, иных структур власти, но и задействовании институтов гражданского общества» [2, с. 34].

Противодействие диверсионным преступлениям нами предлагается рассматривать как комплекс мер, непрерывно осуществляемых органами государственной власти, органами публичной власти федеральных территорий и органами местного самоуправления, а также физическими и юридическими лицами в рамках общесоциальной, специально-криминологической и индивидуальной профилактики, воздействующих на причины и условия формирования и развития диверсионной преступности.

Общесоциальная профилактика связана с положительным воздействием со стороны неспециализированных субъектов в общегосударственном масштабе на комплекс различных общих причин и условий, лежащих в основе преступной деятельности.

Среди основных направлений общесоциальной профилактики преступлений (в том числе диверсионных преступлений) тезисно стоит отметить следующие:

повышение реальных доходов населения, создание квалифицированных рабочих мест;

разработка и внедрение программ по трудоустройству несовершеннолетних и молодежи, развитию условий для занятия физической культурой и спортом, пропаганде здорового образа жизни, духовно-нравственному воспитанию подрастающего поколения;

разработка и реализация программ поддержки молодежных и подростковых

общественных организаций, волонтерского движения;

финансирование создания объектов культуры, досуга и спорта, а также обеспечение их доступности;

создание комфортной жизненной среды в населенных пунктах;

организация мероприятий по повышению ценности семейного образа жизни, сохранению духовно-нравственных традиций в семейных отношениях и семейном воспитании;

принятие мер по развитию рекламной, издательской деятельности, а также информационного пространства, обеспечивающего развитие нравственных ценностей;

поддержка национальной культуры, авторов и произведений, опирающихся на патриотизм, высокие духовно-нравственные ценности человека или развивающих их.

Стратегические задачи по повышению уровня экономики, благосостояния общества и качества жизни каждого гражданина во все времена проходят красной нитью, когда речь идет о профилактике российской преступности. Не умаляя необходимости проведения работы в данных направлениях, подчеркнем особую значимость формирования у граждан крайне негативного отношения к любым попыткам их вовлечения в любую преступную деятельность, в частности диверсионную, выстраивания устойчивого отрицательного отношения к любому акту диверсии и деятельности по ее подготовке и организации.

Полагаем, что патриотическое воспитание граждан Российской Федерации вполне коррелирует с потребностью в изменении национальных ценностей в пользу единства и созидания. Данный процесс происходит в неразрывной связи с историческим прошлым нашей страны и совместно с толерантностью составляет основу национальной гражданственности [3, с. 232], формирует

национальный менталитет [4, с. 19] и в конечном счете позволяет выработать идеологию патриотизма [5, с. 205 – 209]. Прав В. Г. Крысько, утверждавший, что «человек, воспитанный на определенных принципах, не воспримет противоречащую им информацию (предать Родину, сдаться в плен и т. д.)» [6, с. 132].

Противодействие подобному направлению развития соотечественников в основном происходит через СМИ, в том числе сеть «Интернет», и по своим масштабам сопоставимо с использованием «психологического оружия массового поражения». Важно понимать, что полностью запретить российским гражданам доступ к электронным ресурсам просто невозможно в эпоху глобализации.

Полагаем, что в рамках общей профилактики необходимо воздействовать не столько на техническую составляющую обмена информацией, сколько на самосознание граждан, прививая им с раннего возраста понимание не только положительных аспектов доступа к электронным ресурсам и сервисам, но и всех возможных неблагоприятных последствий, которые могут следовать в связи с их использованием, включая вовлечение в преступную деятельность со стороны малознакомых лиц. Специалисты в этой области подчеркивают отсутствие у населения опыта обращаться с инновационными технологиями [7, с. 145]. Поэтому целесообразно наполнять информационно-пропагандистские мероприятия изучением базовых рисков коммуникаций с использованием сети «Интернет» с опорой на основы науки террорологии [8, с. 132 – 133]. В первую очередь, соответствующие программы необходимо реализовывать в образовательных организациях, а также в трудовых коллективах на государственном и частном уровнях.

Президентом Российской Федерации 30 декабря 2023 года был утвержден Комплексный план противодействия

идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024 – 2028 годы, согласно которому в рамках общей профилактики одной из задач противодействия идеологии терроризма является «задействование потенциала системы образования, молодежной политики и культуры, а также общественно-политических, воспитательных, просветительских, культурных, досуговых и спортивных мероприятий, прежде всего в образовательных организациях и трудовых коллективах, для устранения предпосылок радикализации населения»¹.

Специально-криминологическая профилактика имеет своей целью устранение, ослабление, а также нейтрализацию криминогенных факторов, которые формируют повышенную вероятность совершения диверсионных преступлений [9, с. 492].

Стоит подчеркнуть, что современные меры по противодействию рассматриваемым преступлениям в правовом пространстве «рассредоточены» по нормативным актам различного уровня и во многом пересекаются с той деятельностью, которую осуществляют субъекты в области противодействия преступлениям террористической направленности. Например, согласно Концепции внешней политики Российской Федерации в целях предотвращения возникновения биологических угроз и обеспечения биологической безопасности Российская Федерация намерена уделять внимание предотвращению «террористических актов и (или) диверсий, совершаемых с использованием опасных патогенов, и ликвидации последствий совершения таких актов и (или) диверсий»². Безопасность морской деятельности обеспечи-

¹ Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024 – 2028 годы : утв. Президентом Российской Федерации 30 декабря 2023 г. № Пр-2610. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 31 марта

вается за счет «выявления, предупреждения и пресечения диверсионных и террористических актов, иных противоправных действий на объектах морской инфраструктуры и прилегающих к ним водных акваториях, оснащения комплексными системами мониторинга обстановки, автоматизированными системами охраны и противодействия террористическим и диверсионным силам и средствам»¹. Особый режим в закрытых административно-территориальных образованиях, на территории которых расположены объекты Министерства обороны Российской Федерации, устанавливается в целях «пресечения террористических, диверсионных и иных противоправных действий»².

Исследователи подчеркивают необходимость внедрения «современных практических программ, описывающих специфику мер предупреждения диверсионных действий» [10, с. 19].

Противодиверсионные действия должны быть направлены на обеспечение защищенности тех объектов, которые наиболее подвержены диверсиям. Именно на них необходимо обратить внимание при составлении программ противодействия диверсионным преступлениям. В частности, наше исследование показало, что в качестве таких объектов часто выступают релейные станции и средства автоматизированного управления, расположенные вдоль

железнодорожного пути, относящиеся к сфере транспортной инфраструктуры и обеспечивающие безопасность и нормальное функционирование железнодорожного транспорта.

В этой связи приветствуется разработка и более активное использование в правоохранительной деятельности беспилотных летательных аппаратов, которые способны осуществлять мониторинг уязвимых в диверсионном отношении объектов и своевременно передавать сигнал об обнаружении подозрительных предметов по заданному алгоритму с элементами искусственного интеллекта.

Так, в г. Москве с 2024 года запущена Программа экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по эксплуатации беспилотных авиационных систем. Согласно п. 5 постановления Правительства Российской Федерации от 23 мая 2024 года № 641 «Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по эксплуатации беспилотных авиационных систем в г. Москве» в рамках экспериментального правового режима планируется обеспечить условия для выполнения функциональных сервисов по наиболее востребованным и активно развивающимся направлениям, в частности выполнение авиационных работ, включая воздушные съемки (аэросъемочные, аэрофотосъемочные, телевизионные и киносъемочные работы); аэровизуальные полеты (воздушное наблюдение района проведения массовых мероприятий); воздушное патрулирование линий электропередач; сопровождение объектов (сопровождение движущихся объектов)³.

2023 г. № 229 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 14. Ст. 2406.

¹ Стратегия развития морской деятельности Российской Федерации до 2030 года : утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 августа 2019 г. № 1930-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 35. Ст. 5013.

² Об утверждении Положения об обеспечении особого режима в закрытом административно-территориальном образовании, на территории которого расположены объекты Министерства обороны Российской Федерации : Постановление Правительства Российской Федерации от 26 июня 1998 г. № 655 : текст с изм. и доп. на от 19 марта 2014 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 27. Ст. 3180; 2014. № 12. Ст. 1301.

³ Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых

Полагаем, что успех данного эксперимента не заставит себя долго ждать. Подобные способы профилактики диверсионной деятельности с использованием искусственного интеллекта стоит внедрять в первую очередь в регионах с повышенной диверсионной активностью. Для этого необходимо предусматривать должности и вводить в штат сотрудников, прошедших специальное обучение, которые в режиме реального времени будут заниматься предиктивной аналитикой сведений, полученных с использованием беспилотных аппаратов (воздушных, надводных, подводных), в том числе о потенциальных диверсионных угрозах, в целях своевременной организации работы по их точечному предупреждению.

Необходимо также обратить внимание на то, что диверсионные действия могут совершаться изнутри охраняемого объекта, со стороны лиц, непосредственно осуществляющих трудовую деятельность на их территории. Такие субъекты, как правило, осведомлены о технических особенностях объекта диверсии, его организационно-правовых особенностях, о соответствующих компонентах объекта, которые в наибольшей степени уязвимы. Соответственно, следует вести речь о более качественном отборе персонала, а также об осуществлении контроля за профессиональной и в какой-то степени бытовой деятельностью сотрудников. Например, Н. М. Наумова утверждает, что «допуск лица к работе на объектах с ядерными установками и дальнейшее его сопровождение предполагают комплекс различных мероприятий, возможно, даже с привлечением спецслужб, что следует отражать в соответствующих нормативных актах» [11, с. 90—91]. Полагаем,

инноваций по эксплуатации беспилотных авиационных систем в г. Москве : Постановление Правительства Российской Федерации от 23 мая 2024 г. № 641 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 22. Ст. 2964.

что в силу повышенной активности иностранных спецслужб по вербовке сотрудников оборонной и промышленной отраслей необходимо осуществлять их тщательные проверки как в период профессиональной деятельности, так и во время рассмотрения кандидатур на замещение вакантных должностей с привлечением уполномоченных подразделений ФСБ России.

Такое направление деятельности сотрудников ФСБ России коррелирует с общим усилением контроля на российской границе в отношении граждан, прибывающих из-за рубежа (прежде всего с территории Украины). Вполне оправданным считаем более тщательное проведение проверок личности всех въезжающих в Российскую Федерацию с целью предотвращения въезда под видом беженцев, вынужденных переселенцев тех, кто является представителями различных неонацистских и экстремистских формирований, законспирированных сотрудников Службы безопасности Украины [12, с. 37], а также граждан Российской Федерации, которые могли быть завербованы спецслужбами иностранных государств для осуществления диверсионной деятельности на территории России.

Как отмечает Р. С. Иванов, «одним из эффективных способов выявления данных лиц в пассажиропотоке могло бы стать использование системы предварительного сбора информации о пассажирах и биометрический контроль. При этом биометрические данные, полученные в ходе контроля, могут отождествляться с информацией международных и внутринациональных банков данных правоохранительных органов и с данными, содержащимися на электронных носителях документов, удостоверяющих личность» [13, с. 131—132].

Отметим, что в целях более эффективной профилактики преступности некоторые исследователи настаивают на масштабировании использования

общественных структур в данной деятельности [14, с. 182]. Правовые основы такой деятельности заложены в Федеральном законе от 2 апреля 2014 года № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка»¹. Привлечение граждан, в особенности тех, кто постоянно проживает на территории, где расположены уязвимые в диверсионном контексте объекты, исторически уже продемонстрировало положительный профилактический эффект [15, с. 14–17]. Вместе с тем закон несколько ограничивает такую профилактику преступности общественными местами, где требуется поддержание общественного порядка. Учитывая все более распространенное использование сети «Интернет» в диверсионных целях, сотрудникам правоохранительных органов целесообразно активнее привлекать к сотрудничеству граждан, обладающих специальными знаниями в области IT-технологий, так называемых «IT-добровольцев».

Например, в правоохранительной деятельности может быть использован положительный опыт федерального проекта, созданного ПАО «Совкомбанк» и Sk Финтех Хаб, под названием «Технологии добра». Суть данного портала состоит в организации инфраструктурной поддержки и цифрового развития некоммерческих организаций и благотворительных фондов в Российской Федерации². Полагаем, что аналогичным образом организованная поддержка в вопросах противодействия преступлениям с использованием сети «Интернет» крайне важна на современном этапе.

¹ Об участии граждан в охране общественного порядка : Федеральный закон от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ : текст с изм. и доп. на 14 июля 2022 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 14. Ст. 1536; 2022. № 29 (ч. 2). Ст. 5220.

² Делайте добро, цифровую поддержку НКО мы берем на себя! // Технологии добра : [сайт]. URL: <https://xn--80abfedtavrkbe1aq0c.xn--p1ai/> (дата обращения: 20.01.2025).

Индивидуальная профилактика — воздействие на причины и условия преступности, ограниченные конкретной микросредой либо поведением конкретного лица, склонного к совершению преступлений. Индивидуальное профилактическое воздействие, как правило, ориентировано на личность и в первую очередь на ее негативные нравственно-психологические качества. Подобное воздействие не может быть реализовано посредством некоего одномоментного акта, так как данные негативные качества и свойства формировались на протяжении длительного времени и даже в течение всей жизни. В связи с этим для профилактического воздействия на личность нередко необходимы многие месяцы и даже годы. Соответственно, организация индивидуальной профилактической работы требует комплексного подхода, который должен сочетать в себе убеждение (воспитание, перевоспитание), принуждение (волевое воздействие, наказание), а также помощь лицам с антиобщественными ориентациями и установками [16, с. 165].

В аспекте частной превенции диверсионных преступлений стоит учитывать тот факт, что у отдельных диверсантов-исполнителей наличествует криминальный опыт³. В эту категорию попадают те, кто ранее привлекался к уголовной ответственности и был освобожден от нее по основаниям, установленным в главах 11, 13 УК РФ, или иным специальным основанием, был осужден условно либо к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, а также был освобожден досрочно от отбывания наказания по основаниям, установленным в главах 12, 13 УК РФ. Соответственно, данная категория образована лицами, в отношении которых уже проводилась та или иная индивидуальная

³ Статистика преступности // Российская криминологическая ассоциация имени Азалии Ивановны Долговой : [сайт]. URL: https://crimas.ru/?page_id=5050 (дата обращения: 20.01.2025).

профилактическая работа, но она не имела положительного эффекта.

Это свидетельствует о потребности в консолидации усилий специализированных субъектов профилактики по направлению персонального воздействия на лиц, чье поведение демонстрирует готовность продолжить преступную деятельность посредством совершения диверсионных преступлений. Необходимо не только своевременное выявление, анализ и контроль отклоняющегося от социальных норм поведения [17, с. 187; 18, с. 87], но и создание комфортной среды для жизнедеятельности таких лиц в конкретных условиях. Этому, на наш взгляд, отчасти должен поспособствовать начавший реализовываться с 2024 года институт пробации: «совокупность мер, применяемых в отношении осужденных, лиц, которым назначены иные меры уголовно-правового характера, и лиц, освобожденных из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, которые оказались в трудной жизненной ситуации, в том числе ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация, защита прав и законных интересов указанных лиц»¹.

В завершение отметим следующее:

общесоциальная профилактика диверсионных преступлений, помимо обязательного создания благоприятных социально-экономических условий, предполагает постепенное укрепление духовно-нравственных ценностей и вытеснение чуждой российскому обществу идеологии, при этом важное место занимает процесс обучения культуре пользования средствами научно-технического прогресса;

специально-криминологическая профилактика данных преступлений связана с оптимизацией деятельности сотрудников правоохранительных органов (ФСБ России, МВД России, Росгвардии) по своевременному выявлению и предотвращению данных преступлений, основана на разработке и внедрении современных технологий и организации качественного обучения профильных специалистов;

индивидуальная профилактика диверсионных преступлений должна быть ориентирована на лиц, ранее привлекавшихся к уголовной ответственности, с обязательным оказанием им помощи в социальных вопросах (проживание, трудоустройство, трудовая занятость и т. д.).

Список источников

1. Крайнова Н. А. О тенденциях современной уголовной политики в сфере противодействия преступности // Российский следователь. 2024. № 5. С. 34–38.
2. Авдеев В. А., Аксенов А. Н. Приоритетные направления противодействия насильственной преступности // Российский следователь. 2023. № 5. С. 32–36.
3. Шеховцова О. А. Патриотическое воспитание как фактор профилактики и противодействия распространению идеологии экстремизма и терроризма // XI Сталинградские исторические чтения : сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию Сталинградской Победы, 24 ноября 2023 г. Москва : Планета, 2024. С. 229–232.
4. Волков В. А. Психологические диверсии как элемент дискредитации героизма советского народа в Великой Отечественной войне в структуре гибридной войны Запада против России // Россия, Сибирь и Центральная Азия: взаимодействие народов и культур : материалы VII Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, 7–8 апреля 2022 г. / Алтайский гос. педагог. ун-т ; под науч. ред. В. А. Бармина. Барнаул : АГПУ, 2022. С. 15–22.
5. Ореховская Н. А., Ореховский А. В. Патриотизм как созидаящая идеология российского общества // Казанский педагогический журнал. 2016. Вып. 3 (116). С. 205–210.

¹ О пробации в Российской Федерации : Федеральный закон от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ : текст с изм. и доп. на 29 мая 2024 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 6. Ст. 917; 2024. № 23 (ч. 2). Ст. 3046.

6. Крысько В. Г. Секреты психологической войны (цели, задачи, методы, формы, опыт). Минск : Харвест, 1999. 446 с.
7. Конев Д. А. Криминологическая безопасность и ее обеспечение в сфере цифровых технологий : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ... канд. юрид. наук / Конев Денис Андреевич. Омск, 2022. 206 с.
8. Барышников С. Г. Террология: проблемы построения системы специально-научных знаний // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2011. № 30 (247). С. 132 – 133.
9. Криминология : учебник / С. В. Ванюшкин, А. Я. Гришко, Ю. Н. Демидов [и др.] ; под общ. ред. А. И. Долговой. 4-е изд., перераб. и доп. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2014. 920 с.
10. Опрышко А. А., Семенцова И. А. О некоторых мерах предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства // Актуальные вопросы истории, философии и права : сб. ст. VII Междунар. науч.-практ. конф., 11 октября 2021 г. Петрозаводск : Новая Наука, 2021. С. 17 – 21.
11. Наумова Н. М. Ядерная и радиационная безопасность: криминологические и уголовно-правовые аспекты : специальность 5.1.4 «Уголовно-правовые науки» : дис. ... канд. юрид. наук / Наумова Наталья Михайловна. Санкт-Петербург, 2024. 252 с.
12. Гуляев Т. Р. Угроза национальной безопасности Российской Федерации в период проведения специальной военной операции: преступления террористической направленности // Global and Regional Research. 2024. Т. 6, № 1. С. 34 – 38.
13. Иванов Р. С. Противодействие терроризму в пограничной сфере Российской Федерации: уголовно-правовые и криминологические аспекты : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ... канд. юрид. наук / Иванов Роман Сергеевич. Москва, 2016. 205 с.
14. Грищенко Т. В. Преступления, совершаемые с особой жестокостью, как объект криминологического исследования: по материалам Южного федерального округа : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ... канд. юрид. наук / Грищенко Татьяна Викторовна. Ростов-на-Дону, 2016. 297 с.
15. Ветерков А. И. Проявления бдительности на железной дороге в годы Великой Отечественной войны (на примере Ярославской железной дороги) // История и перспективы развития транспорта на Севере России. 2015. № 1. С. 14 – 17.
16. Дудкина Е. И. Криминологические особенности личности участников организованных преступных формирований и профилактическое воздействие на них : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ... канд. юрид. наук / Дудкина Елена Игоревна. Саратов, 2016. 259 с.
17. Кабанов Н. А. Криминологическая характеристика и предупреждение массовых беспорядков : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ... канд. юрид. наук / Кабанов Николай Анатольевич. Москва, 2020. 281 с.
18. Противодействие организационной деятельности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии : монография / П. В. Агапов, С. А. Бажутов, А. С. Васнецова [и др.]. Москва : Проспект, 2022. 192 с.

Информация об авторе

Е. А. Игнатенко – старший научный сотрудник отдела научного обеспечения прокурорского надзора за исполнением законов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Научно-исследовательского института Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

E. A. Ignatenko – Senior Research Fellow at the Department of scientific support of prosecutor's supervision over the execution of laws in operational investigative activities and participation of the prosecutor in criminal proceedings of the Research Institute of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Научная статья
УДК 343.3

ДЕТЕРМИНАЦИЯ НЕОНАТИЦИДА В ОТРАЖЕНИИ СТАТЬИ 106 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: МЕРЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

Александр Викторович КУЛИКОВ¹, Ольга Алексеевна ШЕЛЕГ²

¹ Образовательно-научный кластер «Институт управления и территориального развития»
Балтийского федерального университета имени И. Канта, Калининград, Россия,
bmw0052@rambler.ru

² Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, Калининград,
Россия, lili405@mail.ru

Аннотация. Явлению неонатцида в настоящее время не уделено должного внимания. Не исследован в полной мере причинный комплекс, когда мать совершает убийство своего новорожденного ребенка. Возникают сложности применения уголовного закона. Авторы проводят анализ детерминант этого явления, обосновывают вывод о применении понятия неонатцида в конструкции ст. 106 УК РФ, вносят предложения по мерам его предупреждения в Российской Федерации.

Ключевые слова: неонатцид, противоправное деяние, убийство матерью новорожденного ребенка, меры предупреждения

Для цитирования: Куликов А. В., Шелег О. А. Детерминация неонатцида в отражении статьи 106 Уголовного кодекса Российской Федерации: меры предупреждения // КриминалистЪ. 2025. № 2 (51). С. 50 – 58.

Original article

DETERMINATION OF NEONATICIDE IN THE CONTEXT OF ARTICLE 106 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION: PREVENTIVE MEASURES

Alexander V. KULIKOV¹, Olga A. SHELEG²

¹ Educational and Scientific Cluster «Institute of Management and Territorial Development»
of I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia, bmw0052@rambler.ru

² Kaliningrad branch of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Kaliningrad, Russia, lili405@mail.ru

Abstract. The phenomenon of «neonaticide» has not received due attention at present. The causal complex when a mother kills her newborn child has not been thoroughly investigated. This leads to difficulties in applying criminal law. The authors analyse the determinants of this phenomenon, substantiate the conclusion on the application of the concept of neonaticide within the framework of Article 106 of the Criminal Code of the Russian Federation, and propose measures of its prevention in the Russian Federation.

Keywords: neonaticide, unlawful act, killing a newborn child by the mother, preventive measures

© Куликов А. В., Шелег О. А., 2025

сайт. URL: <https://mvd.ru/Deljatelnost/statistics>
(дата обращения: 29.01.2025).

ких обстоятельств мать способна убить новорожденного.

Научные исследования показали, что неонатацид в подавляющем большинстве совершается матерями в осознанном состоянии, с прямым умыслом на причинение смерти. Вместе с тем мать, по общему выводу, в этот период находится в состоянии эмоциональной напряженности, когда не может в полной мере адекватно оценивать свои действия и окружающую обстановку, ограничены возможности сверять свои поступки и предвидеть их последствия. Многие из матерей нуждались в помощи и наблюдении психиатра. Как отмечают А. И. Натура, Л. А. Злобина, «в ходе исследования медицинские работники и эксперты указывали на наличие психических расстройств примерно у половины женщин. Самым опасным психическим расстройством является послеродовой психоз (около 58 %): достаточно редкое психическое расстройство, в результате которого могут возникнуть угроза для жизни новорожденного и риск самоубийства матери» [2, с. 137]. Но не следует акцентировать внимание только на психических расстройствах, симптомы которых известны специалистам, у матерей могут возникать иные расстройства, требующие изучения. Как указывает Е. А. Антипова, «обобщая результаты теоретических и эмпирических исследований, выделяется несколько социально-психологических факторов возникновения внутриличностного конфликта» [3, с. 6]. Е. А. Антипова относит к ним следующие: принудительный характер зачатия; врожденная болезнь ребенка, а также риски, связанные со здоровьем ребенка и матери; индивидуальность личности матери; неодобрение обществом, страх неприятия окружающими ребенка; сложные связи между родственниками и иные факторы.

По нашему мнению, таких провоцирующих факторов достаточно много,

перечислять их нет смысла, но все они оказывают влияние на криминальное поведение матери, вследствие чего она совершает неонатацид.

Среди этих факторов существенное значение имеет юный, по меркам общества, возраст матери — до 18 лет. Как правило, это несформировавшаяся личность, которая находится в материальной зависимости от родителей, боится осуждения, чему способствует психологическое давление окружающих.

Так, в Красноярске 16-летняя девушка выбросила младенца в мусорку: скрывать преступление ей помогала мать. Все вскрылось, когда школьницу привезли в больницу с кровотечением. А вскоре врачи и полиция выяснили, что ребенка просто выкинули. Оказалось, мать подростка приняла роды, а когда дочь решила избавиться от малыша — не помешала. Девочка жила в благополучной семье с матерью и отчимом¹.

Ю. М. Антонян, М. В. Гончарова, Е. Б. Кургузкина приводят детальный пример «несовершеннолетней С., которая является уроженкой села. Выпив слишком много спиртного на своем дне рождения в ресторане с однокурсниками, она пошла в гости к незнакомым молодым людям, изнасиловавшим ее. С заявлением об изнасиловании никуда не обращалась. Почувствовав беременность, С. скрывала ее от всех, на учет в женскую консультацию не встала. Когда пришло время родов, С. родила здорового ребенка, подававшего признаки жизни, затем перерезала ему горло ножом и выбросила в мусоропровод. Сама по себе С. спокойная, училась в школе нормально, помогала маме с огородом и скотом, никакими явными признаками отклонения от нормы поведения не выделялась» [4, с. 106]. Причиной совершения неонатацида послужил страх неприятия обществом ребенка

¹ Плохие Новости : сайт. URL: <https://t.me/telegram> (дата обращения: 12.02.2025).

из-за изнасилования и в таком возрасте. Причина совершения С. неонатцида характерна для такой возрастной категории, а именно для несовершеннолетних. Им свойственен страх осуждения со стороны окружающих, родственников, вследствие чего они решаются на такое противоправное деяние.

Интересная причина совершения неонатцида наблюдается у женщин в возрасте от 25 до 30 лет. Криминальное поведение в таком возрастном диапазоне обусловлено тем, что именно в этот период появляются деловые способности, полученные женщиной в условиях самостоятельной жизни и профессионального роста, с одной стороны, с другой — попытками делать успешную карьеру и бессилием противостоять неудачам в различных сферах жизнедеятельности. Такие женщины указывают, что «ребенок будет являться помехой для личностного и карьерного роста, от него появятся различные проблемы, связанные со здоровьем и внешним видом». Это проявление явно выраженного эгоцентризма. В таком случае не возникает вопроса, почему данная возрастная категория находится на втором месте по частоте совершения неонатцида — 26 %.

По статистике, неонатцид чаще совершается матерями в возрасте от 30 до 40 лет (более 50 %), и это связано с нежелательной беременностью. Как отмечает О. В. Журкина, «нередко у женщин отсутствуют надлежащие жилищные условия, материальный уровень семьи является недостаточным. Она сталкивается с непониманием и отсутствием моральной поддержки со стороны друзей и родственников, а также с отцом ее будущего ребенка» [5, с. 416]. В этом случае, по ее мнению, не остается другого выхода и ей необходимо убить своего ребенка.

Кроме того, условием неонатцида является низкий уровень материального положения. Это связано с тем, что боль-

шинство беременных женщин становятся безработными или временно безработными. Как указывают А. И. Натура и Л. А. Злобина, «всего 12 % женщин на момент совершения неонатцида работали стабильно, временно работающие составили около 25 %, а на 38 % приходятся безработные и временно безработные» [2, с. 136]. Исходя из этого можно сделать вывод, что женщины, которые нигде не работали, не смогли реализовать себя в профессиональной деятельности, подвержены риску совершения неонатцида.

Но низкий материальный достаток может объясняться не только отсутствием у женщины возможности зарабатывать, но и алкогольной и наркотической зависимостью. Анализируя интернет-ресурсы, различные телешоу, можно заключить, что хронический алкоголизм и наркомания были у каждой второй матери, совершившей неонатцид. Очень часто такие женщины рожают детей дома и не понимают всей ответственности за новорожденного. Конечно, в такой ситуации суд должен назначить более строгое наказание, так как состояние алкогольного или наркотического опьянения является отягчающим обстоятельством совершения неонатцида. А. И. Натура, Л. А. Злобина указывают, что «в современной литературе часто используют термин „аддиктивное поведение“. Оно представляет собой одну из форм девиантного поведения с формированием стремления к уходу от реальности посредством изменения своего психического состояния, достигаемого фармакологическим (приемом веществ, воздействующих на психику) и нефармакологическим (сосредоточением на определенных предметах и активностях) способами, что сопровождается развитием субъективно приятных эмоциональных состояний» [2, с. 137]. Алкоголизм и наркотическая зависимость приносят вред матери, у которой

нормальная работа психики нарушается, такие женщины часто путают реальный мир с вымышленным. Тем более физиологические процессы, которые возникают во время и после родов, действуют на выработку гормонов, понижая или повышая адаптационные ресурсы матери, конкретизируют ее психическое и эмоциональное состояние.

Чаще всего, согласно статистике, «неонатический инцидент совершается разведенными, живущими с сожителем, изнасилованными, незамужними женщинами — на них приходится 54 %, соответственно, на замужних — 46 %» [4, с. 107]. При этом причины совершения неонатического инцидента замужними женщинами различны. Некоторые из них идут на совершение противоправного деяния вследствие тяжелого материального положения, другие — из-за того, что ребенок не от мужа, а от другого человека.

Так, Т. состояла в браке, имела четверых малолетних детей. Когда она забеременела, то не встала на учет в женской консультации, скрыла беременность от родственников, в том числе и от мужа, по той причине, что допускала, что ребенок не от него. Когда беременность стала заметна для окружающих, Т. рассказала мужу и родственникам. Муж, сомневаясь, что ребенок, которым беременна жена, его, сказал ей, что в случае рождения ребенка не желает его принимать. Из-за большого срока беременности Т. побоялась делать аборт, поэтому решила рожать. Когда пришло время родов, она приготовила все необходимое для них и родила мальчика, подававшего признаки жизни. Она перерезала ему пуповину, удалила с ребенка плаценту, а также обернула его простыней, положила рядом с собой и уснула. Когда ребенок начал плакать, Т. проснулась и покормила его, после чего он уснул. Она начала думать, что ребенок не нужен ни мужу, ни ей, поэтому решила убить его путем удушения. Т. сдавлива-

ла ему шею до тех пор, пока ребенок не перестал подавать признаки жизни. Желая скрыть ребенка, она положила его в тумбочку под навес на придворовой территории. Мужу сказала, что ребенок родился мертвым и она его похоронила¹. Как видно из этого примера, причиной совершения неонатического инцидента явилась вероятность беременности не от мужа, а от другого человека, а также неприятие мужем такого ребенка в случае рождения.

Другой пример: «Ш. состояла в зарегистрированном браке с мужем, имела от совместного брака четырех детей. Муж длительное время проживал отдельно от семьи, никакой помощи не оказывал, поэтому Ш. взыскивала с него алименты. После того как муж вернулся в семью, Ш. забеременела. Когда пришло время родов, она родила дома здоровую девочку. Через час после рождения ребенка Ш. утопила его в ведре с водой, положила в коробку и закопала на приусадебном участке. Причиной совершения неонатического инцидента явились материальные затруднения, плохие жилищные условия, а также страх того, что муж снова бы ушел из семьи» [4, с. 106 — 107].

Негативное влияние оказывают семейная среда, недостатки воспитания будущей матери. В большинстве случаев женщины, совершившие неонатический инцидент, не получили ни среднего специального, ни высшего образования, имели низкий уровень рабочей квалификации. У таких женщин отсутствует стремление к развитию и самосовершенствованию. Эта тенденция возникает из-за неблагополучия в семье, в которой росла будущая мать, ведь часто дети «копируют» манеру поведения своих родителей. В такой среде люди живут примитивными стандартами.

¹ Приговор Лузского районного суда (Кировская область) от 17 июля 2020 г. по делу № 1-49/2020 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 30.12.2024).

Конечно, у матерей, совершивших неонатический идиотизм, имеются индивидуальные особенности личности. Чтобы их понять, необходимо проанализировать детство таких женщин. Исходя из статистических данных, на которые указывают Ю. М. Антонян, М. В. Гончарова, Е. Б. Кургузкина, «в 81 % случаев женщины воспитывались в семье, в которой было больше одного ребенка. В 75 % они воспитывались в полной семье, где были отец и мать. Родители имели низкий интеллект и развитие, в большинстве являлись рабочими. Только в 22 % случаев отношения с родителями были хорошие, а в 45 % родители были безразличны к дочерям» [4, с. 108]. Можно сделать вывод, что дочери относились к родителям так же, т. е. в большинстве случаев родители их не интересовали.

Как пишут Р. Ю. Горлачев, И. Г. Горлачева, «в ходе проведенного исследования было проанализировано 50 приговоров районных судов Российской Федерации по ст. 106 УК РФ и в результате чего установлено, что чем ниже уровень культурного развития семьи — тем больше шансов, что девушка воспитанная такой семьей, предрасположена к совершению противоправного деяния» [6, с. 330].

Но даже в хорошей семье, имеющей стабильный заработок, нормальные жилищные условия, где все заботятся друг о друге, имеются отклонения у дочерей, влекущие совершение ими неонатического идиотизма. Следует привести пример, где, казалось бы, все для жизнедеятельности женщины присутствовало, но, несмотря на это, она все же совершила противоправное деяние. Так, «несовершеннолетняя Ф., уроженка Курской области, поступила в государственный университет, в этот период была уже беременна. Из-за различных вступительных экзаменов она не успела сделать искусственное прерывание беременности. От родите-

лей скрывала беременность, но в последующем они узнали об этой ситуации. Ф. не знала, что делать с ребенком, так как он разрушал все планы на будущую жизнь, ее мать советовала ей рожать, но она боялась. На учет в женскую консультацию не встала, родила в комнате частного дома, которую снимала вместе с несколькими девушками. Когда Ф. родила, она не решила дальнейшую судьбу новорожденного ребенка. Убедившись, что ребенок жив, выбросила его в контейнер для мусора на улице. К счастью, благодаря плачу ребенка, его нашли хозяин дома и соседка Ф., тем самым ребенок был спасен» [4, с. 108–109]. Как видно из этого примера, у Ф. был прямой умысел на неонатический идиотизм, но преступление не было доведено до конца, ребенок остался жив. В этом случае действия Ф. квалифицированы правильно как покушение на убийство новорожденного ребенка (ч. 3 ст. 30 и ст. 106 УК РФ) [4, с. 109].

Таким образом можно сделать вывод, что важно выявить причины и условия, способствующие развитию у матерей умысла на совершение противоправного деяния в отношении своего новорожденного ребенка. Причинный комплекс, «подталкивающий» на совершение неонатического идиотизма, надо искать в детстве будущей матери, а также учитывать индивидуальные особенности личности. Для того чтобы предотвратить совершение таких противоправных действий матерью, необходимо осуществлять мероприятия, направленные на внедрение в сознание матерей той общественной опасности, которую несет в себе неонатический идиотизм.

Как указывает О. В. Журкина, «в настоящее время предпринимаются меры по спасению новорожденных детей. Так, в России существует проект под названием „бэбибоксы“. Его суть заключается в том, что в общественных местах

(в церквях, больницах) создаются специально оборудованные боксы, в которые женщина может поместить своего ребенка, если она не желает его воспитывать» [5, с. 416].

Такая мера должна была стать эффективной, поскольку женщина может принести ребенка анонимно, за ней не будет никакого контроля со стороны государства. В России в 2010-х годах стартовали пилотные проекты по установке бэби-боксов в некоторых городах, в частности в Калининграде. Но за время их существования в них не положили ни одного ребенка. Проект себя не оправдал. Дискуссии по его реализации не утихали очень длительное время. Это связано с этическими и юридическими аспектами. Проект критикуют за нарушение права ребенка знать свое происхождение. Комитет ООН по правам ребенка в 2020 году призвал Россию отказаться от боксов, акцентируя внимание на рисках «поощрения отказа». Русская православная церковь занимает неоднозначную позицию: часть священников поддерживают проект как «меньшее зло», другие выступают за укрепление семейных ценностей. С правовой точки зрения проблема заключается в том, что в России не предусмотрен анонимный отказ от детей. На наш взгляд, вопрос законодательного урегулирования анонимных родов перспективен, так как приоритетом государства должно быть сохранение жизни ребенка, а не бесконечные рассуждения на эту тему в условиях ухудшения демографической ситуации. Кроме того, государству следует организовать финансовую поддержку матерей во время беременности и в течение месяца после рождения ребенка, расширить медицинские меры, включая обязательный скрининг психического здоровья беременной.

Также необходимо, чтобы специалисты оценивали условия жизни матери и

вели соответствующий учет. Исходя из этих данных следует осуществлять тотальный контроль над теми женщинами, которые ведут маргинальный образ жизни, обучать медработников выявлению групп риска (женщин, скрывающих беременность). Такой мерой государство обеспечит сохранение жизни самой матери, показывая, что неонатичид — не выход из ситуации.

Кроме того, необходимо организовать передачу новорожденных детей, которые матерям не нужны, в семьи, не имеющие детей, но желающие воспитывать ребенка. Для того чтобы все дети оказались в семье, следует вести учет семейных пар, изъявивших желание взять в семью ребенка. Подобные проекты уже есть и успешно реализуются: существуют банки данных как «отказников», так и потенциальных опекунов/усыновителей. Полномочия по реализации такого проекта возложены на органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, например в Калининградской области — на министерство социальной политики.

Сегодня репродуктивная политика России заключается в следующем: «Власти добиваются вывода страны из демографического кризиса в 90-е годы, так как в этот период совершалось больше всего неонатичидов — за один год был убит 251 новорожденный...» [5, с. 416]. Правительством России установлены меры по стимулированию рождаемости, которые включают в себя: обеспечение матерей пособием при рождении первого ребенка; выплату пособия на второго, третьего и последующего ребенка; пролонгирование программы материнского капитала. Также в нашей стране поддерживается многодетность. Иметь в семье нескольких детей, на наш взгляд, заслуживает огромного уважения.

Выявление детерминант совершения неонатичида показало, что:

существенное влияние на поведение и состояние матери во время беременности и после родов оказывают семья, общество, а также условия жизни, в которых жила или находилась мать на момент совершения противоправного деяния;

необходимыми мерами по предупреждению неонатцида являются оказание медицинской и психологической помощи женщинам, находящимся в состоянии беременности или после родов, тотальный над ними контроль, в том числе по месту жительства;

необходима законодательная реализация проекта «бэбибоксы», который поможет матерям, не желающим иметь ребенка, отдать его анонимно в специальные боксы, находящиеся в общественных местах;

требуется расширение мер материальной поддержки материнства, обеспечение матерей различными денежными пособиями — на первого ребенка или по многодетности, предоставление иных видов пособия;

нужна активная реализация информационных кампаний по продвижению

ценностей ответственного родительства через средства массовой информации и социальные сети, а также дестигматизация образа матери, оказавшейся в трудной ситуации.

Таким образом, детерминация неонатцида требует комплексного подхода, где ст. 106 УК РФ выступает лишь частью системы предупреждения. Основной акцент должен быть сделан на меры общей и индивидуальной профилактики, направленные на устранение социального неравенства, обеспечение доступности медицинской помощи и формирование толерантного отношения к кризисной ситуации, в которой оказываются матери новорожденных детей. Только синтез права и социальной политики позволит минимизировать случаи убийства новорожденных. Благодаря реализации названных предложений латентность неонатцида снизится в разы, а его единичное совершение вызовет общественный резонанс, а не проявление равнодушия со стороны причастных к таким деяниям лиц.

Список источников

1. Туркова В. Н., Архипова А. Н., Корепанова В. С. Уголовно-правовой и криминологический анализ статьи 106 УК РФ // Личность, общество и государство в правовом измерении : материалы национальной науч.-практ. конф., Иркутск, 22 марта 2021 г. / Байкальский гос. ун-т ; отв. ред. В. В. Игнатенко. Иркутск : БГУ, 2021. 430 с.
2. Натура А. И., Злобина Л. А. Социально-психологический статус матери-убийцы новорожденного ребенка как элемент криминалистической характеристики преступления // Теория и практика общественного развития. 2017. № 12. С. 134 – 138.
3. Антипова Е. А. Причины делинквентного поведения женщин в послеродовом периоде // Организация работы с молодежью. 2020. № 6. С. 1 – 11.
4. Антонян Ю. М., Гончарова М. В., Кургузкина Е. Б. Убийство матерью новорожденного ребенка: уголовно-правовые и криминологические проблемы // Lex russica. 2018. № 3 (136). С. 94 – 114.
5. Журкина О. В. Убийство матерью новорожденного ребенка: криминологический аспект // Вопросы российского и международного права. 2022. Т. 12, № 9-1. С. 414 – 419.
6. Горлачев Р. Ю., Горлачева И. Г. Причины, способствующие совершению убийства матерью новорожденного ребенка // Обществознание и социальная психология. 2022. № 11 (41). С. 327 – 331.

7. Воронцова С. А. Влияние репродуктивной политики в стране на совершение преступлений на примере России и Китая // Актуальные проблемы сравнительного правоведения и юридической лингвистики : сб. материалов III Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 10—12 декабря 2018 г. / Московский гос. лингвистический ун-т. Москва : МГЛУ, 2019. С. 78—80.

Информация об авторах

А. В. Куликов — профессор Образовательно-научного кластера «Институт управления и территориального развития» Балтийского федерального университета имени И. Канта, доктор юридических наук, профессор;

О. А. Шелег — доцент кафедры криминалистики Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

A. V. Kulikov — Professor at the Educational and Scientific Cluster «Institute of Management and Territorial Development» of I. Kant Baltic Federal University, Doctor of Science (Law), Professor;

O. A. Sheleg — Associate Professor at the Department of criminology of Kaliningrad branch of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Научная статья
УДК 343.2/.7

ПРЕДМЕТЫ, ИМЕЮЩИЕ ОСОБУЮ ЦЕННОСТЬ, КАК ПРЕДМЕТ ХИЩЕНИЯ

Роман Михайлович КРАВЧЕНКО¹, Диана Дмитриевна ВЕСЕЛОВА²

^{1,2} Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

¹ roman888rus@rambler.ru

² veselova.dia@gmail.com

Аннотация. В статье затронуты проблемы квалификации хищения предметов, имеющих особую ценность, связанные с определением признаков предмета преступления, правовой квалификацией хищения надмогильных сооружений, а также хищения одного или нескольких предметов, являющихся частями коллекции. Для совершенствования законодательства в сфере охраны особо ценных предметов в работе уточняется оборотоспособность культурных ценностей, анализируется их уголовно-правовой статус, выдвигается предложение поместить норму об ответственности за хищение предметов, имеющих особую ценность, в другую главу УК РФ.

Ключевые слова: уголовное право, культурные ценности, преступления против собственности, преступления против общественной нравственности

Для цитирования: Кравченко Р. М., Веселова Д. Д. Предметы, имеющие особую ценность, как предмет хищения // КриминалистЪ. 2025. № 2 (51). С. 59 – 66.

Original article

ITEMS OF PARTICULAR VALUE AS A SUBJECT OF THEFT

Roman M. KRAVCHENKO¹, Diana D. VESELOVA²

^{1,2} St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

¹ roman888rus@rambler.ru

² veselova.dia@gmail.com

Abstract. The article touches upon the problems of qualifying the theft of items of particular value related to determining signs of the subject of the crime, the legal qualification of the theft of tombstones as well as the theft of one or more items that are parts of the collection. To improve legislation in the sphere of the protection of especially valuable items, the article clarifies the turnover of cultural values, analyses their criminal legal status, and proposes to place the norm on liability for theft of items of particular value in another chapter of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: criminal law, cultural values, crimes against property, crimes against public morals

For citation: Kravchenko R. M., Veselova D. D. Items of particular value as a subject of theft. Criminalist. 2025;2(51):59-66. (In Russ.).

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400¹, среди важнейших национальных приоритетов названа защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти, охрана которых обеспечивается путем сохранения материального и нематериального культурного наследия российского народа. На сегодняшний день надлежащая защита культурных ценностей от преступных посягательств продолжает оставаться значимой задачей современной российской политики, что подтверждается принятием множества соответствующих нормативно-правовых актов как на уровне Российской Федерации, так и в контексте международного законодательства. Специальные нормы об ответственности за посягательства на культурные ценности содержит Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ).

В структуре преступлений против собственности одним из наиболее опасных считается хищение предметов или документов, имеющих особую ценность, уголовная ответственность за которое предусмотрена ст. 164 УК РФ. Учитывая расположение данной нормы в главе 21 Уголовного кодекса, можно утверждать, что родовым объектом рассматриваемого вида хищения являются общественные отношения в сфере экономики, а видовым — отношения собственности.

Указанный подход к определению объекта преступного посягательства вызывает определенные сомнения ввиду того, что объект преступления и, в свою очередь, место статьи в Уголовном кодексе должны определяться свойствами предмета преступления, который при

хищении предметов, имеющих особую ценность, характеризуется специфическими признаками.

Проанализировав признаки предмета преступления, предусмотренного ст. 164 УК РФ, можно сделать вывод, что данные признаки практически по всем критериям отличаются от общепринятых в теории уголовного права признаков предмета хищения.

Во-первых, предметом хищения, по общему правилу, могут выступать только вещи и иные предметы, имеющие материальную ценность и обладающие потребительской стоимостью.

Предмет преступления в ст. 164 УК РФ уголовный закон определяет как предметы или документы, обладающие особой исторической, научной, художественной или культурной ценностью. Некоторые авторы, например Г. Н. Борзенков, отмечают, что особая ценность выражается прежде всего в высокой стоимости такого предмета [1, с. 12]. На наш взгляд, нельзя отождествлять категории «стоимость» и «ценность», так как критерий, на основании которого можно сделать вывод об особой ценности предмета, не обязательно связан с его материальной оценкой.

Отдельные предметы названного посягательства (например, важные с исторической точки зрения документы, личная переписка монархов и иных известных персон) в силу того, что никогда не выпускались в гражданский оборот, с учетом их уникальности нередко не имеют определенной в денежном выражении цены. Квалификация их незаконного изъятия по ст. 164 УК РФ осуществляется исходя не из экономической ценности, а из их особой значимости.

На этом акцентирует внимание в своих разъяснениях Пленум Верховного Суда Российской Федерации, подчеркивая, что «особая историческая, научная, художественная или культурная ценность похищенных предметов или доку-

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ментов определяется на основании экспертного заключения с учетом не только их стоимости в денежном выражении, но и значимости для истории, науки, искусства или культуры»¹. То есть ценность перечисленных предметов должна устанавливаться по каждому делу индивидуально, так как они имеют, помимо экономической ценности, еще и иную значимость (художественную, историческую, научную, культурную), которая существенно превосходит первую.

Отсюда еще одно различие: если во всех остальных видах хищения необходимо устанавливать стоимость похищенного, его товарные характеристики и причиненный собственнику ущерб, то при хищении особо ценного предмета обязательным является определение признаков его культурной ценности, подлинности, способа и времени изготовления и т. д.

Документы, как правило, не признаются предметом хищения в рамках главы 21 УК РФ (исключение составляют документы, удостоверяющие имущественные права), их неправомерное изъятие законодатель определил как преступление против порядка управления (ст. 325 УК РФ). Однако по ст. 164 УК РФ можно квалифицировать хищение любых имеющих особую значимость для науки, истории и культуры документов, так как экономическая стоимость как признак предмета хищения в данном случае вторична по отношению к социальной значимости предметов, имеющих особую ценность.

Во-вторых, наряду с экономическим, обязательным признаком предмета хищения является юридический признак, который заключается в том, что предметом выступают лишь те вещи, оборот которых не ограничен, чего нельзя в пол-

ной мере сказать о предметах, имеющих особую ценность.

Одним из предметов преступления, предусмотренного ст. 164 УК РФ, признаются культурные ценности. Выступая объектами гражданско-правовых отношений, они отличаются особым правовым режимом: в целях обеспечения их охраны федеральным законодательством вводятся соответствующие ограничения на свободу перемещения культурных ценностей (п. 5 ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации, далее — ГК РФ).

Подтверждение данной позиции можно найти не только в гражданском законодательстве, но и в ряде других нормативно-правовых актов.

Так, отношения по перемещению культурных ценностей из Российской Федерации регулирует Закон Российской Федерации от 15 апреля 1993 года № 4804-1 «О вывозе и ввозе культурных ценностей»². В соответствии со ст. 35.5 указанного акта ряд культурных ценностей (например, имеющие особое значение либо постоянно хранящиеся в государственных и муниципальных музеях, архивах, библиотеках) не подлежат вывозу из Российской Федерации без обязательства их обратного ввоза, причем их вывоз возможен только в предусмотренных законом целях.

Особый режим установлен для памятников истории и культуры, подпадающих под действие ст. 50 Федерального закона от 25 июня 2002 года № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»³, в которой

² О вывозе и ввозе культурных ценностей : Закон Российской Федерации от 15 апреля 1993 г. № 4804-1 : текст с изм. и доп. на 4 авг. 2023 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации : Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ : текст с изм. и доп. на 26 дек. 2024 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 : текст с изм. и доп. на 15 дек. 2022 г. П. 25. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

закреплен перечень объектов, не подлежащих отчуждению из государственной собственности (ими, например, являются объекты недвижимого имущества, отнесенные к особо ценным объектам культурного наследия народов Российской Федерации). Вместе с тем в данном Федеральном законе закреплены ограничения по кругу лиц, которым возможна передача объектов культурного наследия религиозного назначения, а также объектов, включенных в соответствующий реестр и находящихся в государственной собственности.

Несмотря на то что в настоящее время в гражданском законодательстве, в отличие от ранее действовавшего Положения об охране и использовании памятников истории и культуры¹, норма о преимущественном праве государства на покупку объектов культурного наследия отсутствует, имеются определенные ограничения в распоряжении отдельными культурными ценностями. Например, при совершении сделок, направленных на отчуждение музейных предметов и коллекций, включенных в состав негосударственной части Музейного фонда Российской Федерации, государство имеет преимущественное право приобретения указанных предметов (ст. 25 Федерального закона от 26 мая 1996 года № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации»²). Кроме того, их отчуждение и переход от одного лица к другому в порядке универсального правопреемства возможны только с предварительного разрешения государственных органов.

¹ Утверждено Постановлением Совета Министров СССР от 16 сентября 1982 г. № 865. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации : Федеральный закон от 26 мая 1996 г. № 54-ФЗ : текст с изм. и доп. на 12 дек. 2023 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Ограниченными в гражданском обороте являются и документы, входящие в состав государственной части Архивного фонда Российской Федерации. Находящиеся в государственной или муниципальной собственности архивные документы не могут быть приватизированы, а также выступать объектом продажи, мены, дарения и иных сделок, которые могут повлечь их отчуждение (ст. 10 Федерального закона от 22 октября 2004 года № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации»³).

Одной из мер, направленных на защиту, сохранение, а также минимизацию эксплуатации культурных объектов, служит установление ограничений на залог культурных ценностей и обращение на них взыскания. Так, культурные ценности, хранящиеся в государственных и муниципальных музеях, картинных галереях и других государственных организациях культуры, не могут быть использованы в качестве обеспечения кредита или сданы под залог⁴. В то же время Гражданский кодекс Российской Федерации закрепляет, что в тех случаях, когда предметом залога является имущество, имеющее значительную культурную ценность для общества, взыскание на предмет залога может быть обращено только по решению суда (пп. 2, 3 ст. 349 УК РФ).

Упомянутые нормативные акты охватывают лишь определенные категории объектов, обладающих культурной ценностью, при этом остаются вне сферы регулирования другие, не менее значимые с исторической точки зрения элементы культурного наследия. Однако

³ Об архивном деле в Российской Федерации : Федеральный закон от 22 октября 2004 г. № 125-ФЗ : текст с изм. и доп. на 13 дек. 2024 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Основы законодательства Российской Федерации о культуре : утв. Верховным Советом Российской Федерации 9 октября 1992 г. № 3612-1 : текст с изм. и доп. на 25 дек. 2023 г. Ч. 5 ст. 51. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

стоит отметить, что специфика реализации права собственности присутствует в отношении всех культурных ценностей, охраняемых государством. Так, в случае бесхозяйственного содержания культурных ценностей, отнесенных в соответствии с законом к особо ценным, допускается принудительное их изъятие путем выкупа государством или продажи с публичных торгов (ст. 240 ГК РФ).

Таким образом, можно сделать вывод, что гражданский оборот культурных ценностей существенно отличается от гражданского оборота стандартных вещей. Особенность правового режима этих ценностей как объектов гражданских прав обусловлена их уникальностью, неповторимостью, значимостью для общества и, соответственно, необходимостью обеспечения их сохранности.

Лишний раз подчеркивает обособленный статус культурных ценностей и то, что законодатель предусмотрел ответственность за контрабанду культурных ценностей и за незаконное перемещение ядерных материалов, огнестрельного оружия и других предметов, ограниченных в обороте, в одной статье — ст. 226.1 УК РФ, однако ответственность за хищение предметов, имеющих особую ценность, в силу специфики предмета преступления предусмотрел в различных нормах главы 24 УК РФ («Преступления против общественной безопасности»).

В связи с вышеизложенным считаем целесообразным предложение Т. Р. Сабитова поместить норму об ответственности за хищение предметов, имеющих особую ценность (ст. 164 УК РФ), в главу 25 УК РФ («Преступления против здоровья населения и общественной нравственности») [2, с. 45].

Некоторые авторы, считая, что законодатель уделил недостаточно внимания культуре как элементу уголовно-правовой охраны, отмечают и дополнительные объекты названного

преступления. Например, А. К. Мукашев, выделяя в качестве такового интересы государства в сфере обеспечения сохранности культурного наследия страны, тем самым относит хищение предметов, имеющих особую ценность, к категории многообъектных преступлений [3, с. 57]. С. М. Кочои также признает необходимость выделения дополнительного объекта в контексте данного преступления, подчеркивая, что таковым является общественная нравственность. Он исходит из того, что наиболее близкий по предмету преступного посягательства к хищению, предусмотренному ст. 164 УК РФ, состав уничтожения или повреждения памятников истории и культуры (ст. 243 УК РФ) имеет этот видовой объект [4, с. 120].

По нашему мнению, данная точка зрения представляется отчасти верной, однако в силу специфики культурных ценностей как предмета рассматриваемого преступления общественная нравственность в данном случае является основным объектом, в то время как отношения собственности — дополнительным. В обоснование своего суждения отметим, что реальный ущерб от хищения предметов или документов, имеющих особую ценность, причиняется в первую очередь не экономике страны и не отношениям собственности, а комплексу общественных отношений в области духовной культуры общества. Таким образом, главным объектом хищения, а также уничтожения или повреждения культурных ценностей будет одна и та же сфера — общественная нравственность.

Рассматривая предмет преступления, предусмотренного ст. 164 УК РФ, необходимо также отметить, что именно признак «особой ценности» служит основой для разграничения данного вида хищения и иных преступлений. Однако в настоящее время отсутствует как единый подход к определению понятия

«культурные ценности» в целом, так и перечень критериев, на основании которых можно однозначно отнести тот или иной предмет к категории «культурные ценности» или «культурные ценности, имеющие особое значение».

Действующее на сегодняшний день Постановление Правительства Российской Федерации от 14 сентября 2020 года № 1425, которым утверждены критерии отнесения движимых предметов к культурным ценностям и отнесения культурных ценностей к культурным ценностям, имеющим особое историческое, художественное, научное или культурное значение¹, имеет ряд недостатков.

Во-первых, данным нормативным актом охватываются лишь движимые предметы, тогда как недвижимое имущество также может иметь особое историческое, художественное, научное или культурное значение и являться предметом хищения, квалифицируемого по ст. 164 УК РФ.

Во-вторых, ввиду нечеткого разграничения признаков культурных ценностей на основании утвержденных данным Постановлением критериев нельзя дать однозначный ответ на вопрос о том, относится ли исследуемый предмет к категории имеющих особую культурную ценность. Например, созданные пятьдесят и более лет назад предметы фалеристики соответствуют критериям двух категорий культурных ценностей, что не позволяет сделать вывод об их принадлежности к объектам, имеющим особое значение. В таком случае получается, что признание их предметом преступления,

предусмотренного ст. 164 УК РФ, отдается на усмотрение экспертов в отсутствие четко установленных параметров особо ценных предметов.

В-третьих, используемый в вышеупомянутом подзаконном акте метод механического отнесения предметов к культурным ценностям исключительно на основании критериев времени создания или ограниченности тиража без установления признаков уникальности, художественной, исторической и иной значимости, на наш взгляд, представляется не совсем верным. Например, остается неопределенной юридическая судьба произведений современного искусства или же предметов, не вписывающихся во временные рамки, установленные данным Постановлением.

В результате складывается ситуация, при которой правовые нормы в сфере охраны и оборота особо ценных предметов фактически не способствуют эффективному применению положений Уголовного кодекса Российской Федерации.

По-прежнему в уголовно-правовой науке и правоприменительной практике дискуссионным остается вопрос, можно ли квалифицировать по ст. 164 УК РФ хищение надмогильных сооружений, признанных в установленном порядке культурными ценностями.

К объектам культурного наследия наряду с такими памятниками, как мемориальные квартиры, мавзолеи, объекты археологического наследия, относятся и отдельные захоронения². Множество могил, надмогильных сооружений, а также кладбищенских зданий обладают значительной культурной ценностью и на основании решения органов государственной власти включены Министерством культуры Российской Федерации

¹ Об утверждении Правил проведения экспертизы культурных ценностей, а также критериев отнесения движимых предметов к культурным ценностям и отнесения культурных ценностей к культурным ценностям, имеющим особое историческое, художественное, научное или культурное значение : Постановление Правительства Российской Федерации от 14 сентября 2020 г. № 1425 : текст с изм. и доп. на 6 нояб. 2024 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации : Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ : текст с изм. и доп. на 26 дек. 2024 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

в единый государственный реестр объектов культурного наследия народов Российской Федерации.

Напомним, что, несмотря на предложения теоретиков о размещении ст. 164 УК РФ в главе, посвященной преступлениям против здоровья и общественной нравственности, законодатель определил преступление, предусмотренное ст. 164 УК РФ, как относящееся к категории преступлений против собственности, предметом которых выступает исключительно имущество той или иной формы собственности — будь то государственная, муниципальная или частная.

На вопрос, есть ли собственник у надмогильных сооружений, со ссылкой на Закон города Москвы от 4 июня 1997 года № 11 «О погребении и похоронном деле в городе Москве» можно ответить утвердительно. Согласно п. 11 ст. 23 данного нормативно-правового акта мемориальные объекты, в том числе надмогильные сооружения, саркофаги и склепы, являются собственностью лиц, на которых оформлено место захоронения. Соответственно, сооружения, установленные на могиле (в том числе кресты, памятники, надгробия), могут быть предметом преступлений против собственности, их хищение подпадает под действие главы 21 УК РФ и может быть квалифицировано по ст. 164 УК РФ.

Это не все вопросы, возникающие при применении ст. 164 УК РФ. Отметим, что предметами данного преступления могут быть не только отдельные произведения и вещи, но и коллекции культурных ценностей, т. е. совокупность однородных или по каким-либо признакам подобранных разнородных предметов, которые независимо от культурной ценности каждого элемента в отдельности собранные вместе имеют историческое, художественное, научное или иное культурное значение. Примерами подобных коллекций могут

служить серии марок, старинных монет или тиражи книг.

На практике возникает проблема, связанная с квалификацией хищения одного или нескольких предметов, являющихся частями коллекции, каждый из которых отдельно не обладает признаками особой ценности. В силу ст. 134 ГК РФ, если различные вещи соединены таким образом, который предполагает их использование по общему назначению, они воспринимаются как одно целое, именуемое сложной вещью. Из чего следует вывод, что если была похищена лишь часть коллекции, которая состоит из отдельных предметов, не являющихся ценными, то мы можем говорить о наличии в действиях виновного лица состава преступления, предусмотренного ст. 164 УК РФ.

Данный тезис подтверждается и примерами из судебной практики. Так, по приговору Королёвского городского суда А., тайно похитившая часть коллекции нефритовых фигурок, которую специалист по традиционной культуре Китая Б. собирал с 1988 года, была признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 164 УК РФ¹.

Подводя итог, отметим, что необходимость уголовно-правовой охраны предметов, имеющих особую ценность, очевидна, однако законодательная регламентация уголовной ответственности за их хищение требует совершенствования. Анализируя состав данного преступления, мы пришли к выводу, что само расположение ст. 164 в Уголовном кодексе Российской Федерации акцентирует внимание не на особой ценности предметов в культурном, научном и историческом плане, а на экономическом фак-

¹ Приговор Королёвского городского суда (Московская область) № 1-546/2023 от 20 ноября 2023 г. по делу № 1-546/2023 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 04.11.2024).

торе, поэтому считаем целесообразным ее перемещение в главу 25 УК РФ.

В настоящее время также наблюдается неопределенность в отношении предметов рассматриваемого хищения. Это влечет сложности при квалификации действий правонарушителей в силу того, что обязательным признаком предмета преступления является именно «особая ценность», а отсутствие систематизированного законодательства,

четких критериев отнесения предметов к культурным ценностям, а также строгих правил, позволяющих идентифицировать предметы как особо ценные, создает проблемы применения уголовно-правовой нормы.

На наш взгляд, требуется дальнейшее совершенствование правового режима культурных ценностей, что повысит эффективность их защиты и правильность квалификации деяний по ст. 164 УК РФ.

Список источников

1. Борзенков Г. Новое в уголовном законодательстве о преступлениях против собственности // Законность. 1995. № 2. С. 7 – 16.
2. Сабитов Т. Р. Охрана культурных ценностей: уголовно-правовые и криминологические аспекты : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Сабитов Тимур Рашидович. Челябинск, 2002. 196 с.
3. Мукашев А. К. Проблемы уголовной ответственности за хищение предметов и документов, имеющих особую историческую, научную, художественную или культурную ценность: по материалам Республики Казахстан : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Мукашев Адильбек Каирбекович. Москва, 2007. 217 с.
4. Кочои С. М. Ответственность за корыстные преступления против собственности : учеб.-практ. пособие. 2-е изд., доп. и перераб. Москва : АНТЭЙ 2000, 2000. 286, [1] с.

Информация об авторах

Р. М. Кравченко – доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент;

Д. Д. Веселова – студент Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Information about the authors

R. M. Kravchenko – Associate Professor at the Department of criminal law, criminology and penal executive law, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law), Associate Professor;

D. D. Veselova – Student, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation.

Научная статья
УДК 343

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ВИКТИМНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Дарья Валерьевна МИХАЙЛОВА

Прокуратура Калининградской области, Калининград, Россия, darya16v@yandex.ru

Аннотация. В статье освещены основные аспекты виктимности несовершеннолетних, факторы, способствующие виктимизации детей в современных реалиях, акцентируется внимание на новых вызовах, связанных с цифровизацией, глобализацией, изменением социальных норм. Вводится понятие «цифровой виктимности» как новой формы уязвимости, обусловленной активным использованием Интернета и социальных сетей. Проанализированы основные задачи, стоящие перед государством, по защите прав и интересов несовершеннолетних, в том числе с целью профилактики виктимности несовершеннолетних, а также предпринимаемые органами государственной власти меры по решению данной проблемы.

Ключевые слова: несовершеннолетние, виктимность, цифровая виктимность, виктимное поведение, профилактика виктимности несовершеннолетних

Для цитирования: Михайлова Д. В. Проблемные аспекты виктимности несовершеннолетних в современном обществе // КриминалистЪ. 2025. № 2 (51). С. 67 – 74.

Original article

PROBLEMATIC ASPECTS OF JUVENILE VICTIMISATION IN CONTEMPORARY SOCIETY

Дарья V. MIKHAYLOVA

Prosecutor's Office of the Kaliningrad region, Kaliningrad, Russia, darya16v@yandex.ru

Abstract. This article examines key aspects of juvenile victimization, highlighting the factors that contribute to child victimization in contemporary society. It focuses on emerging challenges related to digitalization, globalization, and evolving social norms. The concept of “digital victimization” is introduced as a new form of vulnerability arising from the active use of the Internet and social media. The article analyses the primary tasks facing the state in protecting the rights and interests of minors, including measures to prevent juvenile victimization, and the steps undertaken by public authorities to tackle this issue.

Keywords: minors, victimization, digital victimization, victim behavior, prevention of juvenile victimization

For citation: Mikhaylova D. V. Problematic aspects of juvenile victimization in contemporary society. Criminalist. 2025;2(51):67-74. (In Russ.).

Склонность определенного индивидуума становиться жертвой в современной науке называется виктимностью. Отдельными авторами понятие

виктимности также определяется как неспособность избежать опасности там, где она могла быть предотвращена в силу социально-психологических

© Михайлова Д. В., 2025

свойств личности [1]. Для современного общества наиболее актуальна проблема виктимности несовершеннолетних. Цифровизация, глобализация и трансформация социальных норм в обществе создают дополнительные риски для несовершеннолетних, что требует пересмотра традиционных подходов к изучению и профилактике виктимности. Сегодня преступники все активнее используют защищенные и анонимные средства обмена информацией, они могут находиться за тысячи километров от своей потенциальной жертвы. Детей легко вовлекают в совершение преступлений и иных противоправных действий, а зачастую сами несовершеннолетние становятся объектом противоправных посягательств.

В России за последние несколько лет число несовершеннолетних, признанных потерпевшими в результате совершения преступлений в отношении их, значительно увеличилось [2]. По данным, размещенным в Единой межведомственной информационно-статистической системе (ЕМИСС), с 2020 по 2023 год зафиксирован рост таких преступлений на 8,7 %: с 90,3 тыс. преступлений в 2020 году до 98,8 тыс. в 2023 году¹.

Виктимным является такое поведение, в результате особенностей которого повышается вероятность превращения лица в жертву преступления, обстоятельств или несчастного случая [3]. Выделение критериев виктимности несовершеннолетних традиционно базируется на междисциплинарном подходе и является важным аспектом в психологии, криминологии, педагогике и социальной работе, так как позволяет разработать эффективные меры защиты

детей и подростков от различных форм насилия, эксплуатации и других негативных воздействий. Научное обоснование выделения таких критериев имеет несколько ключевых теоретических и эмпирических подходов.

С точки зрения теоретических основ виктимологии как науки, изучающей характеристики жертв и их поведение, виктимность несовершеннолетних рассматривается как совокупность личностных, социальных, ситуативных и иных факторов, которые делают ребенка уязвимым для негативных воздействий и повышают вероятность стать жертвой. Психология связывает виктимность несовершеннолетних с особенностями их возрастного развития, эмоциональной лабильностью, склонностью к импульсивным поступкам. К социальным факторам, повышающим виктимность несовершеннолетних, относится влияние на детей их окружения, особенно со стороны школы, сверстников, средств массовой информации. Биологические факторы обуславливают уязвимость детей перед негативным воздействием с позиции влияния наследственности, физиологических особенностей развития здоровья ребенка. В. Ш. Курмаева отмечает, что наличие какой-либо психической или физической патологии у ребенка значительно усиливает его виктимизацию. У детей с умственной отсталостью высокий риск виктимизации обусловлен именно их психологическими особенностями, среди которых присутствует недостаточность либо полное отсутствие критического самовосприятия и отношения к ситуации, неспособность осознания цели своих поступков и предвидения их последствий, низкий уровень познавательной активности, волевой регуляции поведения [3]. Виктимность несовершеннолетних связана с повышенной уязвимостью перед манипуляциями со стороны взрослых с криминальными намерениями. К кри-

¹ Число зарегистрированных преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних // Единая межведомственная информационно-статистическая система : сайт. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/60899> (дата обращения: 09.12.2024).

минологическим аспектам виктимности также следует отнести рискованное поведение несовершеннолетних, в том числе участие в опасных играх, употребление психоактивных веществ, ранние половые связи. Потребность подростков в самоутверждении и их стремление к независимости могут приводить к конфликтам со взрослыми и попаданию в опасные ситуации. Отсутствие правовой грамотности в совокупности с недостатком жизненного опыта влечет за собой неспособность распознавать потенциальные угрозы.

Эмпирические исследования подтверждают, что виктимность несовершеннолетних может быть измерена с помощью ряда показателей, таких как частота попадания в опасные ситуации, наличие травматического опыта, уровень социальной адаптации, наличие девиантного поведения.

В качестве методологических подходов к выделению критериев виктимности могут быть использованы вариативные способы исследования. В частности, социологические опросы позволяют изучить семейную и социальную ситуацию, психологическое тестирование способствует выявлению личностных особенностей индивида, его склонности к риску, определению уровня тревожности. С помощью наблюдения возможно проанализировать поведение в различных ситуациях, а статистический анализ позволит выявить корреляцию между факторами риска и виктимностью.

Вместе с тем современное общество ежедневно сталкивается с новыми вызовами, в условиях которых традиционные подходы к изучению и профилактике виктимности несовершеннолетних представляются недостаточными и требуют дополнения. На наш взгляд, традиционные факторы виктимности несовершеннолетних должны быть дополнены современными, к которым следует отнести цифровую виктимность,

глобализационные риски, трансформацию семейных и социальных норм. Такой подход позволит более полно учитывать изменения в обществе и их влияние на уязвимость детей и подростков.

Целесообразным представляется внедрение понятия «цифровая виктимность», под которой понимается новая форма уязвимости, связанная с активным использованием Интернета и социальных сетей. Цифровая виктимность может проявляться в различных формах. Одним из ее проявлений является кибербуллинг — травля в сети «Интернет», которая может привести к тяжелым психологическим последствиям. К иным формам проявления цифровой виктимности относится размещение в сети «Интернет» деструктивного контента, в том числе пропагандирующего насилие, суицид и девиантное поведение, а также онлайн-мошенничество, посредством которого несовершеннолетние могут быть вовлечены в финансовые махинации. Особо опасным является проявление цифровой виктимности через интернет-груминг, или кибергруминг, который представляет собой процесс установления эмоциональной связи и дружеских отношений злоумышленника (далее — грумер) с ребенком или подростком с целью совершения развратных действий, сексуального насилия либо иных форм сексуальной эксплуатации [4].

Необходимо констатировать, что виктимность несовершеннолетних может иметь серьезные негативные последствия для развития ребенка и его будущего, включая ухудшение физического и психического здоровья ребенка, формирование разного рода зависимостей. Решение проблемы виктимности несовершеннолетних требует комплексного подхода, который должен включать в себя совокупность ряда организационно-практических мер предупреждения виктимизации несовершеннолетних.

Значение выделения факторов виктимности выражается в возможности более системно подходить к изучению и профилактике виктимизации несовершеннолетних, выявлять группы риска и в зависимости от этого разрабатывать целевые программы профилактики, оказывать своевременную психологическую и социальную помощь, а также повышать уровень осведомленности несовершеннолетних о потенциальных угрозах.

Говоря о законодательном регулировании с позиции обозначенной проблематики, следует отметить, что в Декларации прав ребенка, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1959 года, особо отмечена нуждаемость детей в специальной охране и заботе, обусловленной именно детской физической и умственной незрелостью. При принятии законов следует исходить из целей наилучшей защиты интересов ребенка, в том числе от всех форм небрежного отношения, жестокости и эксплуатации¹.

В пункте 1 ст. 3, п. 1 ст. 19 Конвенции о правах ребенка, принятой Резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН 20 ноября 1989 года, вступившей в силу для СССР 15 сентября 1990 года (далее — Конвенция), также провозглашается необходимость во всех действиях в отношении детей в первую очередь уделять внимание обеспечению интересов ребенка самым наилучшим образом. Особо отмечено, что этому принципу должна подчиняться деятельность любых учреждений, будь то государственные или частные, судов, административных или законодательных органов. Главной задачей государства в Конвенции определена обязанность принятия законодательных, административных, социаль-

ных и просветительных мер, служащих цели защиты ребенка от всех форм физического или психологического насилия, оскорбления или злоупотребления, грубого обращения или эксплуатации, включая сексуальное злоупотребление, а также защита ребенка от всех форм сексуальной эксплуатации и сексуального совращения².

В нашей стране во исполнение положений данных международных актов и Конституции Российской Федерации провозглашен приоритет защиты прав и интересов детей. Государством принимаются меры по обеспечению безопасности каждого ребенка от неблагоприятных воздействий на его психику, которые могут существенно повлиять на его развитие.

Как отметил Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 13 февраля 2024 года № 241-О, законодатель при регулировании правоотношений обязан учитывать, что до достижения совершеннолетнего возраста дети, по сути, находятся в уязвимом положении, у них отсутствует в полной мере осознанное и волевое поведение, порой они не понимают всю степень опасности тех действий, которые совершаются в их отношении, не могут должным образом противостоять такому воздействию³.

Психика ребенка подвижна, неустойчива, в силу чего дети весьма подвержены внешнему влиянию, легко поддаются

² Конвенция о правах ребенка : одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г. (вступила в силу для СССР 15 сентября 1990 г.) // Сборник международных договоров СССР. М., 1993. Вып. XLVI. С. 986 — 992.

³ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Х. на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 20, примечанием к статье 131 и пунктом «б» части четвертой статьи 132 Уголовного кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 13 февраля 2024 г. № 241-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ Декларация прав ребенка : принята Резолюцией 1386 (XIV) на 841-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН 20 ноября 1959 г. // Международная защита прав и свобод человека : сб. документов. М., 1990. С. 385 — 388.

ся внушению, поэтому формирование личности считается незавершенным до достижения совершеннолетия. По указанным причинам процесс нормальной социализации, становления и созревания личности может быть нарушен под отрицательным воздействием взрослого¹. В этой связи проблема виктимности несовершеннолетних требует внимания и решения на всех уровнях общества — от семьи до государства. Только комплексный подход и совместные усилия могут привести к снижению уровня виктимности несовершеннолетних и созданию условий для их полноценного развития и благополучия.

Важно помнить, что каждый ребенок уникален и нуждается в индивидуальном подходе. Необходимо создавать условия для развития его личности, формирования позитивного самовосприятия и навыков противостояния негативным воздействиям.

Провозглашенные в Декларации прав ребенка 1959 года и Конституции Российской Федерации цели обеспечения защищенного детства, потребность реализации действенной правовой политики в указанной сфере по предотвращению какой-либо дискриминации несовершеннолетних, восстановлению уже нарушенных прав, упрочению основных гарантий прав детей нашли отражение в Федеральном законе от 24 июля 1998 года № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» (ст. 4)².

¹ Там же.

² Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации : Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ : текст с изм. и доп. на 30 нояб. 2024 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; По делу о проверке конституционности пункта 13 части первой статьи 83, абзаца третьего части второй статьи 331 и статьи 351.1 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В. К. Барабаш, А. Н. Бекасова и других и запросом Мурманской областной Думы : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2013 г. № 19-П //

Важным шагом на пути решения проблемы виктимности несовершеннолетних и защиты прав детей стало утверждение Указом Президента Российской Федерации от 17 мая 2023 года № 358 Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года (далее — Стратегия), в которой в качестве основных приоритетов определены защита здоровья детей, их прочих интересов, в том числе защита от опасной информации, распространяемой в сети «Интернет», а также воспитание несовершеннолетних в духе традиционных духовно-нравственных, семейных ценностей³.

Распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2023 года № 3233-р утвержден План мероприятий по реализации Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года (далее — План мероприятий), в рамках которого предусмотрены многочисленные мероприятия в масштабах всей страны по сбережению детей, созданию для них современной безопасной инфраструктуры, формированию условий для активного участия детей, в том числе детей-инвалидов и детей с ограниченными возможностями здоровья, в жизни общества, укреплению института семьи⁴.

Говоря о практическом исполнении на уровне регионов мероприятий Стратегии, следует отметить, что названным

Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 30 (ч. 2). Ст. 4189.

³ О стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года : Указ Президента Российской Федерации от 17 мая 2023 г. № 358 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 21. Ст. 3696.

⁴ Об утверждении Плана мероприятий по реализации Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года : Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2023 г. № 3233-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 49. Ст. 8803.

документом предусмотрен анализ различных статистических данных, исходя из которых фактически должен определяться подлежащий достижению результат. Эти исходные данные, на основании которых планируется формировать оценку безопасности детей, базируются на показателях общей численности детей в Российской Федерации, численности отдельных категорий детей, в частности таких, как дети-инвалиды, дети-сироты и дети, оставшиеся без родительского попечения, дети, погибшие в результате различных дорожно-транспортных происшествий.

Однако в большинстве своем изложенные в Стратегии мероприятия требуют дальнейшей детализации с учетом специфики развития каждого отдельно взятого региона, в том числе на основании сведений о совершенных в отношении детей преступлениях, характеристик потерпевших с точки зрения пола, возраста, рода занятий, социальной группы, поскольку структура преступности может отличаться именно в зависимости от численности населения, расположения региона, особенностей его социально-экономического развития и прочих факторов.

В частности, органам власти каждого из регионов в нашей стране следует изучить присущую именно соответствующему субъекту Российской Федерации статистическую информацию, характеризующую тот или иной показатель Стратегии, определить, какие риски являются наиболее значимыми и распространенными. И именно на основании региональной специфики, анализа оперативной ситуации в регионе должна строиться работа всех органов и учреждений системы профилактики, обеспечивая понятное и четкое разграничение ответственности различных ведомств и служб, слаженность и взаимодействие в обозначенной сфере правоотношений.

Мероприятия по профилактике виктимизации несовершеннолетних должны основываться на результатах исследований в данной сфере. Подобные исследования в нашей стране проводятся [3, 5], но лишь выборочно. Современные реалии свидетельствуют о существующем в обществе запросе на расширение научных изысканий в данной отрасли виктимологических исследований. Например, по мнению П. А. Кабанова, перспективным направлением исследования является формирование частных виктимологических теорий, исследующих виктимизацию не только отдельных групп населения, но и жертв отдельных видов и групп преступлений [6].

Анализ эмпирических данных свидетельствует о таких тенденциях в современном обществе, как распространение кибербуллинга среди детей, вовлечение подростков в деструктивные онлайн-сообщества, низкий уровень цифровой грамотности детей и их родителей, ограничивающий способности к защите в цифровой среде. Вследствие этих тенденций необходимость дополнительных научных исследований в указанной сфере с целью разработки новых подходов к решению обозначенной проблемы является очевидной.

На наш взгляд, для снижения уровня виктимности несовершеннолетних представляется целесообразным реализация следующих мер.

Наиболее актуальным направлением профилактики виктимизации несовершеннолетних в современных реалиях, безусловно, является повышение цифровой грамотности с учетом возрастных особенностей развития детей. Реализация данного направления возможна посредством внедрения в школьную программу уроков по кибербезопасности, медиаграмотности и этике цифрового общения, способствующих освоению детьми навыков самозащиты. Вовлече-

ние детей в различные квесты, игры и симуляторы, посвященные развитию критического мышления, обучению распознаванию фишинга, мошенничества и троллинга, также представляется весьма эффективным способом профилактики цифровой виктимности. Актуальным решением проблемы профилактики цифровой виктимности несовершеннолетних может стать введение в школах должности специалиста по кибербезопасности и защите прав детей.

С целью максимального охвата процесса общения несовершеннолетних в сети «Интернет» следует задействовать потенциал родительских собраний, электронных дневников для обучения родителей настройке родительского контроля, основам цифровой гигиены и способам открытого диалога с детьми о рисках, существующих в сети «Интернет», для разъяснения правил пользования различными электронными ресурсами, способов защиты приватности аккаунтов.

В образовательных учреждениях необходимо продолжить работу по повышению эффективности оказания психологической помощи, следует внедрять методики обучения стратегиям реагирования на агрессию в киберпространстве, создавать школьные службы доверия и разрабатывать мобильные приложения для оперативного обращения за психологической помощью. Психологическая помощь должна оказываться как в индивидуальном порядке в виде консультаций, так и в рамках разнообразных групповых занятий и других форм психологической работы. Повышению эффективности профилактики в этой сфере будет способствовать также совершенствование методологических практик преподавательского состава и активное использование системы медиации в образовательных учреждениях.

На наш взгляд, также представляется целесообразным использование искус-

ственного интеллекта для прогнозирования виктимности в цифровой среде. Возможности искусственного интеллекта позволят анализировать так называемый «цифровой след», поскольку с помощью высоких технологий возможно максимально эффективно выявлять паттерны поведения в социальных сетях на основании данных о частоте упоминания тревожных тем, участия в закрытых группах и пр. Искусственный интеллект способен разрабатывать действенные алгоритмы по выявлению маркеров виктимности, таргетированного контента, усиливающего тревожность.

В качестве выводов и предложений следует констатировать:

решение проблемы виктимности несовершеннолетних должно носить комплексный характер, включать в себя основанный на результатах специальных виктимологических исследований анализ основных причин виктимизации детей, в том числе в цифровой среде;

проблема виктимности несовершеннолетних в современном обществе требует разработки новых подходов, учитывающих как традиционные, так и современные факторы;

необходимо введение понятия «цифровая виктимность» и выделение на этой основе новых факторов виктимности несовершеннолетних, что позволит более полно понять природу этого явления и разработать эффективные меры по его профилактике;

для преодоления возникающих в условиях цифровизации и глобализации новых рисков следует использовать инновационные решения, основанные в том числе на возможностях искусственного интеллекта и новых методиках обучения цифровой безопасности несовершеннолетних и их родителей;

для повышения цифровой грамотности несовершеннолетних требуется внедрение в школьную программу уроков по кибербезопасности, медиаграмотно-

сти и этике цифрового общения, способствующих освоению детьми навыков самозащиты;

введение в школах должности специалиста по кибербезопасности и защите

прав детей будет способствовать повышению качества профилактической работы в образовательных учреждениях.

Список источников

1. Щеголева А. Н., Новикова Е. П. Особенности виктимности несовершеннолетних и пути ее снижения // Вестник Воронежского института МВД России. 2015. № 1. С. 190 – 196.
2. Штурма Я. Опасность и возраст: в России увеличилось число преступлений против детей // Известия iz : сайт. URL: <https://iz.ru/1463589/iana-shturma/opasnost-i-vozrast-v-rossii-velichilos-chislo-prestuplenii-protiv-detei> (дата обращения: 27.11.2024).
3. Курмаева В. Ш. Дисфункциональная семья как фактор виктимного поведения подростков с умственной отсталостью // Концепт : науч-метод. электрон. журн. 2014. Спецвыпуск № S 26. ART 14806. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/disfunktsionalnaya-semya-kak-faktor-viktimnogo-povedeniya-podrostkov-s-umstvennoy-otstalostyu> (дата обращения: 30.11.2024).
4. Мазур А. А. Социально-криминологическое исследование интернет-груминга // Вестник Российского университета кооперации. 2020. № 1 (39). С. 142 – 146.
5. Фортова Л. К. Виктимизация несовершеннолетних как правовое явление // Право и государство: теория и практика. 2007. № 8. С. 136 – 140.
6. Кабанов П. А. Современная криминологическая виктимология: тенденции и некоторые перспективные направления развития // Виктимология. 2017. № 3 (13). С. 5 – 15.

Информация об авторе

Д. В. Михайлова – начальник отдела (на правах управления) по надзору за исполнением законов о несовершеннолетних прокуратуры Калининградской области.

Information about the author

D. V. Mikhaylova – Head of the Department (with the rights of a Directorate) for Supervision of the Execution of Laws on Minors, Prosecutor's Office of the Kaliningrad region.

Научная статья
УДК 343.91

РЕЦИДИВНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В РОССИИ КАК ОДНА ИЗ УГРОЗ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: СОСТОЯНИЕ И ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Елена Анатольевна ПИСАРЕВСКАЯ

*Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия
имени В. М. Лебедева, Санкт-Петербург, Россия, liorev@mail.ru*

Аннотация. В статье обосновывается необходимость использования широкого подхода к пониманию термина «рецидивная преступность» в целях эффективного противодействия ей и устранения угроз национальной безопасности, раскрываются состояние и основные тенденции российской рецидивной преступности в период с 2011 по 2023 год, проводится сравнение с мировыми тенденциями в отношении анализируемого вида преступности. Рассматриваются как негативные тенденции, связанные с увеличением регистрации рецидивных преступлений, так и отдельные позитивные аспекты, которые могут быть выделены в связи с анализом тенденций рецидивной преступности. Автор отмечает, что состояние рецидивной преступности в России характеризуется значительными абсолютными и относительными показателями регистрации преступлений и выявленных преступников без тенденции к снижению на фоне ярко выраженной тенденции к снижению зарегистрированной преступности в целом. Отдельное внимание автор уделяет анализу детерминант рецидивной преступности, отмечая необходимость принятия реальных мер, направленных на уменьшение объема рецидивных преступлений.

Ключевые слова: рецидив, рецидивная преступность, состояние, тенденции, национальная безопасность

Для цитирования: Писаревская Е. А. Рецидивная преступность в России как одна из угроз национальной безопасности: состояние и основные тенденции // КриминалистЪ. 2025. № 2 (51). С. 75 – 79.

Original article

RECURRENT CRIME IN RUSSIA AS A THREAT TO NATIONAL SECURITY: CURRENT STATE AND MAIN TRENDS

Elena A. PISAREVSKAYA

*North-Western branch of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev,
St. Petersburg, Russia, liorev@mail.ru*

Abstract. The article substantiates the need for a broad approach to understanding the term «recurrent crime» to effectively counter it and eliminate threats to national security, reveals the current state and main trends in Russian recurrent crime in the period from 2011 to 2023, and compares it with global trends concerning the analysed type of crime. Both negative trends associated with the increased registration of criminal repeat offences and certain positive aspects that can be identified in connection with the analysis of criminal recidivism trend are considered. The author notes that the state of recurrent crime in Russia is characterized by significant absolute

© Писаревская Е. А., 2025

and relative indicators of registered crimes and identified criminals, with no observable decline, despite a pronounced downward trend in overall registered crime. Special attention is given to the analysis of the determinants of recurrent crime, emphasizing the necessity of implementing practical measures to reduce its prevalence.

Keywords: recidivism, criminal recidivism, condition, trends, national security

For citation: Pisarevskaya E. A. Recurrent crime in Russia as a threat to national security: current state and main trends. *Criminalist*. 2025;2(51):75-79. (In Russ.).

В отечественной криминологии распространен подход к рецидивной преступности как к совокупности преступлений лиц, ранее совершивших преступления, и самих этих лиц на определенной территории за конкретный промежуток времени [1, с. 47]. Стоит отметить, что это довольно широкое понимание рецидива основывается на представлении о нем, сформированном в уголовной статистике, на которую в большинстве своем опираются криминологи при проведении исследований. Уголовная статистика считает лицами, ранее совершавшими преступления, всех лиц, ранее совершавших преступное деяние. Таковыми же они считаются, если за ранее совершенное деяние они привлекались к уголовной ответственности и уголовное дело направлялось в суд либо прекращалось по нереабилитирующим основаниям¹.

Такой подход является обоснованным, поскольку с точки зрения криминологии важен факт повторного совершения преступления лицом после того, как к нему были применены меры уголовно-правового воздействия за предыдущее преступление. Очевид-

но, что примененные меры не возыме-ли должного эффекта, и это необходимо учитывать, в том числе при проведении профилактической работы с данным лицом. Справедливости ради следует отметить, что и в криминологической науке встречаются предложения включать в рецидивную преступность только деяния тех лиц, которые имеют неснятую и непогашенную судимость [1, с. 48]. Однако такой подход представляется неоправданно узким, не отвечающим в полной мере целям криминологических исследований. Следует признать, что в настоящее время мы в большей степени обладаем сведениями о рецидиве лиц, имеющих неснятую и непогашенную судимость.

Прежде чем говорить о состоянии и тенденциях рецидивной преступности в России, отметим, что с конца прошлого столетия во всем мире фиксируется тенденция к снижению зарегистрированной преступности [2, с. 49]. Наше государство в этом смысле не составляет исключения. Причины такого снижения многообразны. Но среди основных, на наш взгляд, можно назвать виртуализацию обычной общеуголовной преступности, а также появление новых высоклатентных видов преступности, например киберпреступности. Именно поэтому тенденцию к снижению зарегистрированной преступности нельзя однозначно оценить как исключительно позитивную.

Возникает вопрос: как же на этом фоне «чувствовала» себя рецидивная преступность? Согласно стати-

¹ О едином учете преступлений : Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков № 399 от 29 декабря 2005 г. : текст с изм. и доп. на 15 окт. 2019 г. Приложение № 3. Инструкция о порядке заполнения и представления учетных документов // ГАРАНТ.РУ : информ.-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/12144358/> (дата обращения: 08.01.2025).

стической информации МВД России, в период с 2011 по 2021 год было зарегистрировано от 533 487 до 688 817 рецидивных преступлений в год, при этом минимальное значение зафиксировано в 2011 году, составив 533 487, а максимальное в 2015 году, составив 688 817 [1, с. 49–50]. Отметим, что речь здесь идет об абсолютных показателях, при анализе которых необходимо учесть, что в указанный период времени снижалось общее число зарегистрированных и расследованных преступлений. Обращение к анализу относительных показателей показывает, что в этот же временной интервал удельный вес рецидивных преступлений в структуре преступности в целом вырос с 22,2 % в 2011 году до 30,8 % в 2021 году, аналогичный показатель в общем числе расследованных преступлений за тот же период возрос с 40,7 % до 60,0 % [2, с. 50].

2022–2023 годы не внесли заметных корректив в обозначенные выше показатели: в 2022 году было зарегистрировано 625 743 рецидивных преступления, их удельный вес в общем числе расследованных преступлений составил 60,4 %, а в общем числе зарегистрированных – 31,9 %. В 2023 году показатель регистрации рецидивных преступлений составил 596 290, их удельный вес в числе расследованных – 59,8 %, а зарегистрированных – 30,6 %¹. Темп прироста по зарегистрированным преступлениям данного вида в 2023 году по отношению к 2011 году составил +11,8 %.

Коррелируют с приведенными показателями рецидивных преступлений статистические сведения о лицах, ранее совершивших преступления, не демонстрируя тенденции к значительному

снижению. Если в 2011 году количество выявленных лиц данной категории составило 401 894, в 2021 году этот показатель равнялся 493 813, в 2022 году – 483 683, в 2023 году – 439 504 [1, с. 51]². Таким образом, несмотря на то что темп снижения по выявленным лицам в 2023 году по отношению к 2022 году составил –9,1 %, в то же время темп прироста по этим лицам в 2023 году по отношению к 2011 году составил +9,4 %. То есть в указанный период времени снижения регистрации по выявленным лицам, ранее совершавшим преступления, не произошло.

Относительные показатели по выявленным лицам данной категории также не внушают оптимизма. Если в 2011 году удельный вес лиц, ранее совершавших преступления, в общем числе выявленных преступников составлял всего 38,6 %, то в 2021 году этот показатель равнялся уже 58,2 %, в 2022 году – 59,1 %, в 2023 году – 58,6 % [1, с. 51]³. Следовательно, с уверенностью можно утверждать, что в последние годы более 50 % лиц, попавших в поле зрения правоохранительных органов, уже имели проблемы с законом, факт которых был подтвержден процессуально. Хорошо это или плохо – вопрос дискуссионный. С одной стороны, высокий уровень рецидива свидетельствует о том, что уголовно-исполнительная система в чем-то не дорабатывает, работа по исправлению преступников не достигает своих целей. С другой стороны, в этой ситуации мы имеем дело с лицами, которые уже попадали в поле зрения правоохранительных органов, они им уже «знакомы» и чисто теоретически можно предположить, что в силу этого их преступную деятельность можно пресечь более оперативно и эффективно. Кроме того, если показатели рецидива не так значительны, а показатели преступности

¹ Состояние преступности в России за январь – декабрь 2022 года. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2023 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 08.01.2025).

² Там же.

³ Там же.

в целом не меняются, это с неизбежностью означает, что каждый год мы получаем все новых и новых преступников, все большее количество лиц втягивается в преступную деятельность. В ситуации с высоким уровнем рецидива мы работаем с уже знакомым нам контингентом. Признаем, что эти аргументы являются достаточно спорными и дискуссионными. Продолжив рассуждать подобным образом, мы можем прийти к выводу о том, что противодействие рецидивной преступности является бесперспективной задачей, поскольку преступников-рецидивистов вообще нельзя исправить.

В «защиту» уголовно-исполнительной системы следует отметить, что государство стремится экономить уголовную репрессию, всего лишь половина лиц, ранее совершавших преступления, — это лица ранее судимые. Так, в 2021 году удельный вес ранее судимых (чья судимость была не снята и не погашена) в общем числе ранее совершавших преступления составил 51,7 %, в 2022 году — 52,1 %, в 2023 году — 53,4 %¹. Очевидно, что многим лицам был предоставлен шанс на исправление без получения судимости, однако фактически 50 % лиц этим шансом не воспользовались, восприняв, например, факт освобождения от уголовной ответственности, как «индულгенцию» и «поощрение» на дальнейшую преступную деятельность, ощутив безнаказанность за содеянное. Таким образом, с одной стороны, факт освобождения от уголовной ответственности можно оценить как позитивный, с другой стороны, мы видим, что без устранения других причин и условий,

способствующих совершению преступлений, экономия уголовной репрессии не срабатывает и не способствует снижению рецидива.

Кроме того, обращает на себя внимание и высокий уровень рецидива среди лиц, имеющих неснятую и непогашенную судимость, — более 50 %, а ведь эти лица «прошли» через учреждения уголовно-исполнительной системы, их попытались исправить и вернуть на путь истинный, однако очевидно, что попытка провалилась.

Согласимся с тем, что на вероятность рецидива влияют несколько детерминант: проблемы, с которыми сталкивался человек до получения судимости, окружающая его социальная среда, а также события, произошедшие во время его заключения или отбывания иного вида наказания. Наиболее влиятельной переменной является способность человека реинтегрироваться в общество: многим недавно освобожденным бывшим заключенным трудно найти работу, воссоединиться с членами семьи и вернуться к повседневной жизни². Если же человек не лишается свободы и остается в своем неблагополучном окружении, то задача «вырвать» его из этого окружения невероятно сложна.

Согласимся с тем, что рецидив затрагивает всех: преступника, его семью, жертву преступления, правоохранительные органы и общество в целом. В результате в обществах с высоким уровнем рецидива, как правило, больше заключенных, что создает большее налоговое бремя для общества³.

Относительно сравнения уровня рецидива в различных странах необходимо отметить, что это довольно сложная задача по следующим причинам:

¹ Состояние преступности в России за январь — декабрь 2021 года. Состояние преступности в России за январь — декабрь 2022 года. Состояние преступности в России за январь — декабрь 2023 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 08.01.2025).

² Recidivism Rates by Country 2024. URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/recidivism-rates-by-country> (дата обращения: 08.01.2025).

³ Там же.

1) во многих странах недостаточно данных о рецидиве, и даже в тех странах, которые отслеживают этот вопрос, понимание рецидива часто отличается;

2) в некоторых странах рецидивом считается только повторное заключение. В других странах о рецидиве говорят на более ранних этапах процесса, например, когда человека повторно осуждают или повторно арестовывают;

3) страны также различаются в том, учитываются ли определенные преступления небольшой тяжести, такие как проступки, штрафы или нарушения правил дорожного движения, при установлении рецидива;

4) различаются сроки последующего наблюдения (период после освобождения из-под стражи). В одной стране для измерения рецидива используется шестимесячный период наблюдения, в другой — два года, а в третьей — пять лет¹.

Уровень рецидива значительно различается по всему миру, но, как указывается, он достигает 50 % и в последние годы не снизился². Таким образом, Россия со своим уровнем рецидивной преступности вполне вписывается в общемировой показатель рецидива.

Подводя итог, следует отметить, что рецидивная преступность в нашем государстве характеризуется значительными абсолютными и относительными показателями регистрации преступлений и выявленных преступников без тенденции к снижению на фоне ярко выраженной тенденции к снижению зарегистрированной преступности в целом. Данный факт актуализирует необходимость детального изучения комплекса детерминант, обуславливающих подобную негативную тенденцию, и принятия реальных мер, направленных на уменьшение объема рецидивных преступлений.

Список источников

1. Филиппова О. В. Особенности предупреждения рецидивной преступности : монография. Москва : Юрлитинформ, 2023. 160 с.
2. Гилинский Я. Криминология постмодерна (неокриминология). Санкт-Петербург : Алетейя, 2021. 136 с.

Информация об авторе

Е. А. Писаревская — доцент кафедры уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

E. A. Pisarevskaya — Associate Professor at the Department of criminal law, North-Western branch of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Candidate of Science (Law), Associate Professor.

¹ Там же.

² Там же.

Научная статья
УДК 341.491

ОТМЕНА СМЕРТНОЙ КАЗНИ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Екатерина Николаевна РАХМАНОВА

*Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия
имени В. М. Лебедева, Санкт-Петербург, Россия, ekaterina.rachmanova@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматриваются современные тенденции сохранения, моратория и отмены смертной казни — самого сурового и необратимого уголовного наказания, которое на протяжении многих десятилетий является дискуссионным вопросом, в том числе о законности, необходимости и эффективности лишения государством человека права на жизнь, даже в случаях, когда наказание назначается за совершение самых тяжких преступлений. Также по-прежнему спорным является вопрос, можно ли считать смертную казнь сдерживающим фактором в борьбе с преступностью. До середины двадцатого столетия смертная казнь применялась практически во всех государствах мира. Но в последние десятилетия наблюдается рост международных, региональных и национальных усилий по отмене смертной казни, что проявляется в принятии государствами разных регионов мира, включая Азию и Африку, законов об отмене смертной казни, о введении моратория на ее применение, а также в сокращении исполнений смертных приговоров.

Ключевые слова: мораторий, отмена смертной казни, наркопреступность, смертная казнь, тяжкие преступления

Для цитирования: Рахманова Е. Н. Отмена смертной казни: состояние и перспективы // КриминалистЪ. 2025. № 2 (51). С. 80 – 86.

Original article

ABOLITION OF THE DEATH PENALTY: STATUS AND PROSPECTS

EKATERINA N. RAKHAMANOVA

*North-Western branch of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev,
St. Petersburg, Russia, ekaterina.rachmanova@gmail.com*

Abstract. The article considers contemporary trends in the retention, moratorium and abolition of the death penalty — the most severe and irreversible criminal punishment, which has been a contentious issue for many decades, including debates on the legality, necessity and effectiveness of the state deprivation of an individual their right to life, even in cases where punishment is imposed for the most serious crimes. The question, whether the death penalty can be considered a deterrent in crime prevention remains controversial. Until the mid-twentieth century, the death penalty was practiced in virtually all countries worldwide. However, in recent decades, there has been an increase in international, regional and national efforts to abolish the death penalty, manifested in the laws abolishing the death penalty by states in different regions of the world, including Asia and Africa, the implementation of moratoriums on its use, and a reduction in the executions of death sentences.

Keywords: moratorium, abolition of the death penalty, drug-related crime, capital punishment, grave crimes

© Рахманова Е. Н., 2025

For citation: Rakhamanova E. N. Abolition of the death penalty: status and prospects. *Criminalist*. 2025;2(51):80-86. (In Russ.).

Отмена смертной казни — одна из немногих областей сферы прав человека, в которой наблюдается постоянный прогресс. 74 % государств мира либо являются аболиционистами (61 %), либо фактически ввели мораторий на применение смертной казни¹.

Смертная казнь относится к наиболее спорным уголовным наказаниям. Движение за отмену смертной казни постепенно охватило весь мир после Второй мировой войны, чему в значительной степени способствовало принятие международных актов о правах человека. При этом первоначально в них отсутствовал прямой запрет на смертную казнь. Так, Всеобщая декларация прав человека 1948 года провозгласила, что «каждый человек имеет право на жизнь» и «никто не должен подвергаться пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство обращению и наказанию» (ст. 3, 5)². В свою очередь, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 года в ст. 2 закрепила право на жизнь, но предусмотрела при этом, что «никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание»³.

¹ Together against the death penalty (ECPM) // Barometer : website. URL: <https://www.ecpm.org/en/barometer/> (дата обращения: 09.01.2025).

² Всеобщая декларация прав человека : принята Резолюцией 217А (III) Генеральной Ассамблеи ООН 10 декабря 1948 г. // Организация Объединенных Наций : сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 09.01.2025).

³ Конвенция о защите прав человека и основных свобод ETS № 005 (Рим, 4 ноября 1950 г.) // Бюллетень международных догово-

Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года явился компромиссом между абстрактным правом на жизнь, сформулированным во Всеобщей декларации прав человека 1948 года, и действительностью. В части 1 ст. 6 Пакта указывается, что «право на жизнь есть неотъемлемое право каждого человека. Это право охраняется законом. Никто не может быть произвольно лишен жизни»⁴. Комитет ООН по правам человека разъяснил в этой связи, «что смертный приговор может быть вынесен только в соответствии с действующим в момент совершения данного преступления законом, который не противоречит положениям Пакта»⁵. Далее, ч. 2 ст. 6 Пакта гласит, что «в странах, которые не отменили смертную казнь, смертные приговоры могут выноситься только за самые тяжкие преступления...», которые согласно Замечаниям общего порядка № 6 (1982 г.), № 14 (1984 г.) и № 36 (2019 г.) должны «толковаться ограничительно и означать только преступления крайней тяжести, связанные с умышленным убийством. Преступления, которые прямо и преднамеренно не приводят к причинению смерти, такие как покушение на убийство, коррупция и другие экономические и политические преступления, вооруженное ограбление, пиратство, похищение, оборот наркотиков и сексуальные преступления, хотя и явля-

ров. 2001. № 3. (Документ прекратил действие в отношении России с 16 марта 2022 г.)

⁴ Международный пакт о гражданских и политических правах : принят Резолюцией 2200 на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН 16 декабря 1966 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291.

⁵ Замечание общего порядка № 6. Статья 6 (Шестнадцатая сессия, 1982 год). URL: <http://hrlibrary.umn.edu/russian/gencomm/Rhrcom6.html> (дата обращения: 09.01.2025).

ются серьезными по своему характеру, никогда не могут служить основанием в рамках статьи 6 для вынесения смертного приговора»¹.

Важными вехами в движении за отмену смертной казни явились Второй факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах², Протокол к Американской конвенции о правах человека об отмене смертной казни³ и Протоколы № 6 и № 13 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, принятые Советом Европы⁴ [1, с. 248], а также Африканская хартия прав человека и народов⁵ и Резолюция о праве на жизнь в Африке 2017 года⁶.

¹ Замечание общего порядка № 36. Статья 6: право на жизнь. Комитет по правам человека, 8 сентября 2020 г. URL: <https://worldcoalition.org/ru/document/> (дата обращения: 09.01.2025).

² Второй факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах, направленный на отмену смертной казни : принят Резолюцией 44/128 на 82-м пленарном заседании 44-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 15 декабря 1989 г. // Международное публичное право : сб. документов. Т. 1. М., 1996. С. 485 – 487

³ Протокол к Американской конвенции о правах человека об отмене смертной казни 1990 г. : принят Генеральной Ассамблеей Организации американских государств 8 июня 1990 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Протокол № 6 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод относительно отмены смертной казни (ETS № 114). (Страсбург, 28 апреля 1983 г.) : в ред. Протокола от 11 мая 1994 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; Протокол № 13 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод об отмене смертной казни при любых обстоятельствах. ETS № 187. г. Вильнюс, 3 мая 2002 г. [Россия не участвует] // Европейский суд по правам человека. Первые решения по жалобам из России : сб. документов. М., 2004, С. 32 – 33.

⁵ Африканская хартия прав человека и народов : принята в рамках Организации африканского единства, 1981 г. // Международные акты о правах человека : сб. документов. Изд. 2-е. М., 2002. С. 887 – 899

⁶ Resolution on the Right to Life in Africa : ACHPR/Res.375(LX)2017. URL: <https://achpr.au.int/en/adopted-resolutions/375-resolution->

В отличие от вышеуказанных документов, Арабская хартия прав человека допускает применение смертной казни, но при соблюдении условий, предусмотренных в ст. 6 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года, а также возможность назначения ее лицам младше восемнадцати лет, если это предусмотрено национальным законодательством (ст. 6, 7)⁷, что является явным нарушением международных стандартов в сфере прав человека, запрещающих назначение смертных приговоров несовершеннолетним в соответствии со ст. 37 Конвенции о правах ребенка 1989 года⁸, которую ратифицировали все арабские государства, кроме Сомали.

Государства по их отношению к смертной казни можно классифицировать на три группы: те, которые сохраняют смертную казнь и выступают за ее продолжение; те, которые не применяют смертную казнь, но сохраняют ее в национальном законодательстве, или фактические аболиционисты; наконец, те, которые полностью отменили смертную казнь, известные как аболиционисты.

В 2023 году было зафиксировано не менее 1 153 казней в 16 странах — на 31 % больше, чем в 2022 году. Общемировой рост был в первую очередь обусловлен увеличением числа казней в Иране (+48 %), на долю которого пришлось 74 % приведенных в исполнение смертных приговоров в мире. В пятерку государств, исполнивших наибольшее количество смертных приговоров, вошли Иран (не менее 853), Саудовская Аравия (не менее 172), Сомали (не менее 153), Египет (не менее 153) и Судан (не менее 153) (дата обращения: 09.01.2025).

⁷ League of Arab States, Arab Charter on Human Rights. May 22, 2004. URL: <http://hrlibrary.umn.edu/instate/loas2005.html> (дата обращения: 09.01.2025).

⁸ Конвенция о правах ребенка : принята Резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН 20 ноября 1989 г. // Организация Объединенных Наций : сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 09.01.2025).

нее 38), США (не менее 24) и Ирак (не менее 16)¹. Но статистические данные не учитывают количество назначенных и исполненных смертных приговоров в Китае, Афганистане, Северной Корее, Палестине, Сирии и Вьетнаме, поскольку данная информация этими странами не публикуется.

Необходимо отметить, что широко распространены смертные казни, применяемые в отношении иностранцев. Так, в 2015 году из 14 казненных в Индонезии человек только двое были гражданами страны; в Саудовской Аравии, государстве с самым высоким уровнем смертных приговоров в мире, 43 % казней приходится на иностранных граждан [2]. Отчасти это является результатом дискриминационной практики, но также и того, что в этих странах иностранцы рассматриваются как угроза национальной безопасности и идентичности [3].

Согласно данным, опубликованным Harm Reduction International, к концу 2023 года в 34 странах было зафиксировано рекордно высокое количество казней за преступления, связанные с наркотиками, — не менее 467. На них пришлось примерно 42 % (почти каждая вторая) всех казней, подтвержденных в мире, — это самый высокий показатель с 2016 года. Из казненных не менее 59 человек принадлежали к группам этнических меньшинств, 13 — иностранные граждане, а 6 — женщины (Иран и Сингапур)². Общим для названных государств является признание наркопреступлений чрезвычайно тяжкими преступлениями, влекущими необходимость сохранения смертной казни за их совершение, что противоречит

международной позиции, отраженной в замечаниях общего порядка к Международному пакту о гражданских и политических правах³, но четко зафиксировано в национальном законодательстве названных стран.

Одним из наиболее последовательных сторонников смертной казни является Сингапур, который до сих пор не является участником Международного пакта о гражданских и политических правах, постоянно голосует против резолюций Генеральной Ассамблеи ООН о моратории на применение смертной казни (с 2007 по 2024 год)⁴.

Смертная казнь в Сингапуре уходит своими корнями в эпоху британской колонизации, в период с 1994 по 1998 год страну называли «столицей казней» из-за второго по величине в мире числа исполненных в ней смертных приговоров [4, с. 134]. В Сингапуре смертная казнь воспринимается как символ, поддерживающий общественный порядок и безопасность страны, а также как средство сдерживания и контроля преступности, подчеркивающее суверенное право государства решать, применять ли это наказание. Тем не менее число исполненных смертных приговоров в Сингапуре значительно уменьшилось по сравнению с 1990-ми годами, и в настоящее время в стране казнят от двух до четырех человек в год [5].

¹ International Executions Around the World. 2023. URL: <https://deathpenaltyinfo.org/policy-issues/international/executions-around-the-world> (дата обращения: 09.01.2025).

² The Death Penalty for Drug Offences: Global Overview 2023 // Harm Reduction International : website. URL: <https://hri.global/wp-content/uploads/2024/03/HRI-GO2023-finalfinal-WEB.pdf> (дата обращения: 09.01.2025).

³ Перечень замечаний общего порядка (общих рекомендаций), принятых международными договорными органами ООН, действующими в сфере защиты прав и свобод человека, и касающихся толкования отдельных положений международных договоров Российской Федерации / Верховный Суд Российской Федерации // ИМП. Центр Международного права : сайт. URL: <https://european-court-help.ru/perechen-zamechanij...> (дата обращения: 09.01.2025).

⁴ Мораторий на применение смертной казни : проект резолюции ГА ООН, 2024. А/С.3/79/L.37/Rev.1 // Организация Объединенных Наций : сайт. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/ltd/n24/346/73/pdf/n2434673.pdf> (дата обращения: 09.01.2025).

В докладе Генерального секретаря ООН, касающемся моратория на применение смертной казни, отмечается, что в 2024 году примерно 170 государств отменили смертную казнь или ввели мораторий на ее применение в законодательстве, или фактически не исполняют смертные приговоры более десяти лет¹.

Нужно признать, что, действительно, смертная казнь все реже назначается и исполняется. Например, последняя казнь в Брунее была зафиксирована в 1957 году, а в Лаосской Народно-Демократической Республике — в 1988 году [6]. В Российской Федерации мораторий на применение смертной казни введен с 16 апреля 1997 года². В Соединенных Штатах Америки губернаторы Калифорнии, Орегона и Пенсильвании официально установили моратории на смертную казнь, а штаты Индиана, Канзас, Кентукки, Монтана, Невада, Северная Каролина, Вайоминг, Луизиана и Юта, несмотря на сохранение смертной казни, не исполняют ее в течение десяти и более лет³. Официально или де-факто мораторий действует и в других странах, например в Южной Корее и Шри-Ланке.

По существу, мораторий — это серьезный шаг страны на пути к отмене смертной казни, поскольку «статус абolicциониста де-факто представляется весьма полезным и надежным показателем будущего поведения и ценной кон-

цепцией оказания помощи в понимании тенденций в отношении смертной казни как в практике, так и в законодательстве»⁴.

Мораторий на смертную казнь представляет собой сложное и многогранное явление. С одной стороны, это может быть шаг к отмене смертной казни, а с другой — к ее восстановлению. Так, в Пакистане в конце 2014 года смертная казнь была возобновлена после восьми лет моратория в связи с захватом школы талибами, когда погибло более 100 человек. В 2015 году было казнено 334 человека, а с 2015 по 2019 год — 508⁵. К концу 2024 года общее число заключенных, приговоренных к смертной казни, в Пакистане составило 6 161 человек, что немного больше по сравнению с 6 039, зарегистрированными в 2023 году [7].

Более 144 стран полностью отменили смертную казнь. Например, Камбоджа сделала это в 1989 году, Непал — в 1997 году, Тимор-Лешти — в 2002 году, Бутан — в 2004 году, Монголия — в 2016 году, Казахстан и Папуа-Новая Гвинея — в 2022 году. В США смертная казнь отменена в двадцати трех штатах⁶.

В настоящее время большинство африканских стран выступают за отмену смертной казни. Руанда отменила смертную казнь в 2007 году, Бурунди и Того — в 2009 году, Габон — в 2010 году, Бенин — в 2012 году, Конго и Мадагаскар

¹ Мораторий на применение смертной казни : доклад Генерального секретаря ООН на Семьдесят девятой сессии Генеральной Ассамблеи ООН, 5 августа 2024. A/79/276 // Организация Объединенных Наций : сайт. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/v15/023/17/pdf/v1502317.pdf> (дата обращения: 09.01.2025).

² История смертной казни в России // ТАСС : офиц. сайт. 26 марта 2014 г. URL: <https://tass.ru/info/20361101> (дата обращения: 09.01.2025).

³ State Summaries // Death Penalty Information Center : website. URL: <https://deathpenaltyinfo.org/curriculum/high-school/state-by-state-data/state-summaries> (дата обращения: 09.01.2025).

⁴ Смертная казнь и применение мер, гарантирующих защиту прав тому, кому грозит смертная казнь : доклад Генерального секретаря ООН на сессии ЭКОСОС 2015 года. E/2015/49 // Организация Объединенных Наций : сайт. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/v15/023/17/pdf/v1502317.pdf> (дата обращения: 09.01.2025).

⁵ Use of capital punishment in Pakistan — World Day Against Death Penalty 2022 // FIDH: International Federation for Human Rights : website. URL: <https://www.fidh.org/en/> (дата обращения: 09.01.2025).

⁶ States With Capital Punishment Unchanged in 2024 // Death Penalty Information Center : website. URL: <https://deathpenaltyinfo.org/executions/executions-overview/states-with-no-recent-executions> (дата обращения: 09.01.2025).

— в 2015 году, Гвинея за общеуголовные преступления — в 2016 году и в 2017 году за военные преступления, Буркина-Фасо — в 2018 году, Чад — в 2020 году, Сьерра-Леоне — в 2021 году, Центральноафриканская Республика, Экваториальная Гвинея и Замбия — в 2022 году¹, Зимбабве — в 2024 году². Большинство африканских стран полностью отменили смертную казнь после более чем десяти лет моратория на ее применение, например Сенегал и Республика Конго. Десять из этих стран внесли изменения в свои конституции, например Мозамбик и Кот-д'Ивуар, а еще десять реформировали уголовные кодексы, включая Сенегал и Того.

С начала XXI века тенденция к отмене смертной казни наблюдается во всех регионах мира. Международное аболиционистское движение, начавшееся в Европе, теперь поддерживается многими политическими системами, религиозными конфессиями и культурами. Смертная казнь практически отменена в Европе и Центральной Азии, она не применяется в странах Африки к югу от Сахары (только Ботсвана, Сомали, Южный Судан и Судан проводили казни в последние несколько лет). Хотя в Карибском бассейне (например, в Трини-

даде и Тобаго) еще выносятся смертные приговоры, лишь Соединенные Штаты Америки приводят их в исполнение. Но даже в США этот показатель значительно снизился за последние годы: в 2023 году только пять штатов провели казни, а семь штатов вынесли новые смертные приговоры, что явилось самым низким показателем за последние двадцать лет³.

Завершая анализ ситуации в мире со смертной казнью, следует отметить, что на глобальном уровне наблюдается стабильное снижение числа стран, сохраняющих эту практику, хотя на региональном уровне, особенно в Азии, она остается.

Смертная казнь являлась одним из самых распространенных наказаний на протяжении всей истории человечества и считалась эффективной мерой предупреждения или сдерживания преступности. Несмотря на то что времена изменились, существует она и в двадцать первом столетии. В краткосрочной перспективе, вероятно, некоторые новые страны будут добавлены в список государств, в которых применяется смертная казнь. Но постепенно, учитывая общую тенденцию отмены смертной казни, их число будет сокращаться.

Список источников

1. Семенов И. С. Международно-правовые и национально-правовые аспекты отмены смертной казни // Московский журнал международного права. 2008. № 3. С. 243 — 261.
2. Hoyle C., Hutton J., Harry L. A disproportionate risk of being executed: Why Pakistani migrants are vulnerable to capital punishment in Saudi Arabia // The British Journal of Criminology. 2023. № 6. P. 1423 — 1440.
3. Hoyle C. Capital punishment at the intersections of discrimination and disadvantage: The plight of foreign nationals // Steiker C. S. & Steiker J. M. (eds) Comparative Capital Punishment. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2019. P. 177 — 200.

¹ Abolition of the Death Penalty in Sub-Saharan Africa. URL: <https://www.fiacat.org/en/our-actions/project-for-the-abolition-of-the-death-penalty-in-sub-Saharan-africa> (дата обращения: 09.01.2025).

² Зимбабве отменила смертную казнь // ТАСС : офиц. сайт. 31 декабря 2024 г. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/22809123> (дата обращения: 09.01.2025).

³ The Death Penalty in 2023: Year End Report // Death Penalty Information Center : website. URL: <https://deathpenaltyinfo.org/research/analysis/reports/year-end-reports/the-death-penalty-in-2023-year-end-report> (дата обращения: 09.01.2025).

4. Yap A., Tan Sh. J. Capital Punishment in Singapore: A Critical Analysis of State Justifications From 2004 to 2018 // International Journal for Crime, Justice and Social Democracy. 2020. № 9 (2). P. 133 – 151.

5. Wing-Cheong Ch., Ser T. Ern, Tsen-Ta L. J. & Braema M. How strong is public support for the death penalty in Singapore? //Asian Journal of Criminology. 2018. V. 13 (2). P. 91 – 107.

6. Petcharamesree S., Boonlong R., Breen D. ASEAN and the Death Penalty: Theoretical and Legal Views and a Pathway to Abolition // Petcharamesree S., Capaldi M.P., Collins A. (eds) Unpacking the Death Penalty in ASEAN. Springer, Singapore, 2023. P. 157 – 177.

7. Death penalty in Pakistan. Data Mapping Capital Punishment. 2024. Justice Project Pakistan. 24 p.

Информация об авторе

Е. Н. Рахманова – заведующий кафедрой уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

E. N. Rakhmanova – Head at the Department of criminal law, North-Western branch of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Doctor of Science (Law), Associate Professor.

Научная статья
УДК 343.3/7

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБОРОННОГО ЗАКАЗА

Игорь Олегович ТКАЧЕВ

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева,
Екатеринбург, Россия, tkachyov@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые проблемы квалификации преступлений, совершаемых в сфере государственного оборонного заказа. Автор приходит к выводу, что составы, введенные Федеральным законом от 24 сентября 2022 года № 365-ФЗ, описывают частные случаи злоупотребления полномочиями (должностными полномочиями). При этом в отдельных случаях включенные в Уголовный кодекс Российской Федерации нормы криминализуют злоупотребления, допускаемые как на стадии размещения государственного оборонного заказа, так и на стадии его выполнения. В связи с этим при уголовно-правовой оценке содеянного между нормами, содержащимися в главах 23 и 30 Уголовного кодекса Российской Федерации, возникают отношения конкуренции как общей и специальной норм, так и нормы-части и нормы-целого. На основании анализа соответствующих норм автором предлагаются варианты разрешения указанных видов конкуренции.

Ключевые слова: государственный оборонный заказ, преступления в сфере государственного оборонного заказа, злоупотребление полномочиями, конкуренция уголовно-правовых норм

Для цитирования: Ткачев И. О. Проблемы квалификации преступлений в сфере государственного оборонного заказа // КриминалистЪ. 2025. № 2 (51). С. 87 – 93.

Original article

ISSUES OF QUALIFYING CRIMES IN THE AREA OF STATE DEFENSE ORDER

Igor O. TKACHEV

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russia, tkachyov@mail.ru

Abstract. The article examines certain issues related to the qualification of crimes committed in the area of state defense order. The author comes to the conclusion that the elements of crimes introduced by Federal Law № 365-FZ of September 24, 2022 describe specific cases of abuse of authority (official powers). Moreover, in certain cases, the provisions incorporated into the Criminal Code of the Russian Federation criminalize those abuses committed both at the stage of placing state defense order and during its execution. Consequently, when conducting a criminal law assessment of such offenses, there is a competition between the norms contained in Chapters 23 and 30 of the Criminal Code of the Russian Federation, this competition involves both general-special and part-whole relationships between the norms. Based on the analysis of the relevant provisions, the author proposes solutions for resolving these types of legal competition.

Keywords: state defense order, crimes in the area of state defense order, abuse of authority, competition of criminal law norms

© Ткачев И. О., 2025

For citation: Tkachev I. O. Issues of qualifying crimes in the area of state defense order. Criminalist. 2025;2(51):87-93. (In Russ.).

Нуждаемость общественных отношений, возникающих при размещении и исполнении государственного оборонного заказа, в уголовно-правовой охране не подлежит сомнению. Такая охрана требуется с учетом текущих геополитических реалий и проведения Российской Федерацией специальной военной операции.

Основными направлениями уголовной политики в сфере уголовно-правовой охраны соответствующих общественных отношений являются:

уточнение уже имеющихся уголовно-правовых запретов, в том числе за счет выделения специальных составов;

криминализация деяний, которые ранее не считались преступными.

Так, вслед за введением Федеральным законом от 29 декабря 2017 года № 469-ФЗ в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) специальных норм, предусматривающих уголовную ответственность за злоупотребление полномочиями (должностными полномочиями) при выполнении государственного оборонного заказа (ст. 201.1 и 285.4 УК РФ), в 2022 году уголовный закон пополнился сразу четырьмя новыми составами, криминализующими частные разновидности нарушений, допускаемых как на стадии заключения контракта по государственному оборонному заказу (договора, необходимого для выполнения государственного оборонного заказа), так и на стадии его исполнения (ст. 202.2, 202.3, 285.5 и 285.6 УК РФ)¹.

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 24 сентября 2022 г. № 365-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации.

Включение в текст уголовного закона новых норм породило ряд вопросов, связанных с определением соотношения описанных в них деяний между собой и с иными деяниями, которые ранее уже были предусмотрены нормами глав 23 и 30 УК РФ, а также с отдельными административными правонарушениями. Кроме того, содержание ряда терминов, использованных при конструировании таких норм, также нуждается в уточнении в целях повышения эффективности применения уголовного закона.

Обратимся прежде всего к правовой позиции, отраженной в абзаце третьем п. 8 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2021 года № 21 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против интересов службы в коммерческих и иных организациях (статьи 201, 201.1, 202, 203 УК РФ)» (далее — Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2021 года № 21)². В соответствии с указанным разъяснением если лицо, осуществляющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, злоупотребляя полномочиями, допустило при выполнении государственного оборонного заказа нарушения, предусмотренные утратившими в настоящее время силу ст. 14.55, 14.55.1 и 14.55.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ)³, но при этом не стре-

URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 15.11.2024).

² Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2021. № 8. С. 26.

³ О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и статью 1 Федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» : Федеральный закон от

милось извлечь выгоды и преимущества для себя или других лиц и (или) совершенное деяние не повлекло причинение существенного вреда охраняемым законом интересам общества либо государства, то данные деяния не образуют состава преступления, предусмотренного ст. 201.1 УК РФ. Несмотря на то что в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 года № 19¹ подобные разъяснения не содержатся, думается, что их вполне можно применять по аналогии и при отграничении от названных административных правонарушений состава ст. 285.4 УК РФ.

Таким образом, согласно позиции Верховного Суда Российской Федерации, основными разграничительными признаками выступают последствия в виде существенного вреда охраняемым законом интересам общества или государства, а также такие факультативные признаки субъективной стороны, как цель (ст. 201.1 УК РФ) и мотив (ст. 285.4 УК РФ) действий виновного.

Однако нельзя не обратить внимание на еще одно значение, которое имеет вышеприведенное разъяснение. Согласно позиции Верховного Суда Российской Федерации, составы административных правонарушений, квалифицируемых с 1 марта 2025 года по ст. 7.30.3 КоАП РФ, и состав ст. 201.1 УК РФ (а значит, и состав ст. 285.4 УК РФ) являются смежными. То есть совершение деяний, описанных в нормах ст. 7.30.3 КоАП РФ, представляет собой такое же злоупотре-

бление полномочиями со стороны должностного лица или лица с управленческими функциями². В противном случае необходимость в их отграничении от уголовно наказуемых видов злоупотребления полномочиями отсутствовала бы.

Таким образом, поскольку деяние, предусмотренное чч. 5–7 ст. 7.30.3 КоАП РФ (нарушение условий государственного контракта по государственному оборонному заказу), является разновидностью злоупотребления полномочиями (должностными полномочиями), то, очевидно, к еще одной разновидности злоупотребления следует относить такое нарушение условий государственного контракта по государственному оборонному заказу, ответственность за которое предусмотрена ст. 201.2 и 285.5 УК РФ.

По всей видимости, с точки зрения законодателя данная разновидность злоупотребления полномочиями представляет повышенную общественную опасность. Именно поэтому ответственность наступает и при отсутствии последствий, описанных в ст. 201.1 и 285.4 УК РФ. Достаточно, чтобы лицо, допустившее нарушение, было ранее подвергнуто административному наказанию по чч. 5, 6 или 7 ст. 7.30.3 КоАП РФ³.

Однако в ч. 2 ст. 201.2 и ч. 2 ст. 285.5 УК РФ установлена ответственность за такое нарушение условий государственного контракта по государственному

28 декабря 2024 г. № 500-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 03.04.2025).

¹ О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19: текст с изм. и доп. на 11 июня 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Стоит отметить, что выделение данных видов специальных субъектов исходя из содержания и места выполнения функций характерно именно для уголовного права. В административно-деликтном законодательстве (ст. 2.4 КоАП РФ) данные категории обозначаются обобщенным термином «должностное лицо».

³ Согласно диспозиции ст. 201.2 УК РФ административную преюдицию образует состояние административной наказанности только по ч. 6 или 7 ст. 7.30.3 КоАП РФ, что объясняется тем, что субъектом административного правонарушения, предусмотренного ч. 5 ст. 7.30.3 КоАП РФ, не может выступать лицо с управленческими функциями, определение которого дано в примечании 1 к ст. 201 УК РФ.

оборонному заказу либо условий договора, заключенного в целях выполнения государственного оборонного заказа, которое повлекло наступление материальных последствий в виде причинения Российской Федерации ущерба в сумме, составляющей не менее пяти процентов цены нарушенного государственного контракта либо договора, но не менее пяти миллионов рублей, или невыполнение задания государственного оборонного заказа.

Есть все основания утверждать, что соответствующее последствие представляет собой разновидность существенного нарушения охраняемых законом интересов общества или государства при выполнении государственного оборонного заказа. Так, согласно п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2021 года № 21 под указанным вредом понимаются в том числе значительные расходы, связанные с устранением дефектов, допущенных исполнителем государственного оборонного заказа при выполнении строительных, ремонтных или иных работ либо при изготовлении и поставке продукции низкого качества.

Таким образом, нормы ст. 201.1 и ч. 2 ст. 201.2, ст. 285.4 и ч. 2 ст. 285.5 УК РФ находятся в отношении конкуренции общей и специальной норм как по признаку деяния, так и по признаку последствий. Соответственно, при наступлении последствий, предусмотренных специальной нормой, допущенное злоупотребление, выразившееся в нарушении условий государственного контракта, квалифицируется по ч. 2 ст. 201.2 или ч. 2 ст. 285.5 УК РФ соответственно с учетом признаков субъекта. Однако если нарушение условий такого контракта привело к иному существенному нарушению охраняемых законом интересов общества или государства при выполнении государственного оборонного заказа, есть все основания для уголовно-пра-

вовой оценки содеянного по ст. 201.1 или 285.4 УК РФ.

Обращает на себя внимание также то обстоятельство, что нормы ст. 201.1 и 285.4 УК РФ устанавливают ответственность только за такие злоупотребления, которые были допущены на стадии выполнения государственного оборонного заказа. Согласно ст. 1 Федерального закона от 29 декабря 2012 года № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе»¹ указанный нормативно-правовой акт устанавливает правовые основы государственного регулирования отношений, связанных с формированием, особенностями размещения, выполнения государственного оборонного заказа и государственного контроля (надзора) в сфере государственного оборонного заказа, определяет основные принципы и методы государственного регулирования цен на товары, работы, услуги по государственному оборонному заказу.

Таким образом, из системного толкования норм действующего законодательства следует, что выполнение государственного оборонного заказа представляет собой лишь одну из стадий, которую в своем поступательном развитии проходят отношения в сфере государственного оборонного заказа. Другими стадиями являются формирование государственного оборонного заказа коллегией Военно-промышленной комиссии Российской Федерации, утверждение государственного оборонного заказа Правительством Российской Федерации, а также размещение государственного оборонного заказа. И только после того, как заказ уже размещен в соответствии с требованиями ст. 6 Федерального закона от 29 декабря 2012 года № 275-ФЗ «О государственном обо-

¹ О государственном оборонном заказе : Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ : текст с изм. и доп. на 28 дек. 2024 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> / (дата обращения: 15.11.2024).

ронном заказе», начинается реализация правоотношений по его выполнению.

Соответственно, злоупотребления, допущенные на стадии формирования, утверждения и размещения государственного оборонного заказа, не могут быть квалифицированы по нормам ст. 201.1 и 285.4 УК РФ. При наступлении предусмотренных диспозициями соответствующих норм последствий такие злоупотребления могут быть квалифицированы по ст. 201 или 285 УК РФ.

Напротив, ст. 201.3 и 285.6 УК РФ содержат описание деяний, совершаемых как на стадии размещения государственного оборонного заказа (в случае, если лицо отказывается или уклоняется от заключения государственного контракта по государственному оборонному заказу), так и на стадии выполнения государственного оборонного заказа (в случае, если лицо отказывается или уклоняется от заключения договора, необходимого для выполнения государственного оборонного заказа). Такие деяния также являются разновидностью злоупотребления полномочиями, поскольку отвечают всем его признакам: отказываясь или уклоняясь от заключения государственного контракта или договора, лицо 1) использует имеющиеся у него служебные полномочия и 2) действует вопреки интересам службы (законным интересам организации)¹.

При этом в литературе уже обращалось внимание на рассогласованность норм Федерального закона от 29 декабря 2012 года № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе» и призванных обе-

спечивать их правовую охрану положений Уголовного кодекса Российской Федерации [1; 2]. Так, позитивное законодательство не оперирует таким термином, как «договор, необходимый для выполнения государственного оборонного заказа». Вместо него закон о государственном оборонном заказе использует категорию «контракт», под которым понимается договор, заключенный в письменной форме головным исполнителем с исполнителем или между исполнителями на поставки продукции, необходимой головному исполнителю, исполнителю для выполнения государственного оборонного заказа, и предусматривающий в том числе обязательства сторон и их ответственность (п. 7 ст. 3 Федерального закона от 29 декабря 2012 года № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе»). В связи с этим представляется, что термин «договор, необходимый для выполнения государственного оборонного заказа», следует использовать именно в указанном выше значении².

При конструировании норм ст. 201.3 и 285.6 УК РФ законодатель пошел по пути использования административной преюдиции, которую образует факт административной наказанности лица за деяние, предусмотренное ч. 2 или 3 ст. 7.30.3 КоАП РФ. При наличии такой преюдиции факт наступления каких-либо последствий не имеет правового значения, так как соответствующие составы сформулированы как формальные.

Вместе с тем, если в результате отказа или уклонения от заключения договора, необходимого для выполнения уже

¹ Об этом, по нашему мнению, свидетельствует тот факт, что для привлечения к ответственности по ст. 201.3 или 285.6 УК РФ требуется, чтобы заключение государственного контракта или договора было для соответствующего лица обязательным. Соответственно, отказ или уклонение от заключения обязательного контракта или договора не могут быть продиктованы интересами службы или законными интересами коммерческой или иной организации.

² Отмеченная рассогласованность имела место и в КоАП РФ, но была устранена Федеральным законом от 28 декабря 2024 года № 500-ФЗ. Однако принятый в тот же день Федеральный закон от 28 декабря 2024 года № 501-ФЗ, которым были внесены изменения в анализируемые нормы глав 23 и 30 УК РФ, некорректное употребление термина в уголовном законе не устранил.

размещенного в соответствии с законом государственного оборонного заказа, наступают последствия, предусмотренные ст. 201.1 или 285.4 УК РФ, содеянное в силу конкуренции части и целого должно квалифицироваться по нормам, предусматривающим ответственность за допущенные злоупотребления полномочиями с учетом наступивших последствий.

Более сложным является вопрос о квалификации отказа или уклонения от заключения государственного контракта на стадии его размещения, если соответствующее деяние повлекло за собой наступление последствий в виде существенного нарушения охраняемых законом интересов общества или государства. Как отмечалось выше, нормы ст. 201.1 и 285.4 УК РФ в данной ситуации неприменимы, а общие нормы ст. 201 и 285 УК РФ предусматривают гораздо менее строгое наказание. В связи с этим в данном случае мы имеем дело с конкуренцией части (ст. 201.3, 285.6 УК РФ) и целого (ст. 201, 285 УК РФ), когда норма-часть предусматривает более строгое наказание. Соответственно, содеянное должно квалифицироваться по совокупности преступлений. Аналогичный подход используется при квалификации насильственных преступлений [3, с. 12; 4, с. 113, 117–118].

Изложенное позволяет сформулировать следующие выводы относительно квалификации преступлений, совершаемых в сфере государственного оборонного заказа.

1. Если злоупотребление выразилось в отказе или уклонении от заключения государственного контракта по государственному оборонному заказу на стадии его размещения:

и повлекло наступление последствий в виде существенного вреда (нарушения) охраняемым законом интересам общества или государства при выполнении государственного оборонного заказа, содеянное квалифицируется по со-

вокупности ст. 201 и ст. 201.3 УК РФ или совокупности ст. 285 и ст. 285.6 УК РФ;

не повлекло наступления последствий:

а) совершено лицом, ранее привлеченным к административной ответственности по ч. 2 или 3 ст. 7.30.3 КоАП РФ, — ст. 201.3, 285.6 УК РФ;

б) совершено иным лицом, — не является уголовно наказуемым (влечет административную ответственность).

2. Если злоупотребление выразилось в отказе или уклонении от заключения договора, необходимого для выполнения уже размещенного государственного оборонного заказа:

и повлекло наступление последствий в виде существенного вреда (нарушения) охраняемым законом интересам общества или государства при выполнении государственного оборонного заказа, — ст. 201.1, 285.4 УК РФ;

не повлекло наступления последствий:

а) совершено лицом, ранее привлеченным к административной ответственности по ч. 2 или 3 ст. 7.30.3 КоАП РФ, — ст. 201.3, 285.6 УК РФ;

б) совершено иным лицом, — не является уголовно наказуемым (влечет административную ответственность).

3. Если злоупотребление полномочиями выразилось в нарушении указанных в чч. 5–7 ст. 7.30.3 КоАП РФ условий государственного контракта по государственному оборонному заказу (договора, заключенного в целях выполнения государственного оборонного заказа):

и повлекло наступление последствий в виде причинения Российской Федерации имущественного ущерба в сумме, составляющей не менее пяти процентов цены таких государственного контракта либо договора, но не менее пяти миллионов рублей, или невыполнения задания государственного оборонного заказа, — ч. 2 ст. 201.2 или ч. 2 ст. 285.5 УК РФ;

повлекло наступление иных последствий в виде существенного вреда (нару-

нения) охраняемым законом интересам общества или государства при выполнении государственного оборонного заказа, — ст. 201.1 или 285.4 УК РФ;

не повлекло наступления последствий:

а) совершено лицом, ранее привлеченным к административной ответственности по чч. 5—7 ст. 7.30.3 КоАП РФ, — ч. 1 ст. 201.2, ст. 285.5 УК РФ;

б) совершено иным лицом, — не является уголовно наказуемым.

4. Если злоупотребление выразилось в иных действиях (бездействии):

и повлекло наступление последствий в виде существенного вреда (наруше-

ния) охраняемым законом интересам общества или государства либо тяжких последствий при выполнении государственного оборонного заказа, — ст. 201.1, 285.4 УК РФ;

повлекло наступление последствий в виде существенного нарушения прав и законных интересов граждан или организаций либо иных (не связанных с выполнением государственного оборонного заказа) охраняемых законом интересов общества или государства, — ст. 201, 285 УК РФ;

не повлекло наступления последствий, — не является уголовно наказуемым.

Список источников

1. Антонов Ю. О необходимости сравнения санкций ст. 318 и статей гл. 16 УК РФ в случае применения насилия в отношении представителя власти // Уголовное право. 2014. № 5. С. 10—13.
2. Коновалов В. А. Новеллы уголовной ответственности за нарушение условий контрактных обязательств в сфере государственного оборонного заказа // Законность. 2023. № 1. С. 45—47.
3. Шарапов Р. Д. Актуальные вопросы квалификации насильственных преступлений // Уголовное право. 2015. № 1. С. 112—124.
4. Яни П. С. Проблемы квалификации преступлений в сфере гособоронзаказа // Законность. 2023. № 9. С. 44—49; № 10. С. 11—15.

Информация об авторе

И. О. Ткачев — доцент кафедры уголовного права имени М. И. Ковалева Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

I. O. Tkachev — Associate Professor at the Department of criminal law named after M. I. Kovalev, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Научная статья
УДК 343.3/7

ОТГРАНИЧЕНИЕ ПРОДОЛЖАЕМОГО СБЫТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ОТ СОВОКУПНОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ДОКТРИНА И ПРАКТИКА

Владислав Федорович ЩЕПЕЛЬКОВ¹, Александр Андреевич ПАВЛОВ²

^{1,2} Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

¹ volga0@yandex.ru

² st087193@student.spbu.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема отграничения продолжаемого сбыта наркотических средств от совокупности преступлений в теории уголовного права и судебной практике. В ходе исследования установлено, что подход Верховного Суда Российской Федерации к разрешению названной проблемы за последние годы существенно изменился. Вследствие этого изменилась и практика нижестоящих судов. Между тем сложившуюся судебную практику нельзя назвать единообразной. В доктрине некоторые вопросы квалификации продолжаемых преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств остаются по-прежнему дискуссионными. В статье проанализированы преимущества и недостатки основных позиций. На основе сравнения базисных соображений относительно характера и степени общественной опасности различных ситуаций, складывающихся при сбыте наркотиков, с опорой на решения Верховного Суда Российской Федерации сформулированы правила квалификации поэтапного сбыта наркотиков.

Ключевые слова: квалификация преступлений, незаконный оборот наркотических средств, сбыт наркотических средств, продолжаемое преступление

Для цитирования: Щепельков В. Ф., Павлов А. А. Отграничение продолжаемого сбыта наркотических средств от совокупности преступлений: доктрина и практика // КриминалистЪ. 2025. № 2 (51). С. 94 – 102.

Original article

DELINEATION OF CONTINUED TRAFFICKING OF NARCOTIC DRUGS FROM A SET OF CRIMES: DOCTRINE AND PRACTICE

Vladislav F. SHCHEPELKOV¹, Alexander A. PAVLOV²

^{1,2} St. Petersburg State University, St. Peterburg, Russia

¹ volga0@yandex.ru

² st087193@student.spbu.ru

Abstract. This article examines the problem of delineating continued trafficking of narcotic drugs from a set of crimes within the theory of criminal law and judicial practice. The research reveals that the approach of the Supreme Court of the Russian Federation to resolve this issue has changed significantly in recent years, which has, in turn, influenced the practice of lower courts. However, the current judicial practice cannot be characterized as uniform. In the doctrinal literature, several issues concerning the qualification of continuous offenses in the area of illicit

© Щепельков В. Ф., Павлов А. А., 2025

drug trafficking remain contentious. The article analyses the merits and drawbacks of principal positions on this issue. By comparing the fundamental considerations regarding the nature and degree of public danger associated with various situations arising in narcotics trafficking — and with reference to the decisions of the Supreme Court of the Russian Federation — the authors have formulated guidelines for qualifying staged narcotics trafficking.

Keywords: qualification of crimes, illegal drug trafficking, drug distribution, continuous crime

For citation: Shchepelkov V. F., Pavlov A. A. Delineation of continued trafficking of narcotic drugs from a set of crimes: doctrine and practice. *Criminalist*. 2025;2(51):94-102. (In Russ.).

В 2024 году в Российской Федерации количество зарегистрированных преступлений в виде сбыта наркотиков увеличилось по сравнению с 2023 годом на 7 % и составило 134 998 преступлений¹. При этом, как показывают мониторинги практики применения ст. 228.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), большая часть указанных преступлений сопряжена с поэтапным сбытом наркотических средств одному или разным лицам посредством закладок в тайниках. Данное обстоятельство порождает известную проблему уголовно-правовой оценки нескольких эпизодов сбыта наркотиков, когда надо решить, совершено одно продолжаемое преступление или совокупность преступлений.

За последние годы существенно изменился подход Верховного Суда Российской Федерации к решению проблемы квалификации многоэтапного сбыта наркотических средств.

Преимущественно до середины 2022 года в судебной практике и доктрине уголовного права доминирующей была позиция, согласно которой сбыт единой партии наркотических средств тождественными действиями, если лицо преследовало цель сбыть всю партию, оценивался как единое продолжаемое преступление. В своеобразном виде это было отражено в первоначальной редак-

ции п. 13 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 года № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» (далее — Постановление № 14)². В частности, было предусмотрено, что когда лицо, имея умысел на сбыт наркотических средств в крупном или особо крупном размере, совершило такие действия в несколько приемов, реализовав лишь часть имеющихся у него указанных средств, не образующую крупный или особо крупный размер, все содеянное им подлежит квалификации по ч. 3 ст. 30 УК РФ и соответствующей части ст. 228.1 УК РФ. При этом количество приобретателей, способ сбыта (контактный, дистанционный), размер наркотика по отдельным эпизодам значения не имели [1, с. 108; 2, с. 100; 3, с. 98].

Приведенное разъяснение было исключено в связи с принятием постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2015 года № 30 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 года № 14 „О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нар-

¹ Состояние преступности за январь — декабрь 2024 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328/> (дата обращения: 21.02.2025).

² О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14 : текст с изм. и доп. на 16 мая 2017 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

котическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами»». Тем не менее Верховный Суд Российской Федерации продолжал следовать приведенному правилу. В ряде судебных решений констатировалось, что если виновный имеет умысел на сбыт всего имеющегося у него наркотического средства и в целях его последующего сбыта совершает такие действия в несколько приемов, содеянное не образует совокупности преступлений¹. Нижестоящие суды также в основном разделяли данную точку зрения².

При этом основными признаками продолжаемого сбыта наркотических средств назывались: 1) единство партии наркотических средств. Если поэтапный сбыт осуществлялся в отношении наркотических средств, принадлежащих к разным партиям, такие действия не оценивались как продолжаемое преступление³; 2) тождественность действий (со-

вершены одним способом); 3) единство места и времени (совершены в одном населенном пункте, с незначительным разрывом во времени). Не признавался продолжаемым сбыт, совершенный в разных городах или с существенным разрывом во времени; 4) единство преступного умысла.

В то же время в доктрине высказывалось и иное суждение. Предлагалось оценивать содеянное как совокупность преступлений по количеству приобретателей, с которыми достигнута договоренность о сбыте. По мнению В. Н. Шиханова, для признания деяния сбытом необходимо не только выполнение всех действий по передаче наркотического средства, но и один конкретный адресат — лицо (или группа лиц), с которым достигнута договоренность о приобретении им у сбытчика данного средства или вещества [4, с. 45]. Обосновывалось это требование интерпретацией понятий «сбыт» и «объективная сторона сбыта», отраженной в действующей редакции п. 13 Постановления № 14, где под сбытом понимается незаконная деятельность лица, направленная на их возмездную либо безвозмездную реализацию (продажа, дарение, обмен, уплата долга, дача взаймы и т. д.) другому лицу. Изложенный подход поддерживается и Е. В. Хромовым, который утверждает, что не должен влиять на квалификацию содеянного способ формирования соучастниками преступления оптовых партий наркотических средств (количество партий, размер каждой из них) [5, с. 46]. Иными словами, ученые усматривают самостоятельный умысел на совершение преступления при осуществлении криминальной сделки с конкретным приобретателем.

Подобная оценка деяния находит отражение в судебной практике. Так, по одному из дел суд кассационной инстанции № 1-526/2020. (Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

¹ Определения Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2020 г. по делу № 5-УДП20-100-К2, от 11 марта 2021 г. по делу № 5-УД21-16-К2, от 1 июля 2021 г. по делу № 25-УД21-12-К4, от 2 августа 2022 г. по делу № 25-УД22-16-К4. (Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

² Приговор Петрозаводского городского суда от 16 октября 2020 г. по делу № 1-845/2020 г., Приговор Красноярского городского суда от 30 июля 2020 г. по делу № 1-349/2020, Приговор Ленинского районного суда г. Ульяновска от 30 июля 2020 г. по делу № 1-200/2020, Приговор Чкаловского районного суда г. Екатеринбурга от 30 июля 2020 г. по делу № 1-627/2019, Приговор Советского районного суда г. Волгограда от 28 июля 2020 г. по делу № 1-72/2020, Приговор Лабинского городского суда от 24 июля 2020 г. по делу № 1-75/2020, Приговор Октябрьского районного суда г. Тамбова от 17 июля 2020 г. по делу № 1-168/2020 и др. (Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

³ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 1 июля 2021 г. по делу № 25-УД21-12-К4, Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 8 декабря 2021 г. по делу № 77-4274/2021, Определение Верховного Суда Российской Федерации от 26 июля 2016 г. по делу № 5-УД16-61, Приговор Орджоникидзевского районного суда г. Магнитогорска от 27 июля 2020 г. по делу

ции не согласился с доводами стороны защиты о наличии в действиях обвиняемого признаков продолжаемого сбыта на основании того, что виновное лицо сбыло по частям наркотические средства из одной партии по договоренности с двумя конкретными приобретателями, продолжая хранить оставшуюся часть наркотических средств для дальнейшего сбыта. Действия виновного были квалифицированы как три преступления — два оконченных сбыта наркотиков двум приобретателям и покушение на сбыт в оставшейся части наркотических средств. Решающим фактором для квалификации содеянного стала установленная договоренность на сбыт наркотических средств двум разным приобретателям¹. Примерно с середины 2022 года именно этой позиции в основном придерживаются суды кассационной инстанции².

¹ Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 24 ноября 2022 г. по делу № 7-6163/2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 18 апреля 2023 г. по делу № 77-1105/2023г, Апелляционное определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 3 августа 2022 г. по делу № 55-1068/2022, Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 21 мая 2024 г. по делу № 77-999/2024, Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 3 октября 2024 г. по делу № 77-2181/2024, Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 10 сентября 2024 г. по делу № 7у-5390/2024, 77-2190/2024, Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 18 апреля 2023 г. по делу № 77-1270/2023, Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 10 декабря 2024 г. по делу № 77-3468/2024, Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 28 марта 2024 г. по делу № 77-758/2024, Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 4 июля 2024 г. по делу № 77-1443/2024, Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 22 августа 2023 г. по делу № 77-2532/2023 и др.

Изменение подхода в судебной практике принято связывать с рядом «практикообразующих» решений Верховного Суда Российской Федерации. Одним из них стало решение по делу «Б.». Фабула уголовного дела состояла в следующем. Б. с целью сбыта изготовил наркотическое средство марихуану. Часть имеющегося наркотического средства массой 5,72 г сбыл И., а оставшуюся часть хранил при себе и по месту жительства. Суды первой и апелляционной инстанций квалифицировали действия Б. по ч. 1 ст. 228.1, ч. 3 ст. 30 и п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ. Седьмой кассационный суд приговор отменил, квалифицировав содеянное как единое продолжаемое преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ.

Отменяя кассационное определение, Верховный Суд Российской Федерации указал, что «действия Б. предполагали в каждом конкретном случае самостоятельное разрешение вопросов, связанных со сбытом хранившегося у него с этой целью наркотического средства конкретным покупателям после очередной договоренности с ними» (Определение Верховного Суда Российской Федерации от 27 мая 2021 года по делу № 44-УДП21-14-К7). Аналогично было разрешено дело «А.» (Определение Верховного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2021 года по делу № 15-УДП21-12-К1). Окончательное же закрепление новой позиции правоприменителя произошло с утверждением Верховным Судом Российской Федерации в 2024 году Обзора судебной практики по делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26 июня 2024 года). Как разъясняется в п. 10 данного документа, «действия, ко-

(Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

торые были направлены на сбыт наркотических средств нескольким потенциальным приобретателям и выражались в расфасовке наркотических средств и размещении их в разных тайниках-закладках, следует рассматривать применительно к каждой закладке как отдельное преступление с самостоятельным конкретизированным умыслом, а в целом такие действия — как совокупность преступлений, предусмотренных ст. 228.1 УК РФ».

Как видно из судебных решений, подход к определению критериев продолжаемого преступления применительно к ст. 228.1 УК РФ существенно изменился. Это способствовало возрождению научной дискуссии среди теоретиков и практиков. Оценивать ли такую деятельность как единое продолжаемое преступление или как совокупность преступлений?

И новая позиция Верховного Суда Российской Федерации и предыдущая имеют ряд преимуществ и недостатков. Предлагаемые правила квалификации в отдельных случаях приводят к тому, что нарушается общая логика дифференциации уголовной ответственности и, соответственно, принцип справедливости: более опасные преступления могут наказываться мягче, чем менее опасные.

Так, квалификация нескольких эпизодов сбыта наркотиков разным потребителям как продолжаемого преступления только на основании наличия единого умысла на сбыт всей партии наркотиков не учитывает, что степень общественной опасности преступления определяется и количеством лиц, которым сбываются наркотики. Во многих случаях это приводит к уравниванию в части возможного наказания ситуаций сбыта наркотиков одному покупателю и сбыта наркотиков нескольким покупателям. Тогда как степень общественной опасности обеспечения возможности немедицинского потребления наркотиков кратно выше в ситуации их сбыта

нескольким потребителям. Именно этим прежде всего и продиктовано стремление квалифицировать несколько эпизодов сбыта по совокупности преступлений. Данная квалификация позволяет назначить более строгое наказание. Верховный Суд Российской Федерации, квалифицируя производство нескольких закладок по совокупности преступлений, в Определении от 2 апреля 2024 года по делу № 10УДП24-3-К6 указал, что количество закладок определяет масштабность преступного вовлечения разных потребителей в немедицинское потребление наркотиков.

С другой стороны, квалификация содеянного по совокупности преступлений только на основании наличия нескольких сделок с разными покупателями без учета суммарного размера сбытого наркотика иногда игнорирует ключевой дифференцирующий признак — значительный, крупный, особо крупный размер. Это приводит к тому, что сбыт наркотиков в крупном (особо крупном) размере разным приобретателям даже с учетом правил, предусмотренных ст. 69 УК РФ, будет наказываться менее строго по сравнению со случаем, когда весь наркотик в указанном размере сбывается одному потребителю. Например, такая ситуация возникает в случае сбыта партии наркотических средств в особо крупном размере разным приобретателям по частям, каждая из которых соответствует крупному размеру. А это нарушает предусмотренную законом логику дифференциации уголовной ответственности. Именно этим и было обусловлено изначально разъяснение Пленума Верховного Суда Российской Федерации в п. 13 Постановления № 14. И более того, данное разъяснение соответствует доминирующей позиции по оценке продолжаемых преступлений в доктрине уголовного права.

Попытка сформулировать приемлемые критерии разграничения продолжаемого сбыта наркотиков и совокупности преступлений была предпринята в информационном письме Генеральной прокуратуры Российской Федерации. В ситуации, когда договоренности с приобретателями наркотиков еще не достигнуты, но виновным с единым преступным умыслом, с незначительными разрывами во времени, в одном месте (населенном пункте) делается несколько закладок, содеянное должно получить правовую оценку как единое продолжаемое преступление исходя из всего объема наркотиков, который стремится сбыть лицо. Если же органы предварительного расследования обладают информацией о конкретных приобретателях наркотических средств либо в ходе оперативных мероприятий или процессуальных действий получены данные, указывающие на наличие сформированного намерения лица осуществить передачу наркотических средств другим определенным лицам, то с учетом иных обстоятельств дела такие действия возможно квалифицировать как совокупность преступлений. В доктрине сходную позицию занимает Д. А. Гарбатович [6, с. 16].

В основу приведенной рекомендации положен признак наличия (отсутствия) конкретных приобретателей. Если их несколько и они определены, то сбыт наркотиков (оконченный или неоконченный) предлагается квалифицировать по совокупности преступлений (по числу покупателей). Если же приобретатель один или даже потенциально их несколько, но они еще не определены, то следует вменять продолжаемое преступление.

Между тем согласно складывающейся в настоящее время правоприменительной практике содеянное квалифицируется как совокупность преступлений по количеству тайников, в которых разме-

щены наркотики, и без доказанности предварительных договоренностей с конкретными приобретателями. Судами констатируется, что наркотические средства в закладках потенциально предназначаются разным приобретателям¹. Суды исходят из того, что продолжаемое преступление, по сути, будет только в том случае, когда наркотик сбывается одному установленному потребителю или когда число реальных покупателей не установлено и при этом не совершены действия, допускающие сбыт разным приобретателям.

Несложный анализ показывает, что и позиция прокуратуры, и позиция судов не в полной мере учитывает общественную опасность сбыта наркотического средства в зависимости от размера. Кроме этого, позиция судов сопряжена с риском объективного вменения и преимущественно основывается на предположении о нескольких потенциальных приобретателях.

Наверное, в идеале разрешить проблему «разграничения» продолжаемого сбыта наркотиков и совокупности преступлений, когда бы в итоге была соблюдена единая логика дифференциации уголовной ответственности, можно при помощи специального правила назначения наказания за продолжаемое преступление. До тех пор, пока такого правила нет, по-видимому, любые варианты будут обладать изъянами.

Тем не менее можно предложить наименее ущербный (наиболее приемлемый) вариант разграничения, базирующийся на определенном понимании соотношения степени общественной опасности продолжаемого преступления и совокупности преступлений, а также с учетом известных процессуальных ограничений в отношении уголовно-правовой оценки содеянного при дефиците

¹ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 2 апреля 2024 г. по делу № 10-УДП24-3-К6. Доступ из справ.-правовой системе «КонсультантПлюс».

информации, имеющей квалификационное значение.

Позиции судов и Генеральной прокуратуры Российской Федерации совпадают в следующих ситуациях: 1) если изначально всю партию наркотика планируется реализовать одному покупателю (одной группе покупателей), то сбыт наркотика по частям будет образовывать продолжаемое преступление; 2) если партию наркотиков планируется сбыть разным приобретателям, то наличие совокупности преступлений. Первая ситуация — классический случай продолжаемого преступления, по нему ни в доктрине, ни на практике разногласий нет.

В отношении второй ситуации не все так однозначно. Изначально в Постановлении № 14 было разъяснено, что содеянное может квалифицироваться как продолжаемое преступление, совершенное в значительном, крупном или особо крупном размере, если суммарный размер наркотиков составляет значительный, крупный или особо крупный размер. В доктрине доминировала точка зрения, что в этом случае будет иметь место продолжаемое преступление. Не учитывать суммарный размер наркотиков, когда он влечет для лица более жесткие юридические последствия, было бы неправильно.

В связи с этим предлагается такой вариант правовой оценки содеянного: 1) если установлено, что партия наркотиков сбывается разным потребителям, то, по общему правилу, содеянное надо квалифицировать по совокупности преступлений (по количеству криминальных «сделок» с приобретателями); 2) в случаях, когда суммарный размер наркотика образует новый юридически значимый размер по сравнению с размером сбыта в эпизодах и в связи с этим возможное наказание за сбыт в суммарном размере строже по сравнению с возможным наказанием, которое могло

быть назначено в порядке ст. 69 УК РФ, содеянное требуется квалифицировать как продолжаемое преступление. Предложенные два правила в своей совокупности позволяют в полной мере учитывать степень общественной опасности сбыта, когда установлено число реальных приобретателей. Второе правило в известной мере вынужденное (коллизийное), формулируемое в связи с необходимостью применить системосохраняющий механизм законодательства. В противном случае будет нарушена логика дифференциации уголовной ответственности.

Разногласия в позициях судов и Генеральной прокуратуры Российской Федерации касаются ситуаций, когда в точности не определено, одному или нескольким приобретателям будет сбываться наркотик. Согласно одной позиции, до тех пор, пока не установлено наличие нескольких приобретателей, содеянное образует одно преступление (даже если наркотики размещены в нескольких тайниках). Объясняется это тем, что нередко случаи одновременного изъятия наркотических средств из разных закладок одним приобретателем¹. В соответствии со вторым подходом вменение совокупности преступлений допустимо и без установления нескольких реальных приобретателей. Достаточно убедиться, что преступник допускал наиболее вероятную и прогнозируемую ситуацию — каждый тайник будет потенциально предназначен для отдельного потребителя.

Квалификация сбыта наркотика в таких ситуациях требует решить две проблемы: 1) сформулировать критерии разграничения случаев, когда установлено, одному или нескольким потребителям осуществлялся сбыт (планировалось

¹ ВС РФ разъяснил, что наркоторговля через закладки является совокупностью преступлений // ТАСС : сайт. URL: <https://tass.ru/obschestvo/19159937> (дата обращения: 13.02.2025).

осуществить сбыт), и когда не установлено; 2) собственно сформулировать правила квалификации, когда не удалось установить, одному или нескольким приобретателям сбывался наркотик.

Для случаев, когда установлено количество приобретателей, правила квалификации преступлений сформулированы выше.

Вопрос о критерии установления числа приобретателей наркотика дискуссионный. Последовательной по его решению видится позиция Верховного Суда Российской Федерации, изложенная в делах «Б.» и «А.». Здесь используется надежный критерий — договоренность на сбыт наркотических средств с конкретными приобретателями. Именно ее наличие свидетельствует о достаточной для вменения нескольких эпизодов степени конкретизации умысла виновного на сбыт наркотика нескольким конкретным лицам. Однако при определенных обстоятельствах, наверное, можно судить о наличии конкретных приобретателей и без договоренности с ними, например исходя из предшествующего развития событий, когда будет достоверно установлено, что наркотик предназначался конкретным приобретателям.

Представляется, что правило квалификации, когда не установлено, какому числу приобретателей планировалось сбыть наркотик, должно основываться на известном конституционном принципе — «неустранимые сомнения толкуются в пользу виновного» [7, с. 11]. Это значит, что при неустановлении прямого умысла на сбыт наркотического средства разным приобретателям, в том числе и в случае, когда наркотик размещается в нескольких тайниках, содеянное следует оценивать как одно преступление. Квалифицировать действия сбытчика по совокупности преступлений, основываясь исключительно на предположении о потенциальном предназначении размещенных наркотиков в тайниках раз-

ным приобретателям, значит, нарушать императивные требования ст. 14 и ч. 4 ст. 302 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (приговор не может быть основан на предположении). Кроме того, квалификация по совокупности преступлений будет, как правило, ухудшать положение лица, совершившего преступление.

Выводы исследования.

1. В 2021 — 2022 годах существенно изменилась позиция Верховного Суда Российской Федерации по вопросу квалификации многоэтапного сбыта наркотических средств. Если раньше считалось, что сбыт единой партии наркотических средств с единым умыслом образует единое продолжаемое преступление, то в последние годы доминирующим является иной подход — сбыт наркотических средств разным приобретателям лично или в тайниках по договоренности с приобретателями образует совокупность преступлений.

2. Объективными критериями продолжаемого сбыта наркотических средств являются 1) единая партия наркотических средств; 2) единый приобретатель на другой стороне криминальной сделки (одна группа приобретателей). Субъективным — единый умысел виновного лица сбыть определенную массу наркотических средств конкретному приобретателю (одной группе приобретателей).

3. Если партия наркотических средств сбывается разным приобретателям, содеянное, по общему правилу, следует рассматривать как совокупность преступлений, поскольку сбыт наркотических средств «в розницу» обладает повышенной степенью общественной опасности. Исключением следует считать случаи, когда при сложении размеров сбытого по эпизодам наркотика образуется новый юридически значимый размер, влекущий более строгую юридическую

ответственность. В силу принципа справедливости содеянное подлежит квалификации как продолжаемое преступление.

4. Если лицо совершило действия, направленные на сбыт наркотических

средств по частям, однако не удается установить умысел на сбыт разным приобретателям, следует применять правило толкования неустранимых сомнений в пользу виновного и квалифицировать содеянное как одно преступление.

Список источников

1. Любавина М. А. Квалификация преступлений, предусмотренных ст. 228 и 228.1 УК РФ : учеб. пособие. Санкт-Петербург : С.-Петербург. юрид. ин-т (фил.) Акад. Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2016. 176 с.
2. Малинин В. Б., Клименко Т. М. Преступления в сфере обращения наркотических, психотропных, ядовитых и иных сильнодействующих средств : монография. Санкт-Петербург : Юрид. центр, 2018. 300 с. (Теория и практика уголовного права и уголовного процесса).
3. Гармаев В. М. Уголовно-правовая оценка сбыта наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов как единого продолжаемого преступления или совокупности преступлений // Наркопреступность. 2010. № 1. С. 95 – 100.
4. Шиханов В. Н. Конструкция единого продолжаемого сбыта наркотических средств или психотропных веществ // КриминалистЪ. 2021. № 3 (36). С. 44 – 47.
5. Хромов Е. В. Квалификация неоднократных фактов сбыта наркотических средств в решениях Верховного Суда РФ // Законность. 2022. № 10. С. 41 – 46.
6. Гарбатович Д. А. Особенности квалификации некоторых продолжаемых преступлений // Администратор суда. 2023. № 1. С. 13 – 17.
7. Щепельков В. Ф., Пряхина Н. И. Об отграничении продолжаемого преступления от совокупности преступлений // КриминалистЪ. 2011. № 1 (8). С. 6 – 11.

Информация об авторах

В. Ф. Щепельков – профессор кафедры уголовного права Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор;

А. А. Павлов – магистр по направлению «Уголовное право» Санкт-Петербургского государственного университета.

Information about the authors

V. F. Schepetkov – Professor at the Department of criminal law, St. Petersburg State University, Doctor of Science (Law), Professor;

A. A. Pavlov – Master of Laws (LLM) in Criminal law, St. Petersburg State University.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья
УДК 349.6

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРИРОДООХРАННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РОССИИ С 1960-х ГОДОВ

Луиза Сираджеддиновна БУЛГАКОВА

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, bluiza@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена историческому развитию законодательства об охране окружающей среды в России. Рассматриваются ключевые этапы формирования экологического права, включая советское законодательство. Особое внимание уделяется нормативно-правовым актам, которые стали основой для регулирования природопользования и охраны окружающей среды. Анализируются изменения в подходах к охране природы, вызванные социально-экономическими и политическими факторами, а также влияние экологических движений на законодательные инициативы. Подчеркивается значимость экологического права в контексте устойчивого развития и защиты окружающей среды, а также выделяются актуальные проблемы и направления дальнейшего совершенствования законодательства в данной области.

Ключевые слова: экологическое законодательство, охрана окружающей среды, история законодательства, природоохранное право, современное экологическое право, Закон РСФСР об охране природы, государственные органы охраны природы

Для цитирования: Булгакова Л. С. Становление и развитие природоохранного законодательства в России с 1960-х годов // КриминалистЪ. 2025. № 2 (51). С. 103 – 111.

Original article

FORMATION AND DEVELOPMENT OF ENVIRONMENTAL PROTECTION LEGISLATION IN RUSSIA SINCE THE 1960s

Luiza S. BULGAKOVA

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, bluiza@mail.ru

© Булгакова Л. С., 2025

Abstract. The article examines the historical development of environmental protection legislation in Russia. The research explores the key stages in the formation of environmental law, including Soviet-era legislation. Particular attention is paid to the normative legal acts that have become the foundation for the regulation of natural resource use and environmental protection. The changes in approaches to nature protection caused by socio-economic and political factors, as well as the influence of environmental movements on legislative initiatives, are analysed. The significance of environmental law is emphasized in the context of sustainable development and environmental protection, and the current problems and directions for further improvement of legislation in this area are highlighted.

Keywords: environmental legislation, environmental protection, history of legislation, environmental law, contemporary environmental law, RSFSR Law on Environmental Protection, state environmental protection agencies

For citation: Bulgakova L. S. Formation and development of environmental protection legislation in Russia since the 1960s. Criminalist. 2025;2(51):103-111. (In Russ.).

Развитие отечественного законодательства об охране окружающей среды происходило с различной степенью интенсивности, что было обусловлено многими факторами, важнейшим из которых является активизация в различные годы экономической деятельности государства и осознание возможной деградации окружающей среды. Очевидно, что экономический рост усиливал негативное влияние человека на природу как среду своего обитания, что ставило под угрозу его жизнь и здоровье, интересы настоящего и будущих поколений людей [1, с. 5].

По подсчетам ученых [2, с. 3–9], в настоящее время в Российской Федерации действует около 9 000 федеральных законов и множество подзаконных нормативных правовых актов, установить количество которых не представляется возможным. Результатом возросшего внимания к проблемам охраны окружающей среды и наличия большого количества научных публикаций и принятых нормативных правовых актов стало появление и использование терминов, которые по-разному определяют систему нормативных правовых актов, регулирующих общественные отношения в области охраны окружающей среды: «законодательство об охране окружающей среды» [3], «законодательство в области охраны окружающей среды» [4] и др.

Существует мнение, что такое повышенное внимание ученого сообщества и законодателя к этой области связано во многом с активным развитием экономики, в особенности во второй половине XX века. Но утверждать, что до этого государство не занималось проблемами сохранения природы и окружающей среды, нельзя.

Достаточно назвать созданные в эти годы Баргузинский, Астраханский и Ильменский заповедники, в которых запрещена всякая хозяйственная деятельность, за исключением познавательного туризма и некоторых видов природопользования для собственных нужд граждан, постоянно проживающих на этих территориях. Есть и другие многочисленные примеры, которые свидетельствуют о внимании государства к охране окружающей среды.

Охрана окружающей среды как в прошлом, так и в настоящее время носит ярко выраженный межотраслевой характер, что позволяет сделать вывод о том, что государство регулировало прежде всего те общественные отношения, которые представляли особую угрозу для окружающей среды. Это в определенной степени породило бессистемность правового регулирования, наличие многочисленных нормативных правовых актов, которые во многом дублируют друг друга.

М. М. Бринчук прав, утверждая, что каждый элемент (компонент) природы (природной среды) — органичная часть целого, многими связями связанная с ним, что каждый этот элемент — природный объект — органично связан с другими. И лишь благодаря этим экосистемным связям мы имеем природу, в длительной истории формировавшуюся, ставшую основой существования и жизнедеятельности общества [5, с. 3–10].

В Законе РСФСР от 27 октября 1960 года «Об охране природы в РСФСР»¹ охрана природы впервые была определена важнейшей государственной задачей и делом всего народа. В Законе и природа, и ее ресурсы были названы естественной основой развития народного хозяйства и источником непрерывного роста материальных и культурных ценностей, обеспечивающих наилучшие условия труда и отдыха народа.

Достоинством указанного Закона следует считать то, что по каждому из объектов охраны была принята соответствующая статья (например, ст. 2 «Охрана земель», ст. 3 «Охрана недр» и т. д.), очень подробно и точно установлены все виды того или иного объекта, обязанности собственников по его охране, ограничения по осуществлению трудовой деятельности, необходимые для эффективной охраны запреты и т. п.

Так, в ст. 5 «Охрана лесов» были указаны цели охраны лесов, условия осуществления лесохозяйственных мероприятий, полномочия в области охраны лесов исполнительных комитетов местных Советов депутатов трудящихся, лесохозяйственных организаций, колхозов, совхозов и других землепользователей. В статье были перечислены некоторые запреты хозяйственной деятельности.

В постановлении Верховного Совета СССР от 20 сентября 1972 года № 3351-VIII «О мерах по дальнейшему

улучшению охраны природы и рациональному использованию природных ресурсов»² было констатировано, что охрана природы неразрывно связана с охраной здоровья населения и обеспечением советским людям необходимых условий для плодотворного труда и отдыха, что охрана природы и рациональное использование природных ресурсов в условиях быстрого развития промышленности, транспорта и сельского хозяйства, развертывания научно-технической революции, роста разносторонних материальных и культурных потребностей советского народа становятся одной из важнейших общегосударственных задач, от решения которой зависит успешное выполнение народнохозяйственных планов, благосостояние нынешнего и будущих поколений.

В целях реализации задач, поставленных в данном Постановлении Верховного Совета СССР, были приняты два совместных постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 29 декабря 1972 года № 898 «Об усилении охраны природы и улучшении использования природных ресурсов»³ и от 1 декабря 1978 года № 984 «О дополнительных мерах по усилению охраны природы и улучшению использования природных ресурсов»⁴.

Если в первом Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР изложены такие требования к природо-

¹ Об охране природы в РСФСР : Закон РСФСР от 27 октября 1960 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 586.

² О мерах по дальнейшему улучшению охраны природы и рациональному использованию природных ресурсов : Постановление Верховного Совета СССР от 20 сентября 1972 г. № 3351-VIII // Свод законов СССР. 1990. Т. 4. Ст. 7.

³ Об усилении охраны природы и улучшении использования природных ресурсов : Постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР от 29 декабря 1972 г. № 898 // СП СССР. 1973. № 2. Ст. 6.

⁴ О дополнительных мерах по усилению охраны природы и улучшению использования природных ресурсов : Постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР от 1 декабря 1978 г. № 984 // СП СССР. 1979. № 2. Ст. 6.

охранной деятельности, как совершенствование экологического нормирования, мониторинг окружающей среды, внедрение обязательного планирования деятельности по охране природы и природопользованию и др., то второе Постановление в значительной степени было посвящено оценке итогов шестилетней деятельности государства по охране природы. Были не просто определены задачи, которые не были выполнены, но и названы органы государственной власти, виновные в этом: министерства химической промышленности, нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности, химического и нефтяного машиностроения, цветной металлургии, сельского хозяйства, строительного, дорожного и коммунального машиностроения, приборостроения, средств автоматизации и систем управления.

Указанные в Постановлении и перечисленные нами министерства по своему статусу имели в то время важное значение в области охраны природы.

1980-е годы ознаменовались существенным ужесточением надзора за соблюдением законодательства об охране природы. Были приняты важные постановления Верховного Совета СССР от 3 июля 1985 года № 2764 - XI «О соблюдении требований законодательства об охране природы и рациональном использовании природных ресурсов»¹ и от 3 июля 1985 года «По отчету Генерального прокурора СССР о деятельности Прокуратуры СССР по надзору за исполнением требований советских законов об укреплении правопорядка, охране прав и законных интересов граждан»².

¹ О соблюдении требований законодательства об охране природы и рациональном использовании природных ресурсов : Постановление Верховного Совета СССР от 3 июля 1985 г. № 2764-XI // Ведомости Верховного Совета СССР. 1985. № 27. Ст. 479.

² По отчету Генерального прокурора СССР о деятельности Прокуратуры СССР по надзору

Следует отметить противоречивость позиций исследователей в оценке состояния охраны окружающей среды в этот период. Некоторые считали, что полностью отсутствовал единый, системный подход и в целом государственное управление охраной окружающей среды [6, с. 56]. Другие утверждали, что государство в те годы особенно бережно относилось к природе и ее ресурсам [7, с. 78].

По нашему мнению, обе названные позиции являются крайними и не в полной степени соответствуют действительности. Конечно, отсутствовала системность в охране окружающей среды, не было единого координационного центра, отсутствовало разделение предметов ведения и полномочий по уровням управления и по субъектам управления. Но в те годы в СССР уже пришло осознание важности охраны окружающей среды и была заложена основа природоохранной деятельности.

В подтверждение нашего вывода стоит привести важнейший для того периода нормативный правовой акт — Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 7 января 1988 года № 32 «О коренной перестройке дела охраны природы в стране»³, в котором отмечалось, что в стране были приняты решительные меры экономического, правового и воспитательного характера в целях обеспечения охраны и рационального использования земли и ее недр, водных ресурсов, атмосферного воздуха, растительного и животного мира.

Еще задолго до начала административной реформы в названном Поста-

за исполнением требований советских законов об укреплении правопорядка, охране прав и законных интересов граждан : Постановление Верховного Совета СССР от 3 июля 1985 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1985. № 27. Ст. 480.

³ О коренной перестройке дела охраны природы в стране : Постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР от 7 января 1988 г. № 32 // СП СССР. 1988. № 6 Ст. 14.

новлении говорилось, что ЦК КПСС и Совет Министров СССР должны исключить дублирование своей деятельности, устранить избыточные и несвойственные полномочия.

Закон РСФСР от 27 октября 1960 года «Об охране природы в РСФСР» утратил силу только через 30 лет в связи с принятием Закона РСФСР от 19 декабря 1991 года № 2060-1 «Об охране окружающей природной среды»¹.

Значение Закона РСФСР «Об охране природы в РСФСР» 1960 года заключается даже не в том, что он был одним из первых нормативных правовых актов, которые стали основой дальнейшего законодательства в этой области, а в том, что в соответствии со ст. 1 данного Закона государственной охране и регулированию использования на территории РСФСР подлежали все природные богатства.

Заметим важную особенность приведенной выше нормы — она практически без изменений была перенесена в действующий в настоящее время Федеральный закон от 10 января 2002 года № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»², но природные богатства названы компонентами природной среды.

Разработка и осуществление необходимых мероприятий по охране природы были возложены на Совет Министров РСФСР.

Новеллой Закона РСФСР от 19 декабря 1991 года № 2060-1 «Об охране окружающей природной среды» стала статья «Административная ответственность за экологические правонарушения». Эта статья появилась через семь лет после принятия первого кодифици-

рованного закона об административной ответственности — Кодекса РСФСР об административных правонарушениях (далее — КоАП РСФСР), в котором уже была глава 7 «Административные правонарушения в области охраны окружающей природной среды, памятников истории и культуры».

Если сравнить статью об административной ответственности Закона РСФСР от 19 декабря 1991 года № 2060-1 «Об охране окружающей природной среды» и соответствующую главу КоАП РСФСР, то возникает много вопросов и замечаний.

Во-первых, крайне противоречиво и сумбурно сформулирована ст. 2 КоАП РСФСР, в соответствии с которой законодательство Союза ССР и РСФСР об административных правонарушениях состоит из Основ законодательства Союза ССР и союзных республик об административных правонарушениях и издаваемых в соответствии с ними законодательных актов СССР и постановлений Совета Министров СССР, КоАП РСФСР и иных законодательных актов РСФСР и постановлений Совета Министров РСФСР об административных правонарушениях.

Законодательные акты Союза ССР и РСФСР, постановления Совета Министров СССР и Совета Министров РСФСР об административных правонарушениях до включения их в установленном порядке в КоАП РСФСР применялись на территории РСФСР непосредственно. Положения КоАП РСФСР распространялись и на правонарушения, ответственность за совершение которых предусмотрена законодательством, еще не включенным в настоящий Кодекс.

Нормы Закона РСФСР от 19 декабря 1991 года № 2060-1 «Об охране окружающей природной среды» не противоречат нормам КоАП РСФСР. КоАП РСФСР не имел еще тогда нормы о том, что законодательство об административных право-

¹ Об охране окружающей природной среды : Закон РСФСР от 19 декабря 1991 г. № 2060-1 // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 10. Ст. 457.

² Об охране окружающей среды : Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ : текст с изм. и доп. на 8 авг. 2024 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

нарушениях состоит исключительно из КоАП РСФСР и законов об административной ответственности.

Во-вторых, ч. 1 ст. 84 «Административная ответственность за экологические правонарушения» Закона РСФСР от 19 декабря 1991 года № 2060-1 «Об охране окружающей природной среды» устанавливала административную ответственность не только граждан, должностных лиц, виновных в экологических правонарушениях, но и виновных учреждений, организаций. Они могли быть подвергнуты штрафу¹ в размере от 50 000 до 500 000 рублей. То есть штраф налагался и на юридических лиц? Но административная ответственность юридических лиц была установлена только в 2002 году Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ).

В-третьих, ст. 84 Закона РСФСР от 19 декабря 1991 года № 2060-1 «Об охране окружающей природной среды» включала в себя 16 составов экологических правонарушений, часть из которых во многом повторяют составы КоАП РСФСР. Если сравнить их с составами, включенными в главу 7 КоАП РСФСР «Административные правонарушения в области охраны окружающей природной среды, памятников истории и культуры», то мы увидим следующее:

большинство из 16 перечисленных в Законе составов носят неконкретный, описательный характер, в отличие от составов Кодекса;

в Законе правонарушения названы не административными, а экологическими, а в КоАП РСФСР — административными правонарушениями в области охраны окружающей природной среды.

Сравнительный анализ составов экологических правонарушений Закона и составов административных правонарушений Кодекса вызывает некоторое непонимание причин таких формули-

ровок составов: Кодекс уже семь лет существовал, правоприменитель и законодатель уже поняли и смогли оценить его качество, но почему тогда появились такие формулировки в Законе, по какой причине они не были внесены в соответствующую главу КоАП РСФСР?

Анализ существующих по этому поводу многочисленных мнений позволяет сделать вывод об отсутствии единства взглядов, обобщить их и высказать свою позицию по этому поводу.

Из анализа многочисленных законов и политико-правовых документов в области охраны окружающей среды того периода следует очевидный вывод о том, что в целом данное законодательство формировалось неравномерно, в зависимости от развития общественных отношений, что было связано во многом с формированием производительных сил государства, и включало в себя не только законодательные нормы, но и нормы правовых актов управления. Более того, на различных этапах того периода государство уделяло особое внимание лишь отдельным аспектам природоохранного законодательства, системность, комплексность решения важных задач в области охраны окружающей среды отсутствовали.

Несомненно, было бы логичным и разумным связать этапы развития законодательства об охране окружающей среды с соответствующими конституционными нормами или хотя бы с нормами законов СССР и Российской Федерации. Первая норма, имеющая отношение к проблеме охраны окружающей среды, появилась в Конституции СССР 1924 года, а последующие — в Конституциях 1936 и 1977 годов. Что касается советского и российского законодательства в сфере охраны окружающей среды, то его формирование происходило столь сумбурно и эпизодически, что выявить какие-либо закономерности невозможно.

¹ В 1991 году в КоАП РСФСР понятие «административный штраф» еще не было введено.

Необходимо учитывать и тот факт, что современное понимание законодательства об охране окружающей среды отличается от того, которое совсем недавно считалось бесспорным. Термин «законодательство об охране окружающей среды» следует употреблять в качестве родового понятия, а термины «природоохранное», «природоресурсное», «экологическое» как видовые его составляющие. Очевидно, что при употреблении перечисленных терминов не просто происходит подмена понятий, а формируемое таким образом законодательство обречено на дублирование норм, возникновение конфликта интересов субъектов охраны окружающей среды, что влечет принятие неэффективных управленческих решений в этой области.

Мы в полной мере согласны с утверждением многих ученых-экологов (М. М. Бринчук, А. К. Голиниченко, Н. Г. Жаворонкова и др.), которые дали оценку перспектив совершенствования законодательства о природопользовании: этот процесс не только весьма длителен, но он потребует системного подхода, должен быть разработан и принят политико-правовой документ, например концепция развития природоресурсного права. Эта концепция должна отражать основные этапы развития и совершенствования природоресурсного законодательства, отдельными частями в нее должны войти разделы, раскрывающие решение принципиально важных задач, например таких, как определение места и роли права в природопользовании; соотношение важнейших терминов «устойчивое развитие», «эффективность управления», «экологическая безопасность» и др. Заметим, что действующее природоохранное законодательство изобилует терминами, многие из которых редко, а порой и вовсе не применяются в целях данных законов (достаточно посмотреть на основные понятия Феде-

рального закона от 10 января 2002 года № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», в котором дано 67 определений). Названная нами концепция должна самостоятельным разделом включать условия рационального природопользования, гарантии соблюдения конституционных прав граждан и обязанности по обеспечению природными ресурсами, гарантии качества окружающей среды. Важное место должны занять процедуры принятия решений, виды юридической ответственности, а также меры, направленные на обеспечение рационального использования ресурсов и экологической безопасности [8, с. 157].

Отметим еще один важный аспект, который непосредственно связан с периодизацией законодательства об охране окружающей среды. Во второй половине прошлого столетия возникло несколько вариантов путей его развития. Первый и наиболее, на наш взгляд, удачный состоял в том, что необходимо принять комплексный общесоюзный природоохранительный акт. По мнению В. В. Петрова, это было связано с принятием в 60-е годы в союзных республиках собственных законов об охране природы [9, с. 9].

Таковыми законами, например, в дальнейшем явились Экологический кодекс Республики Башкортостан от 28 октября 1992 года № ВС-13/28¹, Закон Санкт-Петербурга от 18 июля 2016 года № 455-88 «Экологический кодекс Санкт-Петербурга»² и др.

Приведем некоторые наиболее удачные примеры периодизации законодательства об охране окружающей среды.

¹ Экологический кодекс Республики Башкортостан от 28 октября 1992 г. № ВС-13/28 // ГАРАНТ.РУ : информ.-правовой портал. URL: <http://base.garant.ru/17700017/> (дата обращения: 30.12.2024).

² Экологический кодекс Санкт-Петербурга : Закон Санкт-Петербурга от 18 июля 2016 г. № 455-88 // Официальное опубликование правовых актов : сайт. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 30.12.2024).

Обратим особое внимание на то, что периоды не просто не совпадают по датам, но и различаются по своей продолжительности.

Часть ученых начинают периодизацию экологического законодательства с момента принятия Декрета о земле, Земельного (1922 год) и Лесного (1923 год) кодексов, Горного положения (1927 год), законов об охране садов и парков, памятников природы и т. п. Второй этап, по их мнению, следует за принятием Закона РСФСР от 27 октября 1960 года «Об охране природы в РСФСР». Этот период связывают с принятием основ земельного и водного законодательства Союза ССР и республиканских кодексов [10].

Б. В. Ерофеев пишет об этапах формирования экологического права и выделяет три периода: 1917–1968 годы; с 1968 по 1987 год и 1987 год — настоящее время. В первые два периода была сформирована основа экологического законодательства, но третий период обусловлен совершенно другой причиной, не имеющей никакого отношения к законодательству. В 1988 году было издано первое пособие по советскому экологи-

ческому праву, автором которого является Б. В. Ерофеев [11, с. 74–77].

Л. А. Тихомирова предлагает иные три этапа становления и развития законодательства об охране окружающей среды: 1978 — 1992 годы, 1991 — 2002 годы, с 2002 года по настоящий день. Она связывает их начало и окончание с определением и разграничением предметов ведения и полномочий Российской Федерации и субъектов Российской Федерации и нормами Основных законов СССР и Российской Федерации [12].

Исторический анализ законодательства в области охраны окружающей среды позволяет заключить, что его становление заняло достаточно длительный период, за который сложилась его основа, достаточно полно урегулированы многие аспекты.

Высоко оценивая и уважая перечисленные в параграфе мнения, мы считаем возможным, наиболее разумным и объективным объяснить этапы возникновения и совершенствования законодательства об охране окружающей среды значимыми общественно-политическими периодами государства в целом.

Список источников

1. Правовая охрана окружающей природной среды в странах Восточной Европы : учеб. пособие для вузов / Т. Лялев, С. Кушлев, М. Шювегеш [и др.]. Москва : Высш. шк., 1990. 367, [1] с.
2. Кичигин Н. В., Меньшиков В. Ф. 30 лет Закону РСФСР «Об охране окружающей природной среды» // Экологическое право. 2022. № 5. С. 3–9.
3. Тихомирова Л. А. Законодательство об охране окружающей среды: изменения, итоги и перспективы развития / подготовлен для системы «КонсультантПлюс». Дата публикаций: 20.02.2005. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Анисимов А. П., Рыженков А. Я., Черноморец А. Е. Научно-практический комментарий к Федеральному закону Российской Федерации «Об охране окружающей среды» / Волгоград : Панорама, 2005. 500 с.
5. Бринчук М. М. Многофункциональная роль природы и право собственности на природные ресурсы // Экологическое право. 2021. № 2. С. 3–10.
6. Жмотов А. И. Конституция СССР и совершенствование государственного управления охраной природы // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1978. № 1. С. 53–59.
7. Мурашин Г. А. Роль правоохранительных органов в области окружающей среды // Охрана окружающей среды: управление, право : сб. науч. тр. / АН УССР, Ин-т государства и права ; редкол.: Ю. С. Шемшученко [и др.]. Киев : Наук. думка, 1982. 207 с. (Человек и среда).

8. Природоресурсное законодательство в условиях модернизации экономики России : современные проблемы развития : монография / Г. В. Выпханова, И. В. Ершова, Ю. Г. Шпакковский [и др.] ; отв. ред. Н. Г. Жаворонкова. Москва : Норма, 2014. 157, [2] с.

9. Петров В. В. Экологический кодекс России (к принятию Верховным Советом Российской Федерации Закона «Об охране окружающей природной среды») // Экологическое право. 2009. № 2/3. Специальный выпуск. С. 9–16.

10. Аграрное и экологическое законодательство в России и СНГ (сравнительно-правовой анализ) / Ин-т законодат. и сравнит. правоведения при Правительстве Российской Федерации ; отв. ред. С. А. Боголюбов, Е. А. Минина. Москва : Норма, 1999. 235 с.

11. Ерофеев Б. В. Экологическое право. Москва : Высш. шк., 1992. 397, [1] с.

12. Тихомирова Л. А. Законодательство Российской Федерации об охране окружающей среды: проблемы реализации : монография. Москва : Акад. труда и социальных отношений. 2008. 225 с.

Информация об авторе

Л. С. Булгакова – старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Information about the author

L. S. Bulgakova – Senior Lecturer at the Department of state and legal disciplines, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law).

Научная статья
УДК 342.9

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗАКОННОСТИ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОБ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: АСПЕКТЫ ПРОКУРОРСКОЙ ПРАКТИКИ

Александр Алексеевич ЕРШОВ

*Университет прокуратуры Российской Федерации, Москва, Россия,
sanyaersh2022@yandex.ru*

Аннотация. В статье исследованы отдельные вопросы регионального нормотворчества при установлении административной ответственности в сфере защиты прав несовершеннолетних, имеющие значение для прокурорской практики. Законодательство субъектов Российской Федерации об административной ответственности является важным элементом в механизме обеспечения законности и правопорядка на их территории, в том числе по вопросам защиты прав лиц, не достигших возраста восемнадцати лет, уровень правовой защищенности которых во многом зависит от качества юридической техники и терминологии, используемых региональными законодателями при формировании составов административных правонарушений по предмету своего ведения. В то же время следует учитывать, что формулировки таких составов не должны противоречить Конституции Российской Федерации и федеральному законодательству. В ходе исследования рассмотрен ряд вопросов, среди которых место и роль регионального законодательства об административной ответственности в системе российского административно-деликтного права, критерии допустимости установления административной ответственности на региональном уровне, разграничение схожих федеральных и региональных составов административных правонарушений и др.

Ключевые слова: несовершеннолетний, прокурор, административная ответственность, состав административного правонарушения, региональное законодательство

Для цитирования: Ершов А. А. Обеспечение законности нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации об административной ответственности в сфере защиты прав несовершеннолетних: аспекты прокурорской практики // КриминалистЪ. 2025. № 2 (51). С. 112 – 120.

Original article

ENSURING THE LEGALITY OF REGULATORY LEGAL ACTS OF THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION ON ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY IN THE FIELD OF PROTECTION OF THE RIGHTS OF MINORS: ASPECTS OF PROSECUTORIAL PRACTICE

Alexander A. ERSHOV

*University of the prosecutor's office of the Russian Federation, Moscow, Russia,
sanyaersh2022@yandex.ru*

Abstract. The article discusses some issues of regional rulemaking in the field of establishing administrative responsibility in the field of protection of the rights of minors, which are important

© Ершов А. А., 2025

for prosecutorial practice. The legislation on administrative responsibility of the subjects of the Russian Federation is an important element of the mechanism for ensuring law and order on their territory, including the protection of the rights of persons under the age of 18, whose level of legal protection largely depends on the quality of legal technologies and terminology used by regional legislators in the formation of administrative offenses attributed to their competence. At the same time, it should be borne in mind that the formulations contained in such formulations should not contradict the provisions of the Constitution of the Russian Federation and federal legislation. The study examined a number of issues, including the place and role of regional legislation on administrative responsibility in the system of Russian administrative and tort law, the definition of criteria for the admissibility of administrative responsibility at the regional level, the differentiation of similar federal and regional structures of administrative offenses, etc.

Keywords: minor, prosecutor, administrative responsibility, composition of an administrative offense, regional legislation

For citation: Ershov A. A. Ensuring the legality of regulatory legal acts of the subjects of the Russian Federation on administrative responsibility in the field of protection of the rights of minors: aspects of prosecutorial practice. *Criminalist*. 2025;2(51):112-120. (In Russ.).

Предметом прокурорского надзора за исполнением законов в силу абз. 3 п. 1 ст. 21 Федерального закона от 17 января 1992 года № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»¹ служит обеспечение соответствия законам правовых актов, издаваемых федеральными органами исполнительной власти, представительными и исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, что в полной мере распространяется и на сферу действия регионального законодательства об административной ответственности².

Исходя из требований пп. 2.1, 2.4 и 2.5 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 31 августа 2023 года № 583 «Об организации прокурор-

ского надзора за законностью нормативных правовых актов органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления»³, прокуроры ориентированы изучать нормативные правовые акты органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в целях выявления норм, противоречащих Конституции Российской Федерации⁴ и федеральному законодательству, принимать меры к устранению нарушений путем принесения протестов либо обращения в суд с административными исковыми заявлениями о признании таких правовых актов не действующими полностью или в части, а в случае установления причин и условий, способствовавших нарушениям, также посредством внесения представлений об их устранении.

¹ О прокуратуре Российской Федерации : Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 : текст с изм. и доп. на 3 февр. 2025 г. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/6e24082b0e98e57a0d005f9c20016b1393e16380/ (дата обращения: 07.05.2025).

² По состоянию на 12 мая 2025 года на территории Российской Федерации действуют: 56 законов об административных правонарушениях, 8 законов об административной ответственности, 17 кодексов об административных правонарушениях, 2 кодекса об административной ответственности, в шести регионах — ряд законов об административных правонарушениях в отдельных сферах правового регулирования.

³ Об организации прокурорского надзора за законностью нормативных правовых актов органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления : Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 31 августа 2023 г. № 583 // Законность. 2023. № 11.

⁴ Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. : текст с изм. и доп. на 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595> (дата обращения: 07.05.2025).

Принимая во внимание положения п. 2.1 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 13 декабря 2021 года № 744 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов»¹, предписывающие прокурорам проводить подобные проверочные действия на предмет соответствия законодательству региональных и муниципальных правовых актов по вопросам, затрагивающим права и интересы детей, полагаем целесообразным рассмотреть особенности регулирования административной ответственности в данной сфере на этом уровне.

В соответствии со ст. 1.3 и 1.3.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ)² регламентирование правоотношений, возникающих в сфере административно-деликтного права, находится в ведении не только федеральных, но и региональных властей, устанавливающих административную ответственность за нарушение законов и иных нормативных правовых актов, действующих на территории конкретного субъекта Российской Федерации.

При этом, как следует из абз. 4 п. 3 постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июля 2018 года № 27-П³, такая деятельность субъектов Российской Федерации является их правом, а не обязанностью.

¹ Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов : Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 13 декабря 2021 г. № 744 // Законность. 2022. № 2. С. 66–72.

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ : текст с изм. и доп. на 7 апр. 2025 г. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661 (дата обращения: 07.05.2025).

³ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июля 2018 г. № 27-П // Российская газета. 2018. 16 июля.

Исследователи по-разному относятся к предоставлению региональным законодателям таких полномочий.

По мнению Е. В. Надыгиной и А. М. Лесниковой, региональное законодательство об административной ответственности способствует наиболее эффективному решению задач охраны общественных отношений, определенных на уровне субъекта Российской Федерации, с учетом специфики его развития [1, с. 160].

В то же время результаты исследования позволили Б. А. Старостину прийти к выводу о необходимости установления в КоАП РФ единых составов административных правонарушений, видов и размеров наказаний за их совершение, поскольку отсутствие общего подхода при определении данных вопросов региональными законодателями ставит ответственность субъекта административного правонарушения в зависимость от места совершения деликта [2, с. 11].

Сторонники данной точки зрения указывают на наличие противоречий между требованиями ст. 1.3.1 КоАП РФ и ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, потому как ограничение прав и свобод человека и гражданина посредством использования принуждения при осуществлении производства по делам об административных правонарушениях, включая законодательное установление и собственно применение административной ответственности, возможно только на основании федерального закона, при этом, как отмечает С. Д. Князев [3], конституционный порядок допускает перераспределение законодательных полномочий в рассматриваемой сфере между Российской Федерацией и ее субъектами.

Сложно не согласиться с тем, что законодательство субъектов Российской Федерации об административной ответственности является важным элементом в механизме обеспечения законности

и правопорядка на их территории, в том числе по вопросам защиты прав несовершеннолетних.

Между тем уровень правовой защищенности несовершеннолетних и других участников производства по делам об административных правонарушениях во многом зависит от качества юридической техники и терминологии, используемых региональными законодателями при формировании составов административных правонарушений по предмету своего ведения.

Исходя из позиции Конституционного Суда Российской Федерации, диспозиция составов административных правонарушений должна отвечать критериям ясности, определенности и недвусмысленности¹.

Также в абз. 3 п. 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 года № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»² разъяснено, что региональные власти не уполномочены устанавливать административную ответственность за нарушения, которые уже предусмотрены федеральными правовыми актами Российской Федерации.

В этой связи в научной литературе выделен ряд критериев, указывающих на соблюдение законности установления административной ответственности в субъектах Российской Федерации.

¹ См. Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 13 июля 2010 г. № 15-П (Российская газета. 2010. 23 июля), от 22 апреля 2013 г. № 8-П (Российская газета. 2013. 30 апр.) и от 20 декабря 2011 г. № 29-П (Российская газета. 2012. 11 янв.).

² О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. № 5 : текст с изм. и доп. на 23 дек. 2021 г. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52681/ (дата обращения: 07.05.2025).

К примеру, К. Г. Филант обращает внимание на обязательность отнесения сфер общественных отношений, подлежащих административно-деликтной охране, к ведению субъектов Российской Федерации, их совместному ведению с Российской Федерацией (в случаях, когда установление правил, за нарушение которых налагаются административные взыскания, относится к их полномочиям) либо к вопросам местного значения; на отсутствие на федеральном уровне состава административного правонарушения, охватывающего противоправное деяние, закрепленное в законе субъекта Российской Федерации [4, с. 9].

В свою очередь, С. Н. Клепиков отмечает, что региональные законы могут конкретизировать (но не дублировать) нормы КоАП РФ [5, с. 10], тем самым расширять толкование объективной стороны составов административных правонарушений, дополнять их, внедрять в них свою терминологию с учетом региональной специфики конкретного субъекта Российской Федерации (его экономических, социально-культурных и иных особенностей), которая, как подчеркивает А. А. Антонов, должна отражаться в их нормативных правовых актах или в самой норме, устанавливающей административную ответственность [6, с. 8].

Проведенный в рамках настоящего исследования выборочный анализ регионального законодательства об административной ответственности позволил выделить составы административных деликтов, направленные на защиту прав и законных интересов несовершеннолетних.

В первую очередь, следует отметить составы административных правонарушений, объективная сторона которых заключается в действиях (бездействии), направленных на неисполнение либо создание препятствий для исполнения постановлений комиссий по делам не-

совершеннолетних и защите их прав, за исключением постановлений по делам об административных правонарушениях (например, ч. 1 ст. 10 Закона Пермского края от 6 апреля 2015 года № 460-ПК «Об административных правонарушениях в Пермском крае»¹), а также на воспрепятствование посещению членом комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, осуществляющим проверку условий содержания, воспитания и обучения несовершеннолетних, учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних (например, ст. 2.8 Закона г. Москвы от 21 ноября 2007 года № 45 «Кодекс города Москвы об административных правонарушениях»²).

Кроме того, в законодательстве об административной ответственности некоторых регионов, например в ч. 3-1 ст. 10 Закона Владимирской области от 14 февраля 2003 года № 11-ОЗ «Об административных правонарушениях во Владимирской области», установлена административная ответственность за воспрепятствование деятельности Уполномоченного по правам ребенка соответствующего субъекта Российской Федерации³.

¹ Об административных правонарушениях в Пермском крае : Закон Пермского края от 6 апреля 2015 г. № 460-ПК : текст с изм. и доп. на 4 февр. 2025 г. // Электронный фонд правовой и нормативно-технической информации : сайт. URL: <https://docs.cntd.ru/document/424089842> (дата обращения: 07.05.2025).

² Кодекс города Москвы об административных правонарушениях : Закон г. Москвы от 21 ноября 2007 г. № 45 : текст с изм. и доп. на 4 марта 2025 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : сайт. URL: <https://docs.cntd.ru/document/3686331/litles/64V01K> (дата обращения: 07.05.2025).

³ Об административных правонарушениях во Владимирской области : Закон Владимирской области от 14 февраля 2003 г. № 11-ОЗ : текст с изм. и доп. на 28 февр. 2025 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : сайт. URL: <https://docs.cntd.ru/document/965000859> (дата обращения: 07.05.2025).

Необходимость внедрения ответственности за вышеперечисленные административные правонарушения обосновывается наличием у комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав и Уполномоченных по правам ребенка особой региональной подведомственности, ограниченной территорией конкретного субъекта Российской Федерации (муниципального образования). Между тем прокурорам необходимо учитывать, что объективная сторона указанных составов не должна выходить за пределы нормативного регулирования деятельности таких объектов защиты, определенного на уровне субъекта Российской Федерации.

Вопросы охраны жизни и здоровья несовершеннолетних, защиты их прав на физическое, интеллектуальное, нравственное, психическое и духовное развитие также не остались без внимания региональных законодателей, нередко устанавливающих административную ответственность за такие противоправные деяния, как приобретение и передача лицам, не достигшим восемнадцатилетнего возраста, по их просьбе алкогольной продукции (например, ст. 54.2 Закона Тверской области от 14 июля 2003 года № 46-ЗО «Об административных правонарушениях»⁴), допущение ее употребления несовершеннолетними в местах развлечения (досуга), в том числе в виде предоставления условий, помещений, отсутствия мер запретительного (пресекающего) характера (например, ч. 2 ст. 3.1 Закона Орловской области от 6 июня 2013 года № 1490-ОЗ «Об ответственности за административные правонарушения»⁵).

⁴ Об административных правонарушениях : Закон Тверской области от 14 июля 2003 г. № 46-ЗО : текст с изм. и доп. на 2 апр. 2024 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : сайт. URL: <https://docs.cntd.ru/document/936006667> (дата обращения: 07.05.2025).

⁵ Об ответственности за административные правонарушения : Закон Орловской области от

В данном случае прокурорам следует обращать внимание на схожесть составов подобных административных правонарушений с предусмотренным ст. 6.10 КоАП РФ «Вовлечение несовершеннолетних в употребление алкогольной и спиртосодержащей продукции, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ».

Исходя из позиции Пленума Верховного Суда Российской Федерации, изложенной в абз. 3 п. 42 постановления от 1 февраля 2011 года № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних»¹, вовлечением несовершеннолетних в противоправную деятельность следует считать действия совершеннолетних лиц, направленные на возбуждение желания у несовершеннолетних совершить наказуемое деяние посредством привлечения к участию, поощрения, склонения, убеждения, подкупа и т. д.

Такой подход к определению границ вовлечения несовершеннолетних в употребление алкогольной продукции допускает возможность использования региональными законодателями вышеотмеченных формулировок в диспозиции норм об административных правонарушениях.

Прямое указание на вовлечение несовершеннолетних в употребление никотинсодержащей продукции, как это, например, реализовано в ст. 33.3 Зако-

на Республики Калмыкия от 19 ноября 2012 года № 384-IV-3 «Об административных правонарушениях в Республике Калмыкия»², дублирует положения КоАП РФ, а именно состав административного правонарушения, предусмотренного ст. 6.23 «Вовлечение несовершеннолетних в процесс потребления табака и потребления никотинсодержащей продукции».

Отдельные составы административных правонарушений, ответственность за которые установлена законом субъекта Российской Федерации, имеют сходство с квалифицирующими признаками ст. 20.1 КоАП РФ «Мелкое хулиганство», а именно бытовое дебоширство, совершенное в присутствии лиц, не достигших возраста восемнадцати лет, предусмотренное ч. 2 ст. 8.9 Закона Костромской области от 20 апреля 2019 года № 536-6-ЗКО «Кодекс Костромской области об административных правонарушениях»³, которое тем не менее не образует состав мелкого хулиганства.

Как справедливо отмечает Я. В. Васильева, противоправные действия, совершенные в семье в отношении родственников, знакомых, вызванные личными неприязненными отношениями, не являются хулиганскими и с учетом последствий могут быть признаны бытовым дебоширством [7, с. 71].

При этом, например, в ст. 17 Закона Ярославской области от 3 декабря 2007 года № 100-з «Об администра-

6 июня 2013 г. № 1490-ОЗ : текст с изм. и доп. на 30 окт. 2017 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : сайт. URL: <https://docs.cntd.ru/document/453128386> (дата обращения: 07.05.2025).

¹ О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1: текст с изм. и доп. на 28 окт. 2021 г. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110315/ (дата обращения: 11.04.2025).

² Об административных правонарушениях в Республике Калмыкия : Закон Республики Калмыкия от 19 ноября 2012 г. № 384-IV-3 : текст с изм. и доп. на 24 марта 2025 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : сайт. URL: <https://docs.cntd.ru/document/453122892> (дата обращения: 07.05.2025).

³ Кодекс Костромской области об административных правонарушениях : Закон Костромской области от 20 апреля 2019 г. № 536-6-ЗКО : текст с изм. и доп. на 25 февр. 2025 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : сайт. URL: <https://docs.cntd.ru/document/553263650> (дата обращения: 07.05.2025).

тивных правонарушениях»¹ норма об административном правонарушении сформулирована как нарушение общественного порядка, выразившееся в отправлении естественных надобностей человека либо плевание в общественных местах, к которым относятся, помимо прочего, детские площадки, территории образовательных учреждений и т. д., однако, по нашему мнению, данные действия образуют состав ст. 20.1 КоАП РФ и их следует рассматривать как хулиганские, выражающие явное неуважение к обществу.

По мнению И. Д. Бредихина, в целях приведения регионального законодательства об административной ответственности в соответствие с требованиями инструментально-правового качества с точки зрения его точности и непротиворечивости необходимо исключить подобные спорные деликты (семейно-бытовое дебоширство, отправление естественных надобностей в не предусмотренных для этого местах, нанесение непристойных надписей и рисунков на зданиях и в общественных местах) из его состава [8, с. 11 – 12].

На наш взгляд, следует согласиться с данной точкой зрения, поскольку наличие схожих, а иногда и дублирующих составов административных правонарушений на федеральном и региональном уровнях создает трудности для правоприменителя при квалификации содеянного.

Также прокурорам необходимо обратить внимание на введенный не так давно федеральным законом запрет продажи несовершеннолетним безалкогольных тонизирующих (энергетических) напитков, что ставит под сомнение право региональных законодателей устанавливать административную ответствен-

ность за подобные противоправные деяния.

В частности ст. 4.7 Закона Ивановской области от 24 апреля 2008 года № 11-ОЗ «Об административных правонарушениях в Ивановской области»² прямо устанавливает административную ответственность за розничную продажу безалкогольных тонизирующих (энергетических) напитков лицам, не достигшим восемнадцатилетнего возраста.

Согласно ст. 4 Федерального закона от 8 августа 2024 года № 304-ФЗ «О запрете продажи безалкогольных тонизирующих напитков (в том числе энергетических) несовершеннолетним и о внесении изменения в статью 44 Федерального закона „Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации“»³ законами субъектов Российской Федерации могут предусматриваться только запреты и ограничения относительно времени и места продажи безалкогольных тонизирующих (энергетических) напитков, как, например, регламентировано ст. 28.1 Закона Республики Алтай от 10 ноября 2015 года № 69-РЗ «Об административных правонарушениях в Республике Алтай»⁴.

² Об административных правонарушениях в Ивановской области : Закон Ивановской области от 24 апреля 2008 г. № 11-ОЗ : текст с изм. и доп. на 28 дек. 2024 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : сайт. URL: <https://docs.cntd.ru/document/906408072> (дата обращения: 07.05.2025).

³ О запрете продажи безалкогольных тонизирующих напитков (в том числе энергетических) несовершеннолетним и о внесении изменения в статью 44 Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» : Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 304-ФЗ // Российская газета. 2024. 16 авг.

⁴ Об административных правонарушениях в Республике Алтай : Закон Республики Алтай от 10 ноября 2015 г. № 69-РЗ : текст с изм. и доп. на 10 марта 2025 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : сайт. URL: <https://docs.cntd.ru/document/430657883> (дата обращения: 07.05.2025).

¹ Об административных правонарушениях : Закон Ярославской области от 3 декабря 2007 г. № 100-з : текст с изм. и доп. на 19 нояб. 2024 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : сайт. URL: <https://docs.cntd.ru/document/934020958> (дата обращения: 07.05.2025).

В то же время в силу ст. 1 названного Федерального закона от 8 августа 2024 года № 304-73 запрет продажи таких напитков лицам, не достигшим возраста восемнадцати лет, отнесен к исключительному ведению Российской Федерации, тем самым не может быть установлена административная ответственность за такие деликты на региональном уровне.

Решение обозначенной проблемы видится нам в закреплении подобного состава административного правонарушения в КоАП РФ, тем более что такой законопроект уже внесен в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации и принят в первом чтении.

Следует отметить, что часть составов административных правонарушений имеют отсылку к региональным или муниципальным нормативным правовым актам, содержащим, помимо прочего, нормы, направленные на защиту прав и интересов несовершеннолетних (правила благоустройства территорий, например, ст. 3.2 Закона Краснодарского края от 23 июля 2003 года № 608-КЗ «Об административных правонарушениях», правила охраны жизни людей на водных объектах, например, ч. 6 ст. 8.5 Закона Костромской области от 20 апреля 2019 года № 536-6-ЗКО «Кодекс Ко-

стромской области об административных правонарушениях»).

Как отмечает А. В. Руденко, большой объем правоотношений, регламентированных предметным законодательством субъектов Российской Федерации, требующих защиты мерами административной ответственности, не позволяет региональным законодателям использовать постатейный способ установления административных деликтов, поскольку это приведет к созданию весьма большого количества составов административных правонарушений и затруднит процесс производства по таким делам [9, с. 72–81].

Данное обстоятельство требует от прокуроров проверки не только законов об административной ответственности, но и иного регионального законодательства, нарушение положений которого служит основанием для привлечения виновных лиц к административной ответственности.

Проведенное нами исследование позволяет говорить о наличии поводов для прокурорского вмешательства, тем самым подтверждает актуальность деятельности прокуроров по обеспечению соответствия регионального законодательства в сфере защиты прав несовершеннолетних положениям Конституции Российской Федерации и требованиям федерального законодательства.

Список источников

1. Надыгина Е. В., Лесникова А. М. Законодательство субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях: актуальные проблемы // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 3 (2). С. 160–166.
2. Старостин Б. А. Административная ответственность по законодательству субъектов Российской Федерации : специальность 12.00.14 «Административное право; административный процесс» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Старостин Борис Алексеевич. Москва, 2013. 28 с.

¹ См. подробнее: Законопроект № 791244-8 «О внесении изменений в КоАП РФ (об установлении ответственности за продажу несовершеннолетним безалкогольных тонизирующих напитков)» // Система обеспечения законодательной деятельности : сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/791244-8> (дата обращения: 07.05.2025).

3. Князев С. Д. Еще раз о кодификации законодательства об административной ответственности в контексте правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации // Административное право и процесс. 2022. № 2. С. 6 – 14.

4. Филант К. Г. Законодательство субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях в системе административно-деликтного права : специальность 12.00.14 «Административное право, финансовое право, муниципальное право» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Филант Константин Геннадьевич. Екатеринбург, 2006. 28 с.

5. Клепиков С. Н. Законодательная деятельность субъектов Российской Федерации в области установления административной ответственности : специальность 12.00.14 «Административное право, финансовое право, информационное право» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Клепиков Сергей Николаевич. Воронеж, 2003. 24 с.

6. Антонов А. А. Законодательство субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях : специальность 12.00.14 «Административное право, финансовое право, информационное право» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Антонов Алексей Алексеевич. Омск, 2006. 19 с.

7. Васильева Я. В. Совершенствование законодательства субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях: по материалам Северо-Западного федерального округа) : монография. Москва : Юриспруденция, 2018. 191 с.

8. Бредихин И. Д. Административно-деликтное законодательство субъектов Российской Федерации в сфере охраны общественного порядка : специальность 12.00.14 «Административное право, финансовое право, информационное право» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Бредихин Игорь Дмитриевич. Воронеж, 2012. 24 с.

9. Руденко А. В. Соблюдение правовой определенности в законодательстве субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях в решениях Верховного Суда Российской Федерации // Lex russica. 2018. № 6. С. 72 – 81.

Информация об авторе

А. А. Ершов – аспирант Университета прокуратуры Российской Федерации.

Information about the author

A. A. Ershov – Postgraduate Student of the University of prosecutor's office of the Russian Federation.

Научная статья
УДК 342.9

ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ КОНТРОЛЯ И НАДЗОРА В СФЕРЕ ПРОМЫШЛЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Марина Борисовна КАБАНОВА

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, 9578942@mail.ru*

Аннотация. В статье предпринята попытка выявить содержание, ключевые признаки соотношения контроля и надзора, субъекты осуществления, формы и методы применительно к промышленной безопасности, чтобы разграничить разнопорядковые социально-правовые явления. В ходе исследования выделены основные признаки контроля, проверочной деятельности и уточнены понятия контроля и административного надзора как части государственного управления.

Автором проведен анализ правовой основы контрольно-надзорной деятельности государственных органов в сфере промышленной безопасности.

Ключевые слова: контроль, надзор, государственный контроль, промышленная безопасность, Федеральная служба по экологическому, технологическому и атомному надзору (Ростехнадзор), органы государственного контроля

Для цитирования: Кабанова М. Б. Проблемы разграничения контроля и надзора в сфере промышленной безопасности // КриминалистЪ. 2025. № 2 (51). С. 121 – 128.

Original article

ISSUES OF DEMARCATION BETWEEN CONTROL AND SUPERVISION IN THE SPHERE OF INDUSTRIAL SAFETY

Marina B. KABANOVA

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, 9578942@mail.ru

Abstract. The article attempts to identify the substantive content, key characteristics of the relationship between control and supervision, as well as the subjects of their implementation, forms, and methods applicable to industrial safety in order to demarcate these distinct socio-legal phenomena. The research outlines the primary features of control and inspection activities and clarifies the concepts of control and administrative supervision as components of public administration.

The author has conducted an analysis of the juridical foundation governing the control and supervisory activities carried out by state authorities in the sphere of industrial safety.

Keywords: control, supervision, state control, industrial safety, Federal Service for Environmental, Technological and Nuclear Supervision (Rostekhnadzor), state control bodies.

For citation: Kabanova M. B. Issues of demarcation between control and supervision in the sphere of industrial safety. Criminalist. 2025;2(51):121-128. (In Russ.).

Характеристика правовых основ контроля и надзора в сфере обеспечения промышленной безопасности невозможна без предварительного рассмотрения их как социально-правовых категорий. До настоящего времени российская правовая наука, несмотря на многочисленные исследования, не предложила единого подхода к пониманию феноменов контроля и надзора в публичном управлении, четких критериев их соотношения и разграничения. Существующие научные положения в значительной мере повторяют разработки советского административного права [1, с. 6], которые в связи с глубокими изменениями, в первую очередь в социально-экономической сфере, сужением государственно-администрирования в экономике [2, с. 7], в том числе определением на этой основе в ходе реформы новых подходов к организации контроля и надзора в отношении организационно не подчиненных объектов, отчасти не согласуются с современными тенденциями публичного управления, его формами и методами.

В литературе верно отмечается, что «законодатель фактически игнорирует наработки ученых по проблеме разграничения терминов „контроль“, „надзор“, по-прежнему употребляет их в качестве однопорядковых (синонимов)» [3, с. 199, 200]. В результате у правоприменителя нет законодательных оснований для того, чтобы понять, где заканчивается контроль и начинается надзор, чем они отличаются друг от друга, кто является (должен являться) субъектом их осуществления [4, с. 693]. Считаем необходимым проанализировать существующие подходы, выработать ключевые признаки контроля и надзора, их соотношение, определить субъекты осуществления, формы и методы, чтобы разграничить разнопорядковые социально-правовые явления строго на научной основе, поскольку «без надле-

жащего научного обеспечения не может быть и надлежащего законодательства» [5, с. 568].

Контроль традиционно считается функцией управления, общей стадией управленческого цикла, формой управленческой деятельности, позволяющей контролирующему получить достоверную информацию о положении дел на объекте контроля. Являясь функцией, обязательным атрибутом социального управления, «контроль не может быть подчинен решению задач, выходящих за рамки управления» [6, с. 14]. Содержанием контрольной функции охватывается: констатация, т. е. установление фактического состояния дел; анализ, т. е. сравнение фактического состояния дел с заданным режимом; разработка мероприятий по улучшению и корректировке процесса управления, принятия мер к их реализации [7, с. 23; 2, с. 21].

Как функция государственного органа контроль — это «непрерывно повторяющийся цикл последовательно осуществляемых управленческих действий и процедур» [4, с. 696]. Значимыми признаками, характеризующими контроль именно как управленческую категорию и управленческую деятельность, функцию административной власти, по мнению Д. Н. Бахраха, выступают следующие: «наличие организационной (прямой) подчиненности... возможность вмешательства в оперативную деятельность субъектов, несущих ответственность за ее последствия» [8, с. 356–357].

Как часть управляющего воздействия, осуществляемого субъектом управления, контроль предполагает наличие субординации, т. е. начал власти — подчинения, что накладывает свой отпечаток на его содержание. При этом совершенно очевидно, что «специфика внутренних и внешних отношений социально-правовой среды, составляющих единый предмет правового регулирования» [9, с. 53, 65], требует также различных

способов контроля поведения их участников [10, с. 51]. С учетом содержания и видов функций управленческой деятельности применительно к внутриорганизационным (аппаратным) отношениям контроль выступает администрированием [11, с. 22], формой их реализации [4, с. 695].

Контроль может осуществляться в разнообразных формах: в виде проверок, ревизий, обследований, экспертиз, наблюдения, рейдов, смотров и др., в плановом (для проверяемых) порядке и внезапно [12, с. 108]. Эти же проверочные средства (методы) присущи и административному надзору, поэтому в современный период развития законодательства рассуждать о разграничении контроля и надзора «в зависимости от специфики используемых методов и правовых форм воздействия» [2, с. 52] вряд ли обоснованно. По итогам получения сведений о функционировании системы «контроль не ограничивается фиксацией достигнутых результатов, он дополняется управленческим воздействием, направленным на устранение недостатков» [10, с. 51]. С контролем как элементом организации также тесно связана функция проверки исполнения управленческого решения, предложений, рекомендаций, указаний (последующий контроль) [12, с. 100].

Общность социально-правовой природы контроля и надзора не означает их тождественность в организационном и юридическом отношении [13, с. 8]. В видении С. М. Зырянова, «в основе разграничения государственного контроля и административного надзора лежит характер отношений между субъектом и объектом» [10, с. 51]. Данную позицию возможно дополнить указанием на объект, предмет (круг проверяемых вопросов) и цели контроля (надзора), используемые средства, юридические и организационные последствия. Также в ходе контроля «субъект контроля само-

стоятельно определяет управленческие формы своей деятельности» [14, с. 425], чего нет при надзоре.

Контроль, с учетом особенностей его современной регламентации законодателем, может осуществляться в отношении не подчиненных субъекту управления объектов (лиц). При этом в законодательстве элементы (средства) контроля и надзора дополняют друг друга, и зачастую в проверочной деятельности достаточно сложно выделить только признаки надзора либо контроля. Анализ правовой основы контрольно-надзорной деятельности Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору (Ростехнадзор)¹ дает основания говорить об участии данного органа в различных видах проверочной деятельности как социально-правового, так и технического характера.

Иные государственные органы, осуществляющие контроль (надзор) в сфере промышленной безопасности (Министерство обороны Российской Федерации, Федеральная служба безопасности Российской Федерации, Федеральная служба охраны Российской Федерации, Служба внешней разведки Российской Федерации, Главное управление специальных программ Президента Российской Федерации, Федеральная служба исполнения наказаний), помимо разрешительных функций осуществляют государственный контроль в отношении объектов и организаций, входящих в их систему, и их должностных лиц и административный надзор (за исключением Главного управления специальных про-

¹ Об утверждении перечней нормативных правовых актов (их отдельных положений), содержащих обязательные требования, оценка соблюдения которых осуществляется в рамках государственного контроля (надзора), привлечения к административной ответственности: Приказ Ростехнадзора от 2 марта 2021 г. № 81 : текст с изм. и доп. на 1 апр. 2025 г. Приложение № 1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

грамм Президента Российской Федерации) в отношении организаций и индивидуальных предпринимателей¹. Такой функциональный дуализм обусловлен в первую очередь особенностями объектов, на которых необходимо обеспечить промышленную безопасность, а также спецификой деятельности указанных органов по обеспечению исполнения федерального законодательства о государственном контроле и надзоре. На основании положений Федерального закона от 21 июля 1997 года № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных про-

изводственных объектов»² рассматриваемая деятельность в ведомственных актах, в том числе принятых в отношении непосредственно подчиненных органов и организаций, именуется надзором, что исходя из ее содержания и признаков не совсем верно.

По нашему мнению, основными признаками контроля как составного элемента публичного управления выступают следующие: это организационно-правовая категория, характеризующая различные виды проверочной деятельности; общая функция управления, элемент его структуры; вид исполнительно-распорядительной (административной) деятельности органов власти и управления, их руководителей; объект контроля — широкий спектр видов деятельности проверяемого, включая методическое руководство и координацию; его содержанием выступает проверка законности и целесообразности деятельности контролируемого; по предметному критерию может быть общим, когда проверяется вся деятельность объекта, выборочным и специальным (функциональным); внешневластные или внутриорганизационные отношения линейного (начальник — подчиненный) или функционального характера (проверяющий — проверяемый), построенные на началах субординации или координации, предполагающие исходя из принципа целесообразности возможность вмешательства в административно-хозяйственную (оперативную) деятельность проверяемого; осуществляется как в правовых, так и организационных формах; обязательность для контролируемого выполнения требований контролирующего; в ходе контроля вышестоящим руководителем могут отменяться акты управле-

¹ Об утверждении Порядка организации и осуществления федерального государственного надзора в области промышленной безопасности на объектах Главного управления специальных программ Президента Российской Федерации и в организациях, подведомственных Главному управлению специальных программ Президента Российской Федерации : Приказ ГУСП Президента Российской Федерации от 3 августа 2023 г. № 110. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; Об утверждении Положения об организации и осуществлении федерального государственного надзора в области промышленной безопасности на опасных производственных объектах Министерства обороны Российской Федерации : Приказ Министра обороны Российской Федерации от 8 февраля 2022 г. № 75. Доступ из справ.-правовой «КонсультантПлюс» ; Об утверждении Порядка организации и осуществления федерального государственного надзора в области промышленной безопасности на объектах органов федеральной службы безопасности и в организациях, находящихся в ведении ФСБ России : Приказ ФСБ России от 25 февраля 2022 г. № 76. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; Об утверждении Порядка организации и осуществления федерального государственного надзора в области промышленной безопасности на объектах Службы внешней разведки Российской Федерации и в организациях, подведомственных Службе внешней разведки Российской Федерации : Приказ СВР России от 16 марта 2022 г. № 22. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; Об утверждении Порядка организации и осуществления федерального государственного надзора в области промышленной безопасности на объектах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации : Приказ ФСИН России от 30 декабря 2021 г. № 1192. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О промышленной безопасности опасных производственных объектов : Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 116-ФЗ : текст с изм. и доп. на 8 авг. 2024 г. Доступ из справ.-правовой «КонсультантПлюс».

ния контролируемого; по результатам контроля осуществляется обеспечение правопорядка и законности, установленного порядка (режима) деятельности (функционирования), также могут применяться меры правового и организационного воздействия в целях пресечения нарушений, устранения их последствий и недостатков, возмещения вреда, совершенствования работы; за вмешательство в оперативную деятельность контролируемого и результаты контроля проверяющий, уполномоченный руководитель несут персональную (дисциплинарную) ответственность.

При таком понимании контроль — это основная функция субъектов управления по проверке различных вопросов деятельности организационно или функционально подчиненных объектов (субъектов) в целях обеспечения правопорядка и законности, совершенствования работы с возможностью вмешательства в административно-хозяйственную деятельность, применения мер правового и организационного воздействия.

В качестве ключевых признаков административного надзора в сфере промышленной безопасности можно выделить следующие: это не общая, а специальная функция управления; это вид правоохранительной деятельности; объектом надзора выступают четко определенные законодателем виды (направления) деятельности поднадзорных; его содержанием выступает только законность деятельности проверяемого и только по строго определенным вопросам (отсутствие, предотвращение нарушений обязательных требований); осуществляется уполномоченными органами исполнительной власти в специальных процедурах в целях обеспечения конституционно значимых ценностей, стимулирования соблюдения обязательных требований, минимизации риска причинения вреда; субъекты, осуществляющие надзор, не заинтересованы

в результатах управленческой и хозяйственной деятельности проверяемого, ее эффективности и целесообразности; это внешневластные, а в установленных правовыми нормами случаях — внутри-организационные отношения функционального характера; по результатам надзора осуществляется обеспечение правопорядка и законности, порядка деятельности, соблюдения обязательных требований; к лицам, допустившим нарушения, субъектами надзора применяются меры государственного (административного) принуждения и юридической ответственности.

Соответственно, исходя из особенностей его современной регламентации нормами права, административный надзор в сфере промышленной безопасности — регламентированная нормами законодательства юридическая деятельность уполномоченных субъектов публичного управления по предупреждению, выявлению и пресечению в ходе контрольно-надзорных мероприятий нарушений обязательных требований промышленной безопасности эксплуатирующими опасные производственные объекты организациями и индивидуальными предпринимателями в целях обеспечения защиты конституционно значимых ценностей, предотвращения аварий и инцидентов.

В настоящее время значительная часть представителей правовой науки характеризуют деятельность уполномоченных органов по контролю и (или) надзору в отношении неподчиненных объектов (контрольно-надзорную деятельность) как вид административного процесса [15, с. 166 — 201; 16, с. 706 — 707; 17, с. 27 — 28; 18, с. 10, 13, 19; 19, с. 17; 20, с. 203; 21, с. 12 — 13; 22, с. 122 — 172]. Анализ имеющихся источников позволяет заключить, что контроль и надзор не предполагают правоприменение¹,

¹ О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти : Указ Президен-

т. е. реализацию норм материального права на основе надлежащего типа правового регулирования [23, с. 154]. В нашем видении, надзор — это форма проверочной деятельности, одно из проявлений контроля.

Отличительной чертой правовой основы государственного контроля и надзора является наличие проблем теоретико-методологического характера в части формирования понятийно-категориального аппарата. Анализ легального определения государственного контроля (надзора) в ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 31 июля 2020 года № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»¹ позволяет нам выделить следующие признаки проверочной деятельности: это деятельность контрольных (надзорных) органов в пределах их полномочий; осуществляется в определенных формах (управленческих процедурах); направлена на предупреждение (профилактику), выявление и пресечение нарушений обязательных требований, устранение их последствий; обуславливает оценку соблюдения обязательных требований; предполагает возможность применения мер пресечения нарушения обязательных требований (принуждения).

Интересный подход к разграничению отношений контроля и надзора, в зависимости от их направленности — восстановление законности (надзор) или обеспечение законности (контроль), предложил С. Е. Чаннов [24, с. 180].

По мнению Конституционного Суда Российской Федерации, правовое регу-

та Российской Федерации от 9 марта 2004 г. № 314 : текст с изм. и доп. на 27 марта 2023 г. Подп. «б» п. 2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации : Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ : текст с изм. и доп. на 28 дек. 2024 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

лирование контроля и надзора «должно соответствовать юридической природе и характеру общественных отношений, складывающихся в этой сфере»². При этом обратим внимание на наличие значительного количества нормативных правовых актов, претерпевших в последнее время содержательные изменения, в том числе в связи с изменениями государственной политики в сфере промышленной безопасности³, реформированием системы контроля и надзора («регуляторной гильотины»).

Правовую базу обеспечения промышленной безопасности составляет обширный массив законодательных нормативных правовых актов и ведомственных актов, обладающих нормативными свойствами. На сферу правового обеспечения промышленной безопасности также распространяется законодательство Российской Федерации о техническом регулировании, о недропользовании, об охране окружающей среды, об экологической экспертизе, об обеспечении пожарной безопасности, об особенностях социальной защиты работников опасных производственных объектов и некоторое другое. Поэтому рассуждать о наличии здесь обособленного и самостоятельного законодательства пока не представляется возможным. Как минимум здесь не исключена унификация законодательства, и в силу

² По делу о проверке конституционности положений абзаца четырнадцатого статьи 3 и пункта 3 статьи 10 Федерального закона «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при проведении государственного контроля (надзора)» в связи с жалобой гражданина В. В. Михайлова : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2008 г. № 10-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Об Основах государственной политики Российской Федерации в области промышленной безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу : Указ Президента Российской Федерации от 6 мая 2018 г. № 198. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

невозможности обособления законодательства о промышленной безопасности допустимо статуйирование его в качестве части законодательства о безопасности производственной деятельности (промышленной сферы).

Исходя из изложенного, государственный контроль и административный надзор как дополняющие друг друга средства государственной политики в области промышленной безопасности,

проявления правоохраны, оперативно-исполнительной деятельности имеют общую социально-правовую природу и различные предназначение, предмет, содержание, формы и методы, субъекты осуществления, юридические и организационные последствия. Вместе с тем в нормативных правовых актах, их регламентирующих, отсутствуют четкие критерии их разграничения.

Список источников

1. Мартынов А. В. Административный надзор в России. Теоретические основы построения : монография / под ред. Ю. Н. Старилова. Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 184 с. (Научные издания для юристов).
2. Бессарабов В. Г. Государственный контроль и прокурорский надзор в России : монография. Москва : Юрлитинформ, 2019. 243, [2] с. (Теория и история государства и права).
3. Беляев В. П. Контроль и надзор: проблемы разграничения // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 4 (77). С. 199 – 207.
4. Аврутин Ю. Е. Парадоксы контрольно-надзорной деятельности публичной администрации в контексте «ручного управления» // Аврутин Ю. Е. Избранные труды. Размышления о государстве и государственной власти, законности и правопорядке, публичном управлении и административном праве. Санкт-Петербург : Юрид. центр, 2017. 720 с. (Антология юридической науки).
5. Аврутин Ю. Е. «Законотворческий зуд» и «доктринальная неопределенность»: что больше вредит модернизации административного и административно-процессуального законодательства? // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права : материалы ежегодной Всерос. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 20 марта 2015 г. В 3 ч. Ч. 1 / С.-Петерб. ун-т МВД России. Санкт-Петербург : С.-Петерб. ун-т МВД России, 2015. С. 11 – 26.
6. Правовое регулирование финансового контроля. Виды, формы и методы финансового контроля и надзора : учеб. для магистратуры / Л. Л. Арзуманова, О. В. Болтинова, Е. Ю. Грачева [и др.] ; отв. ред. Е. Ю. Грачева. 2-е изд., доп. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2022. 208 с.
7. Шорина Е. В. Контроль за деятельностью органов государственного управления в СССР. Москва : Наука, 1981. 301 с.
8. Бахрах Д. Н. Административное право России : учебник. 6-е изд. пераб. и доп. Москва : Эксмо, 2011. 622 с. (Российское юридическое образование).
9. Сорокин В. Д. Правовое регулирование: предмет, метод, процесс (макроуровень). Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2004. 661 с.
10. Правовое регулирование государственного контроля : монография / Н. К. Абузярова, А. Ю. Акимов, Т. В. Ашиткова [и др.] ; отв. ред. А. Ф. Ноздрачев. Москва : Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2012. 479 с.
11. Аврутин Ю. Е. О парадоксах парадигмы публичного управления в теории государственного управления и в административном праве // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права : сб. ст. по материалам ежегодной Всерос. науч.-практ. конф. (Сорокинские чтения), Санкт-Петербург, 15 марта 2016 г. В 3 т. Т. 1 / С.-Петерб. ун-т МВД России ; под ред. Ю. Е. Аврутина, А. И. Каплунова. Санкт-Петербург : С.-Петерб. ун-т МВД России, 2016. 250 с.
12. Шорина Е. В. Процедуры контрольной деятельности // Управленческие процедуры / Б. М. Лазарев, И. Ш. Муксинов, А. Ф. Ноздрачев [и др.] ; отв. ред. Б. М. Лазарев. Москва : Наука, 1988. 271, [1] с.

13. Стерлинг М. Р. Правовое регулирование организации контрольной и надзорной деятельности федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации : специальность 12.00.14 «Административное право, финансовое право, информационное право» : дис. ... канд. юрид. наук / Стерлинг Михаил Робертович. Санкт-Петербург, 2004. 195 с.
14. Мартынов А. В., Старилова Ю. Н. Проблемы правового регулирования административного надзора в России: административно-процессуальное исследование : монография. Москва : Nota Bene, 2010. 546 с.
15. Беляев В. П., Беляева Г. С., Сорокина В. В. Надзор как процессуальная форма юридической деятельности: вопросы теории : монография. Москва : Юрлитинформ, 2015. 214, [1] с. (Теория и история государства и права).
16. Общее административное право. Учебник. В 2 ч. Ч. 1 / П. Н. Бирюков, Т. М. Белкина, К. В. Давыдов [и др.] ; под ред. Ю. Н. Старилова ; Воронеж. гос. ун-т. 2-е изд., пересмотр. и доп. Воронеж: Изд. дом ВГУ, 2016. 759 с.
17. Стахов А. И. Административное надзорно-контрольное производство : учеб. пособие. Москва : Российский гос. ун-т правосудия, 2016. 103 с.
18. Зубарев С. М. Система контроля в сфере государственного управления : монография. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2023. 150, [1] с.
19. Зырянов С. М. Административный надзор органов исполнительной власти : специальность 12.00.14 «Административное право, финансовое право, информационное право» : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Зырянов Сергей Михайлович. Москва, 2010. 497 с.
20. Административный процесс Российской Федерации : учебник / Московский гос. юрид. ун-т им. О. Е. Кутафина (МГЮА) ; отв. ред. Л. Л. Попов. Москва : Проспект, 2017. 350 с.
21. Никонова Ю. Ш. Административно-процессуальное регулирование государственного контроля (надзора) в сфере внутренних дел : специальность 12.00.14 «Административное право, финансовое право, информационное право» : дис. ... канд. юрид. наук / Никонова Юлия Шарифулловна. Екатеринбург, 2018. 220 с.
22. Административный процесс по делам, возникающим из контрольно-надзорных правоотношений : монография / Д. М. Мустафина-Бредихина, К. А. Писенко, А. И. Стахов [и др.] ; Российский гос. ун-т правосудия. Москва : РГУП, 2023. 372 с.
23. Сорокин В. Д. Административно-процессуальные производства // Юридическая процессуальная форма. Теория и практика / В. М. Горшенев, П. Е. Недбайло, В. С. Основин [и др.] ; под общ. ред. П. Е. Недбайло, В. М. Горшенева. Москва : Юрид. лит., 1976. 278 с.
24. Чаннов С. Е. Контрольно-надзорная деятельность как самостоятельный способ обеспечения законности // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 2 (109). 178—183.

Информация об авторе

М. Б. Кабанова — старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Information about the author

M. B. Kabanova — Senior Lecturer at the Department of public law disciplines, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation.

Научная статья
УДК 347.963

ЗАЩИТА ПРОКУРОРОМ ПРАВА ОСУЖДЕННЫХ НА ДОСТУП К ИНФОРМАЦИИ

Алексей Андреевич КУЛЬПИН

*Прокуратура Выборгского района Санкт-Петербурга, Санкт-Петербург, Россия,
alex.kulp@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы реализации права осужденных на доступ к информации в период отбывания наказания в местах лишения свободы. Раскрывается роль органов прокуратуры в осуществлении надзора за соблюдением права осужденных на информацию. Формулируются предложения по совершенствованию механизмов реализации осужденными данного права с учетом развития современных технологий и международного опыта.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, прокурор, прокурорский надзор, право на информацию, доступ к информации, цифровизация, медиасреда

Для цитирования: Кульпин А. А. Защита прокурором права осужденных на доступ к информации // КриминалистЪ. 2025. № 2 (51). С. 129 – 136.

Original article

PROSECUTORIAL PROTECTION OF CONVICTED PERSONS' RIGHT TO ACCESS INFORMATION

Alexey A. KULPIN

*Prosecutor's Office of the Vyborgsky district of St. Petersburg, St. Petersburg, Russia,
alex.kulp@yandex.ru*

Abstract. The article examines the issues of implementing convicted persons' right to access information during their imprisonment in correctional facilities. It reveals the role of the prosecutor's offices in supervising compliance with prisoners' right to information. Proposals are formulated to improve the mechanisms for implementing convicted individuals' right, taking into account the development of modern technologies and international experience.

Keywords: penal system, prosecutor, prosecutorial supervision, right to information, access to information, digitalization, media environment

For citation: Kulpin A. A. Prosecutorial protection of convicted persons' right to access information. Criminalist. 2025;2(51):129-136. (In Russ.).

Охрана прав и свобод граждан, подвергаемых мерам уголовно-правового характера, в местах принудительного содержания является важнейшей составля-

ющей демократического правопорядка и законности. Эффективность функционирования пенитенциарной системы во многом определяется степенью обе-

© Кульпин А. А., 2025

спечения правовых гарантий лиц, отбывающих различные виды уголовных наказаний в учреждениях уголовно-исполнительной системы.

Выступая на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, посвященном подведению итогов деятельности органов прокуратуры в 2023 году и определению приоритетных задач на 2024 год, Президент Российской Федерации В. В. Путин обозначил важнейшие направления работы по укреплению законности и правопорядка. В частности, глава государства указал на необходимость обеспечения и защиты прав лиц, содержащихся в местах лишения свободы, а также подчеркнул, что органы прокуратуры должны и впредь пристально следить за условиями отбывания наказаний в исправительных учреждениях в целях недопущения нарушений установленных законом прав осужденных¹.

Согласно Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 года, усиление гарантий соблюдения прав осужденных и лиц, содержащихся под стражей, рассматривается в качестве стратегического приоритета первостепенной важности². Эффективные надзор и контроль в данной сфере со стороны уполномоченных государственных институтов позволяют не только выявлять и устранять конкретные нарушения в процессе отбывания наказаний, но и последовательно совершенствовать действующие правовые механизмы и административные регламенты исполнения уголовных наказаний.

¹ Путин потребовал усилить контроль за соблюдением прав заключенных // Газета.ru : сайт. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2024/03/26/22635973.shtml> (дата обращения: 14.11.2024).

² О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года : Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 апреля 2021 г. № 1138-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

При этом, как справедливо отмечается в юридической литературе, реализация права на информацию приобретает особое значение для осужденных, поскольку обеспечивает их осведомленность об общественно-политических процессах, поддерживает связь с внешним миром и тем самым содействует исправлению и ресоциализации [1, с. 73]. Вместе с тем в условиях пенитенциарных учреждений возможность доступа заключенных к информации объективно ограничена, что обуславливает особую ответственность государства за создание надлежащих условий для реализации данного права с учетом законных ограничений, связанных с отбыванием наказания.

Осуществление прокурорского надзора за соблюдением прав осужденных в исправительных учреждениях предполагает тщательную проверку жалоб и заявлений о фактах их нарушения. Особого внимания требуют обращения об ограничении по режимным соображениям доступа осужденных к информации, установленного ст. 12 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее — УИК РФ). Подобные факты недопустимы и являются грубым нарушением закона. Так, результаты изучения правоприменительной практики свидетельствуют о том, что, руководствуясь указаниями Генеральной прокуратуры Российской Федерации, прокуроры реагируют на каждое подобное обращение посредством проведения прокурорских проверок и принятия мер прокурорского реагирования в целях восстановления нарушенных прав, привлечения виновных к ответственности и недопущения подобных нарушений впредь.

Особенно актуальным это стало после запрета высшей судебной инстанцией прокурорам требовать от колоний оборудовать штрафные изоляторы радиоприемниками из-за нехватки средств.

В частности, рассматривая вопрос обеспечения доступа осужденных к радиовещанию по иску Владимирской прокуратуры по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях (после оставления администрацией колонии без рассмотрения представления прокурора), Верховный Суд Российской Федерации исходил из того, что невозможность установки радиоточек в отдельных помещениях исправительного учреждения обусловлена не халатностью его администрации, а отсутствием целевого финансирования (данное обстоятельство носит объективный характер и не зависит от воли руководства колонии, не имеющего полномочий самостоятельно решать вопросы распределения бюджетных средств)¹.

Не менее иллюстративен следующий пример. Рассматривая вопрос реализации права осужденных на доступ к информации посредством телевизионных передач, Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что установленный порядок просмотра телепередач в исправительных учреждениях сам по себе не налагает каких-либо неправомерных ограничений в данной сфере. Просмотр телепередач осуществляется осужденными в свободное от работы время, при этом администрация не вправе произвольно лишать их такой возможности². По смыслу позиции суда,

в распорядке дня исправительного учреждения обязательно должно предусматриваться время для просмотра телепрограмм, причем его продолжительность не должна быть меньше установленных нормативов, гарантирующих реализацию данного права осужденными.

Солидаризируясь с позициями высших судов, полагаем необходимым отметить, что в современных условиях положение ч. 4 ст. 94 УИК РФ о праве осужденных на получение информации посредством радиовещания и телевидения представляется анахронизмом. Данная норма была введена в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации еще в 1997 году и отражала реалии того времени, когда традиционные средства массовой информации, такие как печатные издания, радио и телевидение, исторически играли роль основных источников информации о мире и определяли мировоззрение большей части общества. Однако в настоящее время в условиях становления информационного общества их значимость в качестве каналов трансляции данных несколько девальвировалась. Наряду с ними ведущую роль в распространении информации приобрели информационно-коммуникационные технологии, а также функционирующие на их основе информационные сети, прежде всего Интернет. В этой связи полагаем, что предоставление осужденным права на доступ к прослушиванию радиопередач в исправительном учреждении (несмотря на существующие ограничения) уже не обеспечивает их право на получение информации.

Отметим, что совершенствование отечественной уголовно-исполнительной системы невозможно без учета мировых практик в данной сфере. Как верно подчеркивает М. Н. Кустов, Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 года определяет в качестве приоритета

¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 6 июня 2023 г. по делу № 86-КГ23-3-К2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Рэсколтэ Сергея Андреевича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 82, частью второй статьи 94, частью первой статьи 109, частями первой и второй статьи 110 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, а также пунктом 1 и подпунктом 4 пункта 7 Положения о Федеральной службе исполнения наказаний: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2021 г. № 2640-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

развитие международного взаимодействия Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН России) с пенитенциарными ведомствами других стран [2, с. 193]. Обозначенный вектор предполагает изучение международного опыта с последующей адаптацией перспективных практик к российским реалиям и внедрением в отечественную систему исполнения наказаний. Думается, что такой подход призван вывести российскую уголовно-исполнительную систему на качественно новый уровень, соответствующий международным стандартам, принимая во внимание национальную специфику.

Наиболее актуальным направлением в настоящее время в рассматриваемой сфере является реализация права осужденных на доступ к информации с учетом достижений цифровых технологий. Так, еще в 2009 году Федеральное бюро тюрем США внедрило платную систему электронных коммуникаций осужденных «TRULINCS», которая позволяет обмениваться текстовыми сообщениями по защищенным каналам с лицами на свободе, хотя переписка и контролируется администрацией исправительных учреждений¹.

Интересным также представляется опыт Исландии, где в исправительных учреждениях открытого типа осужденным разрешен ограниченный доступ к Интернету с запретом посещения социальных сетей и порноресурсов. При этом ведется мониторинг активности заключенных в Сети. В закрытых тюрьмах доступ к Интернету запрещен, однако администрация мягко реагирует на единичные попытки обхода запрета вплоть до выявления фактов противоправного поведения осужденных в киберпространстве [3, с. 48].

¹ What is TRULINCS? // Inmateseducation.com — Закон и образование для заключенных : сайт. URL: <https://www.inmateseducation.com/trulincs/> (дата обращения: 01.09.2024).

В России для осужденных доступ в сеть «Интернет» по-прежнему ограничен в соответствии как с Приложением № 3 к Приказу Министерства юстиции Российской Федерации от 4 июля 2022 года № 110², так и сложившейся судебной практикой³. В частности, Верховный Суд Российской Федерации прямо указал, что установленный запрет на доступ осужденных к сети «Интернет» не может рассматриваться как проявление дискриминации либо необоснованное ограничение их права на получение правовой информации. По мнению Верховного Суда, данная мера продиктована в первую очередь необходимостью пресечения возможности совершения осужденными посредством Интернета новых преступлений и иных противоправных деяний в период отбывания наказания. Таким образом, оспариваемый запрет носит превентивный характер, что отвечает легитимным целям обеспечения порядка и законности в местах лишения свободы.

Такая правовая позиция, на первый взгляд, нацелена на приоритизацию задач изоляции осужденных и недопущение использования ими цифровых технологий в противоправных целях вопреки режиму отбывания наказания. Однако за последние годы в судебной-следственной практике по делам, связанным с распространением недостоверной информации о ходе специальной военной операции, отмечается следующая закономерность. Определяя

² Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы : Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 4 июля 2022 г. № 110. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Определение Апелляционной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 12 мая 2022 г. № АПЛ22-115. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

критерии ложности той или иной информации, суды зачастую ссылаются не только на официальные сообщения Министерства обороны России, но и на текст обращения Президента Российской Федерации от 24 февраля 2022 года. При этом исходят из презумпции, что данное обращение известно каждому гражданину страны в силу его широкого распространения в средствах массовой информации и глобальном информационном пространстве (медиасреде).

При этом отсутствие у осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы, технической возможности доступа к радиовещанию потенциально чревато негативными последствиями — влечет риск информационной изоляции осужденных и создает благоприятную среду для распространения в местах лишения свободы разного рода слухов и фейков. В свою очередь, циркуляция недостоверной информации в среде осужденных (как, например, в уголовном деле в отношении В., распространявшего фейковую информацию в административном корпусе исправительного учреждения¹) отрицательно сказывается на оперативной обстановке в исправительных учреждениях. Таким образом, реализация права осужденных на информацию посредством предоставления им радиоприемников отвечает не только гуманитарным соображениям, но и задачам обеспечения режима и безопасности в местах лишения свободы.

Исходя из изложенного, полагаем, что ч. 4 ст. 94 УИК РФ не отвечает требованиям времени и нуждается в обновлении с учетом достижений научно-технического прогресса. В интересах соблюдения прав осужденных целесообразно заменить устаревшее право на доступ к радиоточке правом на регулярный и своевременный доступ к актуальным средствам массовой информации и коммуникации под кон-

тролем администрации исправительного учреждения.

Вместе с тем согласно результатам надзорной деятельности органов прокуратуры, которые были проанализированы И. В. Красновым в 2022 году, имели место многочисленные нарушения прав человека в местах лишения свободы, одной из главных причин которых явился недостаточный контроль за соблюдением законности в исправительных учреждениях при учете обращений². На обоснованность данной точки зрения также указывает и издание нового приказа Генеральным прокурором Российской Федерации, направленного в том числе и на усиление функции надзора за условиями содержания осужденных. В частности, прокурорам поручается тщательно рассматривать все поступающие жалобы и обращения лиц, отбывающих наказание, а также членов их семей. Цель таких мер — обеспечить соблюдение конституционных прав граждан, находящихся в местах лишения свободы, в соответствии с действующим законодательством³.

Таким образом, акцентирование внимания органами прокуратуры на рассмотрении жалоб осужденных и их родственников является важной гарантией защиты прав человека в пенитенциарной системе страны, что позволяет в большей степени предотвращать нарушения и своевременно реагировать на имеющиеся проблемы. Отдельный интерес в этой связи вызывает позиция

² Игорь Краснов рассказал о наказании сотрудников Генпрокуратуры, надзирающих за работой ФСИН // Газета.ru : сайт. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2022/08/08/18280370.shtml> (дата обращения: 01.10.2024).

³ Об организации прокурорского надзора за соблюдением законов при содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений и исполнении уголовных наказаний : Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 24 октября 2024 г. № 800. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ Уголовное дело № 1-339/2022 (2022 г.) // Архив Первомайского районного суда г. Пензы.

ряда ученых, подчеркивающих, что прокурорская проверка работы пенитенциарных учреждений с обращениями граждан является важным аспектом надзорной деятельности прокуратуры [4, с. 326].

При осуществлении надзорных мероприятий в исправительных учреждениях прокурор, руководствуясь принципом законности, должен уделять особое внимание оценке механизмов информирования осужденных со стороны администрации пенитенциарного учреждения. В этой связи представляется обоснованным утверждение о том, что подобная оценка не может быть произведена в отрыве от применения прокурором специальных знаний и методов, разработанных в рамках криминалистической науки [5, с. 198].

Изложенное со всей очевидностью свидетельствует о несомненной целесообразности разработки системы обстоятельств, подлежащих установлению при проведении соответствующей проверки. Руководствуясь результатами изучения прокурорской практики¹, а также собственным опытом, полагаем, что система указанных обстоятельств может быть представлена следующим образом:

наличие эффективных каналов коммуникации между администрацией исправительного учреждения и осужденными, обеспечивающих своевременное информирование осужденных об изменениях правовых норм, касающихся отбывания наказания.

Так, в одной из колоний Ульяновской области было выявлено отсутствие информационных стендов с обновленной (актуальной) информацией о правах и законных интересах лиц с ограничен-

ными возможностями здоровья, а также о порядке и сроках обжалования действий (бездействия) должностных лиц по вопросам установления, продления и отмены инвалидности. По результатам проверки исправительному учреждению было внесено представление об устранении нарушений федерального законодательства²;

обеспечение осужденным доступа к современным средствам массовой информации и коммуникации, позволяющим поддерживать связь с внешним миром, в рамках ограничений, предусмотренных режимом отбывания наказания.

В частности, прокуратурой Ивановской области были выявлены существенные нарушения требований ч. 2 ст. 94 УИК РФ, а именно: администрациями ряда исправительных учреждений были изданы внутренние распорядительные акты, санкционирующие изъятие телевизионных приемников из медицинских частей и запрещающие их дальнейшее использование. По результатам проверки указанным исправительным учреждениям было объявлено предостережение о недопустимости нарушения закона³;

наличие эффективной обратной связи, дающей возможность осужденным информировать администрацию исправительного учреждения о возникающих проблемах в сфере реализации их права на информацию, а также вносить конструктивные предложения по улучшению информационного обеспечения;

² В исправительном учреждении прокуратурой выявлены нарушения прав осужденных-инвалидов // Звезда. 73 регион : сетевое издание. URL: <http://gazeta-zvezda73.ru/index.php/novosti/obshchestvo/2199-v-ispravitelnom-uchrezhdenii-prokuraturoj-vyyavleny-narusheniya-prav-osuzhdennykh-invalidov> (дата обращения: 01.10.2024).

³ Прокуратура защитила права осужденных на просмотр ТВ (Ивановская обл.) // Регнум : сайт. URL: <https://regnum.ru/news/1045225> (дата обращения: 01.10.2024).

¹ Прокурор г. Санкт-Петербурга Виктор Мельник проверил состояние законности при содержании следственно-арестованных и осужденных // Генеральная прокуратура Российской Федерации : сайт. URL: https://erp.genproc.gov.ru/web/proc_78/mass-media/news?item=87924297 (дата обращения: 01.10.2024).

соблюдение администрацией исправительного учреждения гарантий права осужденных на доступ к информации при распределении и использовании бюджетных средств, выделяемых на эти цели¹.

Как справедливо отмечает А. Ю. Чабанян, деятельность прокурора в сфере защиты прав осужденных не может ограничиваться исключительно проведением прокурорских проверок [6, с. 81]. В данном контексте защита права осужденных на доступ к информации приобретает особое значение. Ключевыми направлениями в этой области выступают координационная деятельность, организация личных приемов, участие в круглых столах, правовое просвещение, являющиеся важным ненадзорным элементом прокурорской деятельности, направленной на преодоление «информационного вакуума» в среде осужденных.

Рассматривая деятельность прокурора в сфере защиты прав осужденных через призму конкретных примеров, следует обратить внимание на опыт прокуратуры г. Санкт-Петербурга, представители которой ежегодно совместно с Уполномоченными по правам человека в Санкт-Петербурге и Ленинградской области, а также с руководством УФСИН и председателями общественных наблюдательных комиссий (ОНК) проводят прием по личным вопросам осужденных, подозреваемых и обвиняемых, находящихся в СИЗО-1. Такой подход позволяет учитывать индивидуальные обстоятельства каждого случая, оперативно реагировать на обращения и информировать лиц, находящихся под стражей, о механизмах защиты их прав.

Практика прокуратуры Владимирской области демонстрирует иной подход, ориентированный на профилак-

тическое воздействие и расширение информационной осведомленности осужденных. В частности, представители УФСИН России по Владимирской области и Ковровской городской прокуратуры организовали круглый стол, посвященный вопросам нахождения осужденных в трудной жизненной ситуации. В рамках данного мероприятия осужденным разъяснялись нормы, регулирующие применение поощрительных мер, включая порядок снятия ранее наложенных дисциплинарных взысканий².

Представляется, что подобные инициативы не только способствуют укреплению доверия осужденных к деятельности органов прокуратуры, но и стимулируют их к правомерному поведению и более активному участию в процессе исправления.

Подводя итог, отметим, что только комплексное и системное применение надзорных и ненадзорных полномочий прокурора, а также реализация приведенных предложений по совершенствованию законодательства способны обеспечить повышение эффективности деятельности органов прокуратуры по защите прав осужденных на доступ к информации.

Вместе с тем следует акцентировать внимание на том, что многогранность и динамичность рассматриваемой проблематики не позволяют охватить все ее аспекты в рамках одного исследования, что детерминирует необходимость дальнейшей научной разработки данного вопроса с целью формирования комплексного и системного подхода к совершенствованию прокурорской деятельности в рассматриваемой сфере.

¹ Отметим, что указанный перечень обстоятельств, подлежащих установлению в ходе проведения прокурорской проверки, не претендуя на исчерпывающий характер, тем не менее представляет собой значимый шаг в направлении совершенствования прокурорской практики.

² В ИК-7 УФСИН России по Владимирской области прошла встреча осужденных с представителями прокуратуры и уголовно-исполнительной инспекции // УФСИН России по Владимирской области : офиц. сайт. URL: https://33.fsin.gov.ru/news/detail.php?ELEMENT_ID=162426 (дата обращения: 12.11.2024).

Список источников

1. Москальчук О. В. К вопросу о понятии «право на информацию» в рамках системы исправительных учреждений Российской Федерации // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. № 78. С. 73 – 76.
2. Координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью / О. Н. Коршунова, Е. Л. Никитин, Д. А. Луньков [и др.]. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Новая юстиция, 2023. 210 с.
3. Яворский М. А. Дерадикализация заключенных в тюрьмах стран Скандинавии // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. № 3 (29). С. 43 – 50.
4. Актуальные проблемы прокурорской деятельности. Защита прокурором конституционных ценностей: проблемы теории и практики / О. Н. Коршунова, Н. А. Васильчикова, И. Б. Ломакина [и др.]. Москва : Русайнс, 2024. 346 с.
5. Данилова Н. А. Наука криминалистика и прокурорская деятельность // Наука на службе Закону (к 60-летию НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации) : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 30 мая 2023 г. Москва : Ун-т прокуратуры Российской Федерации, 2023. С. 198 – 203.
6. Чобанян А. Г. Прокурорский надзор за исполнением законов в местах лишения свободы: вопросы совершенствования нормативно-правового регулирования // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2024. № 5 (103). С. 78 – 82.

Информация об авторе

А. А. Кульпин – помощник прокурора Выборгского района Санкт-Петербурга.

Information about the author

A. A. Kulpin – Assistant Prosecutor of the Vyborgsky district of St. Petersburg.

Научная статья
УДК 347.963

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ И ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ПРАВ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ ПРИ ПРИВЛЕЧЕНИИ К ТРУДУ

Михаил Николаевич КУСТОВ

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, kystov@rambler.ru*

Аннотация. Статья посвящена проблемам прокурорского надзора за обеспечением прав осужденных при их привлечении к труду в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Автор анализирует основные нормативно-правовые акты, регламентирующие данное направление деятельности, а также рассматривает особенности практики осуществления прокурорского надзора в этой сфере. Институт труда в местах лишения свободы традиционно рассматривается как одно из важнейших средств исправления и ресоциализации осужденных, однако требует четкого правового регулирования и надзора. В рамках уголовно-исполнительной системы, претерпевающей постоянные реформы, прокуратура играет ключевую роль в поддержании баланса между необходимостью исправления осужденных, интересами государства и обеспечением конституционных прав осужденных. Особое внимание уделяется анализу норм Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и Трудового кодекса Российской Федерации, регулирующих порядок и условия привлечения осужденных к труду. Подчеркивается, что трудовые права данной категории лиц не идентичны правам свободных граждан, так как возникают одновременно в рамках уголовно-исполнительного и трудового законодательства.

Ключевые слова: прокурорский надзор, привлечение осужденных к труду, обеспечение законности, комплексный подход, прокурорский надзор, труд осужденных, исправительные учреждения, ресоциализация

Для цитирования: Кустов М. Н. Актуальные вопросы организации и осуществления прокурорского надзора за соблюдением прав осужденных к лишению свободы при привлечении к труду // КриминалистЪ. 2025. № 2 (51). С. 137 – 144.

Original article

CURRENT ISSUES OF ORGANIZING AND IMPLEMENTING PROSECUTORIAL SUPERVISION OVER THE OBSERVANCE OF PRISONERS' RIGHTS DURING THEIR LABOR ENGAGEMENT

Mikhail N. KUSTOV

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, kystov@rambler.ru

Abstract. This article is devoted to the problems of prosecutorial supervision over the provision of convicted persons' rights when they are engaged in labor activities within penitentiary institutions. The author analyses the main regulatory legal acts governing this area of activity, and also examines the specific features of prosecutorial supervision in this field. The institution of

© Кустов М. Н., 2025

prison labor has traditionally been regarded as one of the most important means of rehabilitation and resocialization of prisoners, yet it requires clear legal regulation and supervision. Within the constantly evolving penal system, the prosecutor's office plays a crucial role in maintaining a balance between the need for correction, state interests, and the provisions of prisoners' constitutional rights. Special attention is given to the analysis of provisions of the Criminal Executive Code of the Russian Federation and the Labor Code of the Russian Federation, which regulate the procedures and conditions for prisoners' labor. It is emphasized that the labor rights of this category of persons are not identical to the rights of free citizens, as they simultaneously arise within the framework of both criminal-executive and labor legislation.

Keywords: prosecutorial supervision, prisoners' labor, ensuring legality, integrated approach, prosecutorial supervision, convicted persons' labor, correctional institutions, resocialization

For citation: Kustov M. N. Current issues of organizing and implementing prosecutorial supervision over the observance of prisoners' rights during their labor engagement. *Criminalist*. 2025;2(51):137-144. (In Russ.).

Выступая на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации в 2024 году, Президент Российской Федерации В. В. Путин обозначил основные приоритеты в деятельности надзорного ведомства и особо отметил необходимость усиления контроля за обеспечением законности содержания под стражей обвиняемых и подозреваемых в совершении преступлений, а также за соблюдением прав граждан, которые находятся в местах лишения свободы¹.

Правовой институт привлечения осужденных к труду традиционно является одним из ключевых элементов уголовно-исполнительной политики государства. Труд служит средством исправления, ресоциализации и обеспечения надлежащих условий содержания осужденных. В то же время требуются четкое регламентирование прав и обязанностей осужденных, привлекаемых к труду, а также эффективный надзор за их соблюдением. Прокуратура, будучи органом, осуществляющим надзор за исполнением законов, играет важнейшую роль в обеспечении гарантий соблюдения прав осужденных и вместе с тем оценивает выполнение ими возложенных законодательством обязанностей.

¹ Президент Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=94022374> (дата обращения: 15.01.2025).

Актуальность данного направления прокурорского надзора обусловлена несколькими факторами.

Во-первых, изменяющиеся социально-экономические условия и постоянные реформы уголовно-исполнительной системы² ставят перед прокуратурой новые задачи в сфере обеспечения баланса между интересами государства, необходимостью исправления осужденных и соблюдением их конституционных прав [1, с. 40].

Во-вторых, практика показывает, что в процессе привлечения к труду нередко допускаются нарушения трудовых, социальных и иных прав осужденных, которые должны оперативно выявляться уполномоченными органами и устраняться [2, с. 138].

В-третьих, вопрос взаимодействия прокуратуры и учреждений, исполняющих наказания, нуждается в детальной проработке и совершенствовании надзорной деятельности.

В различные периоды эволюции общественных отношений многие госу-

² О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года : Распоряжение Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-р : текст с изм. и доп. на 23 сент. 2015 г. ; О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года : Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 апреля 2021 г. № 1138-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

дарства вводили практику привлечения осужденных в качестве низкокзатратной рабочей силы, и в современных условиях эта модель хозяйственного использования труда лиц, отбывающих наказание, продолжает оставаться актуальной в рамках функционирования уголовно-исполнительной системы. Более того, на протяжении последнего столетия, несмотря на существенные различия в политических режимах и формах государственного устройства в различных странах, пенитенциарные производства демонстрировали устойчивую рентабельность [3, с. 396].

При этом остается нерешенным вопрос о правовой природе отношений, возникающих при привлечении осужденных к труду, поскольку в пенитенциарной деятельности вследствие неоднозначности толкования отдельных норм присутствует неоднозначность в определении сущностных характеристик такого труда [4, с. 135].

Основополагающие нормы, регулирующие порядок и условия привлечения осужденных к труду, закреплены в Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации (далее — УИК РФ) и Трудовом кодексе Российской Федерации (далее — ТК РФ). В частности, согласно ст. 104 УИК РФ продолжительность рабочего времени осужденных к лишению свободы, правила охраны труда, техники безопасности и производственной санитарии устанавливаются в соответствии с законодательством Российской Федерации о труде.

Схожие требования определены законодателем для привлечения к труду лиц, отбывающих наказания, не связанные с лишением свободы [5, с. 21]. Например, условия труда осужденных к принудительным работам также регулируются трудовым законодательством, за исключением правил приема на работу, увольнения с работы, перевода на другую работу, отказа от выполне-

ния работы, предоставления отпусков (ст. 60.8 УИК РФ). Таким образом, уголовно-исполнительное право регулирует вопросы привлечения осужденных к труду лишь в тех аспектах, в которых «его правовые цели и условия отличаются от труда свободных граждан» [6, с. 8].

Проблемы, связанные с определением специфики трудовых правоотношений осужденных, остаются актуальными и в настоящее время. Отдельные вопросы, касающиеся привлечения осужденных к труду, были предметом рассмотрения судебными органами.

Так, Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что осужденные к лишению свободы привлекаются к труду в рамках уголовно-исполнительных, а не трудовых отношений, не по своему волеизъявлению и самостоятельно, а администрацией исправительного учреждения в порядке, установленном уголовно-исполнительным законодательством¹. Аналогичное суждение высказал Верховный Суд Российской Федерации².

Проведенный анализ правового регулирования труда лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Законодательство, регулирующее труд осужденных (как трудовое, так и уголовно-исполнительное), характеризуется недостаточной системностью и отсутствием должной взаимосвязи входящих в него нормативных актов.

¹ Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 25 апреля 2023 г. № 1024-О, от 27 декабря 2023 г. № 3353-О, от 23 сентября 2024 г. № 44-КГ24-14-К7. (Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

² Обзор практики рассмотрения судами дел, связанных с осуществлением гражданами трудовой деятельности в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях : утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26 февраля 2014 г. : текст с изм. и доп. на 26 апр. 2017 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

2. Сохраняются противоречия между положениями отдельных нормативных актов, направленных на правовую регламентацию труда осужденных к лишению свободы, требующие устранения.

3. Законодатель не урегулировал ряд принципиальных вопросов, возникающих в процессе организации и осуществления труда осужденных к лишению свободы, в силу чего правовое поле в этой сфере требует дальнейшего совершенствования [7, с. 46].

Таким образом, можно наблюдать непоследовательность со стороны законодателя в регламентации трудовых прав осужденных. Прокурорам в рамках надзора за соблюдением законов при исполнении уголовных наказаний необходимо учитывать, что привлечение осужденных к труду выступает средством их исправления, является одной из составляющих процесса отбывания наказания. В контексте реализации принципа законности в сфере трудовой деятельности осужденных особая значимость прокурорского надзора определяется императивным предписанием, закрепленным в ч. 6 ст. 103 УИК РФ, согласно которому осужденным категорически запрещается прекращать работу в целях разрешения трудовых конфликтов. Такой отказ либо приостановка труда квалифицируется в качестве злостного нарушения установленных правил отбывания наказания, что, в свою очередь, влечет возможность применения к виновным лицам мер дисциплинарного воздействия [8, с. 659].

Как справедливо отмечает О. В. Воронин, в указанном контексте прокуратура, будучи центральным звеном отечественного пенитенциарного надзора, осуществляет три взаимосвязанные и приоритетные функции. Во-первых, она обеспечивает соблюдение прав граждан, находящихся в условиях изоляции от общества, пресекает факты нарушения их законных интересов и гарантирует соблюдение прав указанной категории

лиц. Во-вторых, прокуратура осуществляет надзор за большинством субъектов, вовлеченных в систему пенитенциарного контроля, осуществляя надзор за их деятельностью на предмет соответствия требованиям закона и соблюдения принципов законности и гуманизма. В-третьих, посредством надзорной, процессуальной, координационной и иной деятельности прокуратура интегрирует в единую правовую систему те институты и органы, которые непосредственно не охвачены пенитенциарным надзором, обеспечивая комплексность и системность контроля в целях укрепления законности и правопорядка [9, с. 102].

К числу актов, регламентирующих порядок и последовательность привлечения осужденных к трудовой деятельности, а также осуществление надзора за ее реализацией, относится, в частности, принятый в 2023 году Федеральный закон «О пробации в Российской Федерации», которым на органы и учреждения уголовно-исполнительной системы Российской Федерации возложен комплекс значимых полномочий, охватывающих не только общие вопросы соблюдения порядка и условий привлечения осужденных к труду, но и обеспечение правомерности, гуманности и эффективности данной формы социальной реадaptации осужденных¹.

Эффективное осуществление деятельности надзорного и ненадзорного характера возможно только при надлежащей организации работы органов прокуратуры, должном исполнении требований приказов Генерального прокурора Российской Федерации.

Приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 24 октября 2024 года № 800² прокурорский надзор

¹ О пробации в Российской Федерации : Федеральный закон от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ : текст с изм. и доп. на 29 мая 2024 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об организации прокурорского надзора за соблюдением законов при содержании под

за соблюдением законов при содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений и исполнении уголовных наказаний предельно одним из приоритетных и комплексных направлений деятельности органов прокуратуры. В Приказе (п. 1.7) акцентируется внимание прокуроров на необходимости регулярно проверять соблюдение трудовых прав лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, а также не допускать привлечения их к неоплачиваемым работам и сверх установленного законом времени в отсутствие предусмотренных законодательством оснований. Деятельность по осуществлению прокурорского надзора в данной сфере имеет первостепенное значение для обеспечения принципа законности и соблюдения конституционных прав лиц, находящихся в местах лишения свободы. При этом необходимо учитывать, что требования Приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 24 октября 2024 года № 800 (п. 1.7) о систематических проверках соблюдения трудовых прав лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, призваны гарантировать реализацию и защиту прав спецконтингента, а также исключить различные злоупотребления со стороны администрации исправительных учреждений.

Таким образом, правовая база деятельности органов прокуратуры по надзору за соблюдением прав осужденных при их привлечении к труду носит комплексный характер. Из этого следует, что необходимы высокий уровень профессиональной подготовки прокуроров, системный подход к анализу норм и практики их применения, а также взаимодействие с иными государствен-

стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений и исполнении уголовных наказаний : Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 24 октября 2024 г. № 800. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ными органами и институтами гражданского общества.

Реформирование отечественной уголовно-исполнительной системы без соответствующего законодательного регулирования не позволяет обеспечить законность и правовую защиту прав осужденных, в том числе их трудовых прав [10, с. 245]. Согласно официальным данным ФСИН России, по состоянию на 1 января 2023 года в Российской Федерации функционировало 644 (на 1 января 2022 года — 669) исправительных и лечебно-профилактических учреждений¹. Среднесписочная численность лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы и подлежащих обязательному привлечению к труду, составила 204,7 тыс. человек. С учетом имевшихся в наличии 173 тыс. рабочих мест в пенитенциарных учреждениях трудоустроено в среднем по стране 86,6 % осужденных. Несмотря на принятые надзорные меры, которые способствовали увеличению доли привлеченных к труду осужденных к лишению свободы с 70,5 % в 2022 году до 86,6 % в 2023 году, в учреждениях уголовно-исполнительной системы по-прежнему повсеместно распространены случаи нарушения прав осужденных, привлеченных к труду. Всего в 2023 году в сфере привлечения осужденных к труду прокурорами выявлено 11 349 нарушений законов (в 2022 году — 10 932)².

К типичным нарушениям трудовых прав осужденных следует отнести нарушения, состоящие в необеспечении трудоспособных граждан рабочими местами, привлечении указанной категории лиц к работам без оплаты труда, несвоевременном удержании из их

¹ Федеральная служба исполнения наказаний : офиц. сайт. URL: <https://fsin.gov.ru/statistics/> (дата обращения: 26.01.2025).

² Состояние законности и правопорядка в Российской Федерации и работа органов прокуратуры. 2023 год : Информ.-аналит. записка / Ун-т прокуратуры Российской Федерации : под общ. ред. И. М. Мацкевича. М., 2024. 202 с.

доходов средств для возмещения расходов по исковым обязательствам и содержанию, несоблюдении требований в сфере охраны труда, ненадлежащем санитарно-эпидемиологическом состоянии промышленных объектов. Прокурорами выявляются случаи нарушения администрациями учреждений уголовно-исполнительной системы трудового законодательства, регламентирующего сверхурочную работу осужденных, а также работу в выходные, праздничные дни и ее оплату [11, с. 29].

Несоблюдение правил охраны труда и техники безопасности, проявляющееся, в частности, в систематическом отсутствии обучения осужденных безопасным методам выполнения работ, а также пренебрежении обязательными средствами индивидуальной защиты, согласно результатам прокурорских проверок, носит повсеместный характер. Наиболее распространенными причинами производственного травматизма являются нарушение установленного порядка соблюдения техники безопасности, личная неосторожность, несоблюдение трудовой и производственной дисциплины, неудовлетворительный уровень организации производства и оснащения рабочих мест, недостаточность обучения безопасным приемам труда, игнорирование требований по проведению инструктажей, использование работников не по специальности, отступление от регламентированного технологического процесса и отсутствие должного контроля со стороны администрации [12, с. 311].

Уменьшение, задержка или невыплата вознаграждения за труд противоречат конституционному принципу возмездности труда и подрывают социально-правовые гарантии осужденных. Как правило, лицам данной категории, полностью отработавшим определенную на месяц норму рабочего времени и выполнившим установленную нор-

му выработки, начисление заработной платы производится исходя из установленного минимального размера оплаты труда в соответствии с требованиями действующего законодательства. Между тем в ряде регионов в учреждениях уголовно-исполнительной системы заработная плата отбывающим наказание лицам вопреки требованиям ч. 2 ст. 105 УИК РФ установлена ниже минимального размера оплаты труда¹.

Произвольное и неправомерное применение дисциплинарных мер в виде взысканий, вплоть до помещения в штрафной либо дисциплинарный изолятор, по мотивам отказа от выполнения возложенных обязанностей без достаточных правовых оснований или в обход предъявляемых законодательством требований свидетельствует о грубом нарушении прав осужденных. Кроме того, в материалах личных дел осужденных нередко отсутствует документальное подтверждение их добросовестного отношения к труду, фактического участия в обучающих и воспитательных программах, что свидетельствует о необоснованном игнорировании сведений, имеющих существенное значение для оценки поведения и прогресса в ресоциализации данной категории лиц.

Например, Ныробская прокуратура по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях Пермского края проверила обращение осужденного — инвалида 2 группы, отбывающего уголовное наказание в исправительном учреждении. Установлено, что мужчина привлечен к дисциплинарной ответственности за отказ от участия в работах по благоустройству исправительного учреждения. Однако в соответствии с требованиями Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации к данному виду работ не могут быть привлече-

¹ Прокуратура Чувашской Республики : сайт. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_21/mass-media/news?item=58755190 (дата обращения: 15.01.2025).

ны граждане, отбывающие наказание в местах лишения свободы, являющиеся инвалидами 1 и 2 группы. По результатам прокурорской проверки обоснованное дисциплинарное взыскание прокурором отменено. Постановление об отмене дисциплинарного взыскания приобщено к личному делу осужденного¹.

Успешная практика взаимодействия органов прокуратуры и Федеральной службы исполнения наказаний показывает, что комплексный подход, опирающийся на межведомственное сотрудничество и вовлечение общественности, повышает эффективность прокурорского надзора и способствует формированию более благоприятных условий труда осужденных.

Ограниченные материальные ресурсы и устаревшая инфраструктура часто препятствуют полноценному соблюдению норм охраны труда. Указанные обстоятельства требуют дополнительных мер государственного финансирования, а также привлечения институциональных инвестиций в сферу исправитель-

ного производства. Соответствующие уполномоченные органы могут инициировать обращение к законодательным и исполнительным органам с целью обоснования необходимости модернизации производственных площадок в колониях.

Прокурорский надзор за соблюдением прав осужденных при привлечении их к труду выступает важнейшей гарантией обеспечения законности в уголовно-исполнительной сфере. Реализация прав осужденных на труд непосредственно связана с задачами исправления осужденных и их ресоциализации, что в конечном счете благотворно влияет на общую обстановку в местах лишения свободы.

Для повышения эффективности данного направления прокурорской деятельности необходим комплексный подход, включающий совершенствование нормативно-правовой базы, внедрение современных технологий управления и надзора, развитие межведомственного и общественного взаимодействия, а также улучшение профессиональной подготовки работников прокуратуры.

Список источников

1. Кривопалова А. А. Проблемы привлечения к труду осужденных к лишению свободы // Вестник Самарского юридического института. 2020. № 3 (39). С. 37 – 41.
2. Средства прокурорской деятельности: проблемы теории и практики : монография / О. Н. Коршунова, В. В. Лавров, Е. Л. Никитин [и др.]. Москва : РУСАЙНС, 2019. 268 с.
3. Ромашов Р. А., Тонков Е. Н. Тюрьма как «Град земной» : монография. Санкт-Петербург : Алетей, 2014. 656 с.
4. Уткин В. А. Проблемы правового регулирования труда осужденных в исправительных учреждениях Российской Федерации // Уголовная юстиция. 2015. № 2 (6). С. 81 – 88.
5. Лакина И. А. Особенности организации исполнения наказания в виде принудительных работ // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2020. № 6. С. 20 – 21.
6. Кустов М. Н. Актуальные проблемы нарушения требований законов, регулирующих труд осужденных // Человек: преступление и наказание. 2017. Т. 25, № 4. С. 657 – 661.
7. Зенина Н. В., Павлова Е. В., Строгович Ю. Н. Характеристика правового регулирования труда осужденных к лишению свободы // Российский следователь. 2015. № 4. С. 42 – 47.
8. Дроздова Е. А., Павлова Л. В. О некоторых аспектах регулирования правоотношений по привлечению к труду осужденных // Вестник Пермского института ФСИН России. 2020. № 4 (39). С. 131 – 136.

¹ Прокуратура Пермского края : сайт. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_59/mass-media/news/reg-news?item=58110674 (дата обращения: 15.01.2025).

9. Воронин О. В. О сущности пенитенциарного надзора прокуратуры // Уголовная юстиция. 2022. № 20. С. 100 – 105.

10. Актуальные проблемы прокурорской деятельности: методология и методы науки : монография / О. Н. Коршунова, И. Б. Ломакина, И. Л. Честнов [и др.] ; под. ред. О. Н. Коршуновой. Москва : КноРус, 2022. 304 с.

11. Кустов М. Н. Актуальные вопросы прокурорского надзора за соблюдением конституционных прав и свобод осужденных к лишению свободы // КриминалистЪ. 2019. № 2 (27). С. 25 – 30.

12. Корякин Е. А. Охрана труда в производственной деятельности исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы России (применительно к осужденным) : монография. Нижний Новгород : Открытое знание, 2019. 383 с.

Информация об авторе

М. Н. Кустов – старший преподаватель кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Information about the author

M. N. Kustov – Senior Lecturer at the Department of prosecutorial supervision and procurator's participation in hearings of criminal, civil and arbitration cases, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation.

Научная статья
УДК 343.163

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОДАЧИ ГРАЖДАНАМИ ОБРАЩЕНИЙ В ЭЛЕКТРОННОЙ ФОРМЕ В ОРГАНЫ ПРОКУРАТУРЫ

Денис Андреевич ШЕСТАВИН

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, dschestavin18@yandex.ru*

Аннотация. В статье раскрыты особенности правового регулирования реализации конституционного права граждан на обращение в электронной форме. Автором рассмотрены основные способы подачи обращений в виде электронного документа. Исследована специфика использования Единого портала государственных и муниципальных услуг (функций), интернет-приемной органов прокуратуры, мобильного приложения, электронной почты, специального электронного терминала, прямой передачи съемного носителя информации и социальных сетей при реализации гражданами конституционного права на обращение. Проанализированы противоречия судебной практики по использованию заявителями электронной почты органов прокуратуры. Исследованы вопросы идентификации и авторизации заявителя. Предложена авторская классификация способов дистанционной подачи обращений. По результатам исследования выявлена необходимость внесения изменений в Федеральный закон от 2 мая 2006 года № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». Предложены пути совершенствования специализированного закона, регулирующего порядок рассмотрения обращений.

Ключевые слова: обращение, органы прокуратуры, электронное заявление

Для цитирования: Шеставин Д. А. Особенности правового регулирования подачи гражданами обращений в электронной форме в органы прокуратуры // КриминалистЪ. 2025. № 2 (51). С. 145 – 151.

Original article

SPECIFIC FEATURES OF THE LEGAL REGULATION OF CITIZENS' ELECTRONIC APPEALS TO PROSECUTION AUTHORITIES

Denis A. SHESTAVIN

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, dschestavin18@yandex.ru

Abstract. The article reveals the specific features of legal regulation of the implementation of the citizens' constitutional right to submitting petitions electronically. The author considers the main methods of submitting appeals as electronic documents. Particular attention has been given to the use of the Unified Portal of State and Municipal Services (Functions), the official online reception offices of prosecution authorities, mobile applications, email, special electronic terminal, direct submission via removable data storage devices, and social media platforms in the context of citizens' exercising their constitutional right to appeal. The article has analysed inconsistencies in judicial practice related to the use of prosecution authorities' email by applicants. Issues related to the identification and authorization of e-petitioners have been investigated. The author has

© Шеставин Д. А., 2025

proposed a classification of methods for remote submission of petitions. Based on the research findings, the necessity to amend Federal Law No. 59-FZ of May 2, 2006, «On the Procedure for Considering Petitions of Citizens of the Russian Federation» has been identified. Recommendations for improving the specialized law regulating the procedure for considering petitions have been given.

Keywords: appeal, prosecutor's office, electronic application

For citation: Shestavin D. A. Specific features of the legal regulation of citizens' electronic appeals to prosecution authorities. *Criminalist*. 2025;2(51):145-151. (In Russ.).

С развитием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» активно используются дистанционные способы подачи обращений в органы публичной власти, в связи с чем роль органов прокуратуры в обеспечении законности при реализации конституционного права граждан на обращение выходит на новый уровень.

Среди основных способов подачи заявлений в электронной форме А. В. Савоськин выделяет направление заявления с использованием мобильного приложения, электронной почты, электронной приемной, интернет-портала органов власти [1, с. 142]. М. М. Шакирьянов к способам подачи в прокуратуру электронных обращений дополнительно относит их подачу через специальные электронные терминалы, прямую передачу съемного носителя информации и отмечает недостаточное регулирование действующим законодательством особенностей работы с электронными обращениями [2, с. 59].

Полагаем, что правовое регулирование направления обращений в форме электронного документа заслуживает дополнительного внимания и изучения.

Так, в декабре 2009 года была запущена федеральная государственная информационная система «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)». Портал позволяет не только получать государственные и муниципальные услуги в электронной форме, но и реализовывать конституционное право на обращение. В 2019 году в органах прокуратуры началась эксплу-

атация программного обеспечения, позволяющего гражданам и юридическим лицам направлять обращения, а также записываться на прием через личный кабинет на Едином портале государственных и муниципальных услуг¹. Федеральным законом от 4 августа 2023 года № 480-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации“» была нормативно закреплена возможность направлять обращения в органы публичной власти, используя федеральную государственную информационную систему «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)». С 2024 года вступили в силу утвержденные Постановлением Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2023 года № 2334 Правила использования федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» для направления обращений и сообщений в органы и организации, а также для получения, обработки и направления ответов на такие обращения и сообщения².

¹ О вводе в эксплуатацию программного обеспечения, реализующего функцию подачи обращения и записи на прием в органы прокуратуры Российской Федерации в федеральной государственной информационной системе «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)»: Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 4 марта 2019 г. № 171 : текст с изм. и доп. на 30 нояб. 2023 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Правила использования федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муници-

Согласно Правилам, для того чтобы направить обращение, заявитель должен обладать подтвержденной учетной записью. После прохождения процедур идентификации и аутентификации с использованием Единой системы идентификации и аутентификации (ЕСИА) можно направить обращение или сообщение посредством электронной формы Единого портала государственных и муниципальных услуг (функций), личного кабинета, мобильного приложения. Вопрос обязательной идентификации при подаче обращений дистанционным способом в свое время исследовали А. Т. Карасев и А. В. Савоськин, отмечая, что необходимо «принципиально» реформировать систему идентификации гражданина [3, с. 23]. Прохождение идентификации гражданина позволяет установить субъектный состав правоотношений. Для обеспечения объективного, всестороннего рассмотрения заявления с целью уточнения каких-либо обстоятельств должностное лицо может связаться с заявителем и при необходимости обеспечить его участие в рассмотрении обращения. Кроме того, персонализация заявителя позволяет минимизировать злоупотребление правом. Нельзя не согласиться, что без процедуры идентификации невозможно в полной мере реализовать конституционное право на обращение.

пальных услуг (функций)» для направления гражданами Российской Федерации, иностранными гражданами, лицами без гражданства, объединениями граждан, в том числе юридическими лицами обращений и сообщений в государственные органы, органы местного самоуправления, государственные и муниципальные учреждения, иные организации, осуществляющие публично значимые функции, и их должностным лицам, а также для получения и обработки такими органами и организациями указанных обращений и сообщений и направления ответов на такие обращения и сообщения : утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2023 г. № 2334. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Отметим, что регистрация на Едином портале государственных и муниципальных услуг (функций) не является обязательной. Каждый может как создать учетную запись, так и удалить ее.

Лица, не имеющие учетной записи на Едином портале государственных и муниципальных услуг (функций), вынуждены иными способами дистанционно реализовывать свое конституционное право на обращение. Одним из таких способов является обращение через интернет-приемную на Едином портале прокуратуры Российской Федерации. Интернет-приемная ведомства содержит следующие тематические разделы: «Обращение в прокуратуру», «Уведомление об экстремизме», «Прямая линия для предпринимателей», «Запись на прием», «Обращения по вопросам защиты прав участников специальной военной операции и членов их семей». Аналогично на официальных страницах прокуратур субъектов Российской Федерации имеются интернет-приемные. Количество тематических разделов ограничено. Заявитель может подать обращение, записаться на прием и сообщить о проявлениях экстремизма. Разделы по иным приоритетным направлениям прокурорской деятельности отсутствуют. Предлагаем необходимым добавить разделы, посвященные обращениям участников специальной военной операции и членов их семей, а также обращениям предпринимателей. Прокуратуры районного звена не имеют своих собственных официальных сайтов. Информация о деятельности районного звена органов прокуратуры чаще всего размещается на Едином портале прокуратуры Российской Федерации субъектов уровня и на сайтах органов местного самоуправления. Предлагается принять комплекс мер по созданию официальных сайтов прокуратур районного звена с включением в Единый портал ведомства, содержащих интернет-приемные. Тем самым будет обеспечена дополнительная воз-

возможность подачи обращений и записи на личный прием в органы прокуратуры при помощи форм Единого портала государственных муниципальных услуг (функций), встроенных в Единый портал прокуратуры на всех соответствующих уровнях.

Направить обращение в органы прокуратуры граждане могут по электронной почте. Для того чтобы подать заявление, нужно иметь электронную почту и знать адрес электронной почты органа прокуратуры. Вместе с тем существует ряд неразрешенных практических вопросов. Во-первых, вопрос информирования населения о действующем адресе электронной почты ведомства. Во-вторых, не в полной мере разрешен вопрос идентификации заявителя. Насколько можно доверять анкетным данным, указанным в обращении, не прошедшем обязательной идентификации заявителя. Также при подготовке и направлении ответа возникает угроза распространения персональных данных. Кроме того, не урегулирована процедура подачи заявления с адреса электронной почты, не принадлежащей заявителю, и подачи анонимных обращений. Через электронную почту в органы прокуратуры могут быть направлены файлы, содержащие вредоносные программы. В правоприменительной практике возможно направление обращения на электронный адрес, не являющийся официальным каналом связи для получения электронных обращений граждан, которое не влечет возникновения у прокуратуры обязанности по его рассмотрению в порядке, установленном специализированным законом. Например, заявитель направил обращение на электронную почту прокуратуры. Однако ему было разъяснено, что адрес электронной почты прокуратуры для работы с входящей корреспонденцией не используется, рекомендовано обратиться через Единый портал прокуратуры Российской Федерации либо через Единый портал

государственных и муниципальных услуг (функций). Не согласившись с позицией ведомства, заявитель обратился с административным иском к прокурору. В своем решении суд первой инстанции пришел к выводу, что возможность обратиться в прокуратуру через Единый портал ведомства либо через «Госуслуги» не ограничивает право гражданина на обращение в форме электронного документа по электронной почте. В связи с чем административный иск удовлетворен. Однако судебная коллегия по административным делам Верховного суда Республики Башкортостан пришла к выводу, что данное обращение не подлежало рассмотрению прокуратурой в порядке, предусмотренном Федеральным законом от 2 мая 2006 года № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»¹ ввиду отсутствия надлежащего оформления электронного обращения истца по форме, размещенной на интернет-сайте ведомства. Мотивируя свое решение, суд апелляционной инстанции основывался на положениях приказа Прокуратуры Республики Башкортостан, в котором сказано, что адрес корпоративной электронной почты используется только для отправки исходящей корреспонденции. Для работы с обращениями используются Единый портал ведомства и «Госуслуги»². Судебная коллегия по административным делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции оставила апелляционное определение без изменения³. Таким образом, можно сделать следующие выводы. Во-первых, складывается

¹ О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации : Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ : текст с изм. и доп. на 28 дек. 2024 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан от 29 ноября 2021 г. по делу № 33а-20276/2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Кассационное определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 2 марта 2022 г. № 88А-4179/2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

неоднородная судебная практика относительно обращений, направленных на электронную почту. Во-вторых, способы дистанционной подачи обращений могут определяться внутриведомственными актами органов прокуратуры.

Направить обращение в органы прокуратуры можно через мобильное приложение Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Через информационный сервис, используя мобильные или планшетные устройства, граждане могут записаться на прием, сообщить о нарушении прав, в том числе прав несовершеннолетних, уведомить об экстремизме. Приложение содержит образцы заявлений и документов, контактную информацию с геолокацией, отображает карту органов прокуратуры Российской Федерации с построением маршрутов. Кроме того, созданы англоязычная версия приложения и интерфейс для слабовидящих заявителей. Также пользователи могут ознакомиться с актуальными новостями о деятельности прокуратуры и получать push-уведомления.

Вместе с тем согласно политике конфиденциальности в отношении обработки персональных данных пользователей данного мобильного приложения, ведомство не контролирует актуальность сведений, а также не проверяет их достоверность.

Использование электронных терминалов как один из способов подачи обращений в органы прокуратуры было описано И. Н. Дворянским. Так, в 2010 году в прокуратуре Кировского района г. Казани был установлен первый электронный терминал для упрощения подачи заявлений. Помимо возможности дистанционно обратиться в органы прокуратуры терминал дополнительно предоставляет заявителю разъяснения действующего законодательства. И. Н. Дворянский полагает, что внедрение электронных терминалов в прокурорскую деятельность позволит снизить нагрузку на канцелярию, а так-

же оптимизировать документооборот в ведомстве [4, с. 27]. С другой стороны, справедливо замечание С. П. Степкина, который считает, что высокая стоимость таких устройств исключит распространение казанского опыта [5, с. 52].

Обращаясь в органы прокуратуры с дополнениями содержательной части своего обращения, граждане могут предоставлять машинные носители информации. Иногда заявители просят принять флеш-карту, содержащую информацию, подтверждающую их доводы о нарушениях закона. Однако на данном носителе могут содержаться различные вредоносные программы, способные нарушить информационную безопасность рабочего места должностного лица органов прокуратуры. В связи с чем использование посторонних машинных носителей информации запрещено Приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 24 ноября 2021 года № 701¹. Вместе с тем вопрос о том, как должен действовать работник при получении от заявителя машинного носителя информации, остается открытым.

Следует отметить, что согласно ч. 1.2 ст. 10 Федерального закона от 9 февраля 2009 года № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»² органы публичной власти обязаны осуществлять размещение информации на своих официальных страницах. В качестве

¹ Об утверждении Инструкции по эксплуатации средств вычислительной техники, информационных систем и информационных ресурсов органов прокуратуры Российской Федерации : Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 24 ноября 2021 г. № 701 : текст с изм. и доп. на 31 окт. 2023 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления : Федеральный закон от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ : текст с изм. и доп. на 14 июля 2022 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

информационных систем для создания официальных страниц Распоряжением Правительства Российской Федерации от 2 сентября 2022 года № 2523-р определены «ВКонтакте» и «Одноклассники». Через официальные страницы пользователи могут получать не только информацию о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, но и направлять предложения, заявления, жалобы и получать оперативный ответ в режиме онлайн. Однако качество подготовленного ответа может не соответствовать требованиям объективности и всесторонности, так как ответ готовится не уполномоченными компетентными специалистами, а лицами, осуществляющими взаимодействие с общественностью. На сайтах органов прокуратуры также созданы официальные страницы. Являются ли обращения через официальные страницы на сайтах органов власти в социальных сетях одним из способов реализации конституционного права на обращение, Федеральный закон от 2 мая 2006 года № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» не отвечает. О. В. Попова, Н. В. Гришин, М. Я. Погодина считают, что социальные сети — это позволяющая оперативно обратиться с заявлением специфичная модель коммуникации [6, с. 133]. По мнению С. П. Степкина, реализация конституционного права на обращение при помощи социальных сетей дискредитирует данный институт [7, с. 468]. В Государственной Думе в 2022 году началась работа по внесению изменений в Федеральный закон от 2 мая 2006 года № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» с целью закрепления права граждан на обращение через официальные страницы в соцсетях¹.

¹ В Думу внесли законопроект о праве граждан обращаться в органы власти через соцсети // ТАСС : сайт. URL: <https://tass.ru/obschestvo/16483821> (дата обращения: 11.11.2024).

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Во-первых, необходимо в Федеральном законе от 2 мая 2006 года № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» провести нормативное разграничение обращений, направленных в письменной форме и в форме электронного документа. Целесообразно из ст. 7 Закона исключить положения, посвященные электронным обращениям. Кроме того, необходимо дополнить Закон ст. 7.1, в которой раскрыть основные требования к обращениям, представленным электронным документом. К таковым следует отнести требование о предоставлении идентификационных данных заявителя. Во-вторых, предлагаем в указанной статье нормативно закрепить способы дистанционной подачи обращений, которые можно разделить на три вида. Первые — требующие прохождения обязательной идентификации заявителя через систему авторизации (Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)). Вторые — требующие прохождения обязательной идентификации заявителя с возможностью не использовать систему авторизации (специальные электронные терминалы, интернет-приемные на официальных сайтах органов публичной власти, мобильные приложения). Третьи — позволяющие гражданам обратиться без обязательной идентификации заявителя (электронная почта органа власти; передача съемного носителя информации; официальные страницы на сайтах «ВКонтакте» и «Одноклассники»). В-третьих, предлагаем в новой статье специализированного закона закрепить положение об ответственности заявителя в случае направления вредоносных программ в органы публичной власти и искажения своих персональных данных.

Список источников

1. Савоськин А. В. Становление в России конституционного права на обращение в сети Интернет // Технологии XXI века в юриспруденции : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 24 мая 2019 г.) / Урал. гос. юрид. ун-т ; под ред. Д. В. Бахтеева. Екатеринбург : Урал. гос. юрид. ун-т, 2019. С. 140–144.
2. Шакирьянов М. М. Совершенствование организации работы в органах прокуратуры по рассмотрению электронных обращений граждан // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2020. № 3 (77). С. 58–62.
3. Карасев А. Т., Савоськин А. В. Подача гражданином обращения как стадия конституционно-правовой процедуры реализации субъективного права на обращение // Российское право: образование, практика, наука. 2019. № 4. С. 20–28.
4. Дворянский И. Н. Электронный терминал по приему обращений граждан // Законность. 2011. № 4. С. 26–27.
5. Степкин С. П. Проблемы правовой регламентации и особенности подачи обращений в форме электронного документа // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17, № 7. С. 49–58.
6. Попова О. В., Гришин Н. В., Погодина М. Я. Коммуникация молодежи с главами исполнительной власти регионов Российской Федерации во «ВКонтакте» в 2022 году // Полис. Политические исследования. 2023. № 4. С. 122–137.
7. Степкин С. П. Правовые проблемы подачи обращений граждан в социальных сетях // Цифровые технологии и право : сб. науч. тр. I Междунар. науч.-практ. конф. (г. Казань, 23 сентября 2022 г.). В 6 т. Т. 1 / под. ред. И. С. Бегишева [и др.]. Казань : Познание, 2022. С. 463–464.

Информация об авторе

Д. А. Шеставин – аспирант Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Information about the author

D. A. Shestavin – Postgraduate Student, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation.

Научная статья
УДК 341;340

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭКСПЛУАТАЦИИ АВТОНОМНЫХ И ПОЛУАВТОНОМНЫХ КОММЕРЧЕСКИХ СУДОВ

Арсений Ильич ЧЕСТНОВ¹, Илья Львович ЧЕСТНОВ²

¹ ООО «ПрофИнфоТех», arsenij430@gmail.com

² Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, ichestnov@gmail.com

Аннотация. В статье показаны перспективы автономного и полуавтономного судовождения в нашей стране. Бурное развитие этой сферы требует четкого нормативного правового регулирования. Однако на сегодняшний день отсутствует выверенное и полное определение понятий «судно», «автономное судно», «полуавтономное судно». Все это вызывает сложности в единообразии правоприменения. Авторы предлагают функциональный подход к совершенствованию нормативного правового регулирования автономного и полуавтономного судовождения.

Ключевые слова: судно, автономное судно, полуавтономное судно, нормативное правовое определение, нормативное правовое регулирование

Для цитирования: Честнов А. И., Честнов И. Л. Правовое регулирование эксплуатации автономных и полуавтономных коммерческих судов // КриминалистЪ. 2025. № 2 (51). С. 152 – 159.

Original article

LEGAL REGULATION OF THE OPERATION OF AUTONOMOUS AND SEMI-AUTONOMOUS COMMERCIAL VESSELS

Arseniy I. CHESTNOV¹, Ilya L. CHESTNOV²

¹ ProfInfoTech LLC, arsenij430@gmail.com

² St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, ichestnov@gmail.com

Abstract. The authors outline the prospects of autonomous and semi-autonomous navigation in our country. The rapid development of this area requires clear normative legal regulation. However, currently, there is no precise and comprehensive definition of the concepts of «vessel», «autonomous vessel», «semi-autonomous vessel». This situation causes difficulties in the uniform application of the law. The authors propose a functional approach to improving the normative legal regulation of autonomous and semi-autonomous ship navigation.

Keywords: vessel, autonomous vessel, semi-autonomous vessel, normative legal definition, normative legal regulation

For citation: Chestnov A. I., Chestnov Il. L. Legal regulation of the operation of autonomous and semi-autonomous commercial vessels. Criminalist. 2025;2(51):152-159. (In Russ.).

© Честнов А. И., Честнов И. Л., 2025

Автономные и полуавтономные коммерческие суда (далее — АПАКС) — относительно новый феномен в нашей стране. Их появление связано с техническим прогрессом и обусловлено перспективами, которые открывает автономное судовождение в экономической, туристической, научной, военной деятельности, обеспечивая не только экономию средств на ее осуществление, но и снижая нагрузку на экологию. Как предполагается в теории, такие суда способны выполнять регулярные рейсы с очень большой периодичностью. При этом снимается нагрузка с людей, занимающихся ручным управлением, исключаются ошибки при совершении рейса, связанные с человеческим фактором, что может снизить количество аварий и повысить выживаемость судов (по мнению специалистов, от 75 до 95 % морских аварий обусловлены «человеческим фактором»). Внедрение АПАКС сулит управляющим компаниям и судовладельцам большие финансовые выгоды благодаря замене людей на автоматические системы управления. Автономные и полуавтономные суда имеют огромную ценность для военных и научных целей, благодаря тому что АПАКС можно отправлять в районы, непригодные для деятельности людей, не подвергая их жизнь опасности. Без преувеличения можно утверждать, что развитие коммерческой отрасли грузоперевозок способствует экономическому развитию всех отраслей хозяйственной деятельности человека. Поэтому можно констатировать, что в ближайшей перспективе ожидается бурное развитие АПАКС (в нашей стране запущен и достаточно активно осуществляется федеральный проект «Автономное судовождение» в рамках инициатив социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года, паспорт которого утвержден 26 декабря 2021 года) [1].

Очевидно, что для эффективной разработки и эксплуатации АПАКС требуется четкое правовое регулирование. Это тем более важно потому, что существующее законодательство в области судовождения вписано в парадигму нахождения на судне экипажа, который управляет судном. Однако, как справедливо указывает один из ведущих специалистов нашей страны в области международного морского права С. А. Скаридов, на сегодняшний день в законодательстве отсутствует единое определение понятия «автономное судно» (очевидно, это же относится и к полуавтономным судам) [2, с. 44 — 46]. Такая же ситуация наблюдается и в теории: доктринальное определение АПАКС далеко от общенаучного консенсуса. Отчасти это связано с тем, что родовое понятие «судно» пока также не получило четкого закрепления в законодательстве и в науке. «Ни мировое морское сообщество, ни национальная доктрина морского права не выработали до настоящего времени универсального понятия “судно”». Обычно под судном понимается самоходное или несамоходное плавучее сооружение, используемое в целях торгового (коммерческого) мореплавания или иных целях (судоходство на внутренних водных путях). Плавучесть является стержневым признаком правового определения понятия “судно”, используемого в водной среде» [3, с. 41]. А. М. Скрынник, исследовавший термины «судно», «судно, используемое в целях торгового мореплавания», «судно, используемое для государственной правительственной некоммерческой службы», «судно, используемое для государственной правоохранительной службы», «военное судно», «корабль», «военный корабль», «парусный корабль», пришел к неутешительному выводу: все они близки по родовому признаку, но значительно отличаются по предназначению. Вследствие этого,

заклучает ученый, «универсального правового определения понятия “судно” и производных от него словосочетаний: “судно, используемое в целях торгового мореплавания”; “судно, используемое для правительственной некоммерческой службы”; “судно, используемое для государственной правоохранительной службы” — мировым сообществом до настоящего времени не выработано» [3, с. 46].

Ведущий специалист в области правового регулирования рыболовецких судов Д. К. Бекашев отмечает, что в ряде международных конвенций понятие «судно» определяется через указание на сферу использования судна как плавучего сооружения, т. е. через его функциональные признаки. Однако «в настоящее время, — заявляет известный исследователь, — невозможно дать исчерпывающий перечень видов использования судов, ибо многообразие форм деятельности человека в Мировом океане потребовало создания судов самых разных назначений: буровых, судов снабжения, обслуживающих буровые установки, гигантских танкеров, баржевозов, газозовов, танкеров для химикалий, судов на подводных крыльях, судов на воздушной подушке, накатных судов, грузовых буксируемых и самоходных составов, различных типов промысловых, транспортных, исследовательских, подводных судов, включая специальные подводные спасательные суда, суда для сбора нефтепродуктов, крановые суда, земснаряды, плавучие судоремонтные мастерские и др.» [4, с. 54].

Причина такого положения дел, как представляется, состоит в том, что любое содержательное и претендующее на универсальность (хотя бы относительную) определение не может быть одновременно полным, исчерпывающим образом описывающим все признаки определяемого. Трилемма Мунхгаузена, сформулированная К. Альбертом («ветвление» определения приводит

к регрессии в дурную бесконечность, которая оборачивается кругом в определении или тавтологией, а на практике — прерыванием дефинирования) [5], а также постоянная изменчивость определяемого усложняет родо-видовые определения. Относится ли к судну только плавучее на поверхности воды сооружение или также подводные суда (батискафы) и лодки? А амфибии или гидросамолеты, которые полифункциональны? Перечень такого рода вопросов, очевидно, будет продолжен по мере развития техники, что вызывает некоторые сложности в нормативном правовом дефинировании и тем самым проблематизирует единообразие правоприменения.

Определение судна, включая АПКС, можно (что и делается в некоторых международно-правовых конвенциях) попытаться сформулировать методом различения: «Некоторые конвенции, избегая более или менее ясных формулировок, применяют метод исключения, т. е., не давая определения “судна”, исключают из оборота применение тех из них, на которые положения конвенции или договора не распространяются. Так, Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства, 1988 г., не применяется к военному кораблю, судну, принадлежащему государству или эксплуатируемому им, когда используется в качестве военно-вспомогательного либо для таможенных или полицейских целей, а также к судну, выведенному из эксплуатации или поставленному на прикол (ст. 2)» [2, с. 45]. Главный недостаток такого метода — дать исчерпывающий перечень такого рода исключений в принципе невозможно из-за постоянного развития технических средств (например, помещение управления автономным судном должно ли относиться к судну или нет?).

Анализ международного права (международных правовых конвенций) при-

менительно к разработке и эксплуатации АПАКС позволил С. А. Скаридову констатировать, что «ни одна из перечисленных конвенций, включая основные правила по перевозке грузов (Гаагские, Гамбургские и Роттердамские), суда, основными характеристиками которых является их “беспилотность”, не оговаривают» [2, с. 45]. Таким образом, правовое регулирование АПАКС, добавим от себя, не может основываться только на международном праве. Вышеизложенное наглядно свидетельствует о том, что правовое регулирование, включающее не только законодательное определение АПАКС, но и их функционирование (эксплуатацию), далеко от оптимального.

Какой же выход возможен из создавшегося положения? Наиболее перспективным представляется не только скрупулезный лингво-юридический анализ соответствующей терминологии, но и использование методологии постклассической аналитической философии права, дополняемой социологией права. Такая методология исходит из важного положения Л. Витгенштейна (основоположника аналитической философии) о том, что значение знака — это практики его использования в «языковых играх». В нашем случае правовое регулирование с такой точки зрения предполагает обращение к практикам воспроизводства соответствующего института [6]. В ходе проектирования и эксплуатации АПАКС выявляются существующие проблемы, разрабатываются и внедряются методы их устранения, а также технические и организационные аспекты, обеспечивающие повышение эффективности эксплуатации судов. Именно эти функциональные моменты и должно учитывать правовое регулирование.

Так, согласно Федеральному закону от 10 июля 2023 года № 294 «О внесении изменений в отдельные законодатель-

ные акты Российской Федерации»¹ и Кодексу торгового мореплавания Российской Федерации, судно представляет собой самоходное или несамоходное плавучее сооружение. В то же время автономным судном может быть только самоходное судно, которое управляется в автоматическом режиме, частично или полностью в зависимости от наличия или отсутствия экипажа. Такое различие «самоходности» может быть квалифицировано как конфликт норм.

Другая проблема связана с отсутствием (наличием) экипажа как критерия автономности судна. Международная морская организация (ИМО) классифицирует четыре уровня автономности судов:

- использование автономных судов ответственным оператором с поддержкой принятия решений (степень 1);
- дистанционно управляемое судно с моряками на борту (степень 2);
- дистанционно управляемое судно без моряков на борту (степень 3);
- полностью автономное судно (степень 4) [2, с. 46].

В таком случае возникает справедливый вопрос: суда, относящиеся к степени 1 и 2, являются автономными или нет?

Правовое регулирование (как правило, на уровне ведомственных нормативных правовых актов) наличия (отсутствия) экипажа у АПАКС на данный момент не дает ответов на возникающие по этому поводу вопросы. Так, автономное судно считается таковым при возможности осуществлять плавание полностью без экипажа на борту. Полуавтономное же судно отличается тем, что на его борту присутствует экипаж, но у членов экипажа отсутствует

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 10 июля 2023 г. № 294-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

необходимость нести непрерывную ходовую вахту¹. Однако Приказ Министерства транспорта Российской Федерации от 31 июля 2023 года № 259 «Об утверждении Положения о минимальном составе экипажей самоходных транспортных судов»² предписывает, что для защиты морской среды и обеспечения безопасности плавания судна все суда, за исключением полностью автономных, обязаны иметь на своем борту экипаж. При этом у каждого автономного судна должен быть внешний экипаж, члены которого обладают соответствующей квалификацией и численный состав которого достаточен для обеспечения безопасности мореплавания, защиты морской среды от загрязнения, выполнения требований к соблюдению рабочего времени, недопущения перегрузки членов внешнего экипажа работой³.

Некоторые вопросы возникают к отдельным правилам управления автономными судами⁴. Среди них отметим следующие:

на судне должно осуществляться непрерывное наблюдение за окружающей средой, за грузом и за состоянием судна;

¹ Об утверждении Положения об особенностях режима рабочего времени и времени отдыха членов экипажей морских судов и судов смешанного (река-море) плавания : Приказ Министерства транспорта Российской Федерации от 20 сентября 2016 г. № 268. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об утверждении Положения о минимальном составе экипажей самоходных транспортных судов : Приказ Министерства транспорта Российской Федерации от 31 июля 2023 г. № 259. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Об утверждении Положения об особенностях режима рабочего времени и времени отдыха членов экипажей морских судов и судов смешанного (река-море) плавания : Приказ Министерства транспорта Российской Федерации от 20 сентября 2016 г. № 268. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Об утверждении Правил управления автономными судами : Приказ Министерства транспорта Российской Федерации от 22 апреля 2024 г. № 140. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

судно должно быть пригодно к передаче, приему и к обработке гидрометеорологической информации, хранить и передавать путевые карты, в данном случае электронные, и навигационные предупреждения;

необходимо осуществление взаимодействия и коммуникации с береговыми службами, учитывая особенности автономных судов;

хранение данных о рейсе судна от организации, владеющей судном и осуществляющей эксплуатацию;

судоходная организация, владеющая компетенцией на осуществление управления и эксплуатации, должна выполнять рейсы посредством управления судном компетентным персоналом и соответствующим оборудованием. Оборудование и персонал должны находиться на берегу или на другом судне, тем самым являясь внешним экипажем автономного или полуавтономного судна;

управление автономным судном должно осуществляться из одного места, в котором размещены технические средства и внешний экипаж автономного судна, укомплектованный владельцем автономного судна или по его поручению компетентной в области автономного судоходства организацией. Допускается наблюдение за автономным судном из одного или из нескольких мест, в которых размещены технические средства и внешний экипаж автономного судна, укомплектованный владельцем автономного судна или по его поручению компетентной в области автономного судоходства организацией, удаленных друг от друга;

у полуавтономного судна должен быть внешний и внутренний экипаж судна;

внешний экипаж полуавтономного судна должен оказывать помощь капитану и экипажу полуавтономного судна

или же брать на себя управление этим судном.

Также важным требованием к АПАКС является возможность перехода на ручное управление, которое должно обязательно осуществляться при различных обстоятельствах, таких как:

любое столкновение судна, будь то с берегом, с другим судном, удар о любое препятствие, в том числе и подводное, удар о гидротехническое сооружение;

в случае пожара;

при посадке на мель;

в случае пробития корпуса, нарушения непроницаемости судна или затопления;

при повреждении груза, особенно если это привело к потере устойчивости судна, а также при потере груза и выброске или утечке его за борт;

если судно было привлечено к спасательной операции, его управлением должны заниматься люди сугубо на борту;

при внезапном ухудшении погодных, гидрометеорологических условий;

в случае падения человека за борт или смерти члена экипажа или пассажира;

при потере связи с судном;

в случае несанкционированного проникновения на борт судна или получения несанкционированного доступа к средствам управления судна.

Понятно, что данный перечень не является исчерпывающим и не содержит всех обстоятельств, которые могут наступить при эксплуатации АПАКС. При этом возникают вопросы о возможности реализации данных требований:

1. Есть ли установленный срок доставки экипажа на борт судна при возникновении подобной внештатной ситуации? Данный вопрос актуален как для полуавтономного судна, так и полностью автономного. Если у экипажа полуавтономного судна не хватает компетенции

удержания судна на плаву в случае повреждения обшивки, как скоро должен быть доставлен экипаж, способный справиться с такой ситуацией?

2. Должно ли автономное судно полностью остановить свой ход в случае столкновения? В данном приказе и в Кодексе внутреннего водного транспорта не предусмотрено рассмотрение такой ситуации, равно как и порядок действий самого судна. Если повреждения незначительные, можно ли изменить курс движения судна для осуществления доставки экипажа? Можно ли судну продолжить намеченный курс в случае отсутствия какого-либо ущерба? Как этот ущерб будет устанавливаться и кем оцениваться?

3. Допустима ли буксировка судна без экипажа в случае посадки на мель?

Возвращаясь к первому вопросу: будет ли существовать отдельный регламент доставки экипажа для перехода автономного судна под управление человека при резком ухудшении гидрометеорологических условий? каков порядок действий при таком сценарии для самого судна?

Сильный шторм может осложнить внешнее управление ввиду ухудшения качества сигнала, передающего команды судну. При этом внешний экипаж может получать недостоверную информацию с систем мониторинга за судном, даже данные о его местоположении. В связи с данными обстоятельствами отказ от внешнего управления судном ввиду ухудшения гидрометеорологических условий кажется вполне логичным, но вместе с тем, если судно будет оставаться на месте, урон от внешнего воздействия стихии может привести к серьезным последствиям, вплоть до критического повреждения оборудования и средств связи. Кроме того, доставка членов экипажа может представлять серьезную опасность в таких обстоятельствах.

При проникновении посторонних на судно во время плавания и при получении третьими лицами доступа к управлению управление судном тоже должен взять на себя внутренний экипаж судна. Означает ли это, что подобным судам необходимы вооруженное сопровождение или иная охрана?

Отдельной большой темой для будущих дискуссий и обсуждений является допустимость управления автономным судном посредством искусственного интеллекта (ИИ). Разрешено ли доверять ИИ в принципе управление судами? Любыми судами? Допустимо ли управление судном с пассажирами? А главное, кто будет нести ответственность в том случае, если судно под управлением ИИ потерпит крушение или совершит столкновение с другим судном?

Исходя из действующей нормативной правовой базы остается неясным, планируется ли создание надзорных органов для определения квалификации внешнего экипажа АПАКС. С учетом перспектив развития данной отрасли следует озаботиться вопросом сертификации обучения специалистов по управлению беспилотных морских и речных судов. Полагаем, что необходимо допускать только дипломированных и квалифицированных профессионалов до сопровождения АПАКС, особенно когда речь идет о пассажирских судах, выполняющих регулярные рейсы.

В случае крушения или возникновения иной чрезвычайной ситуации на полностью автономном пассажирском судне, как должна осуществляться эвакуация пассажиров? Если при этом пассажирам необходимо всегда дожидаться прибытия экипажа, не подвергнет ли это их жизни опасности? В случае необходимости самим принимать меры эвакуации, в образовавшейся панике неподготовленные люди могут подвергнуть свою жизнь и здоровье лишь еще большей опасности. Означает ли это,

что суда, занимающиеся перевозкой пассажиров, не могут быть полностью автономными и обязательно должны иметь на борту экипаж, готовый к возникновению внештатных ситуаций?

Отдельного обсуждения требуют вопросы ответственности за аварии и столкновения, а также страхования автономных судов. Эти аспекты имеют важное значение для практического внедрения технологий автономного судовождения. Авторы не являются специалистами в области гражданского права и поэтому оставляют этот вопрос для специального рассмотрения цивилистами.

Выскажем предположение в виде рабочей гипотезы: для осуществления требований, выдвинутых приказом Министерства транспорта Российской Федерации, необходимо создавать рейсы автономных судов, выполняющих передвижение по маршруту в связке с судами поддержки, на которых размещается внешний экипаж, готовый взять управление АПАКС на себя в случае внештатных ситуаций. В таком случае отпадает вариант размещения внешнего экипажа на берегу, резко возрастает безопасность автономного судовождения, однако снижается экономическая целесообразность эксплуатации АПАКС ввиду того, что разместить экипаж на судне куда дешевле и проще, чем осуществлять сопровождение и поддержку автономного судна.

Вот далеко не полный перечень вопросов, которые требуют как организационно-технического, так и нормативного правового решения. На основе проработки такого рода функциональных проблем необходимо совершенствовать как законы (Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации, Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации), так и подзаконные нормативные акты, регулирующие автономное и полуавтономное судовождение, внося конкретные изменения и дополнения, в частности в приказы

Министерства транспорта Российской Федерации. В дальнейшей работе над данной темой авторы предполагают обратиться к конкретизации функциональных проблем в конкретных предложениях по совершенствованию действующего законодательства.

В настоящее время отрасль автономного судостроения еще только зарождается,

особенно в России. Специалистам из Министерства транспорта и из Федерального агентства морского и речного транспорта предстоит детально проработать и дополнить требования к разработке и эксплуатации АПАКС с учетом как зарубежного опыта, например Норвегии, Японии, США, так и международного морского права.

Список источников

1. Автономное судовождение // РУТ (МИИТ) : сайт. URL: <https://www.mii.ru/news184442> (дата обращения: 15.02.2025).
2. Скаримов С. А. К вопросу о детерминации морских автономных средств применительно к правовому регулированию коммерческого судоходства // Океанский менеджмент. 2022. № 1 (15). С. 44–46.
3. Скрынник А. М. Правовой и содержательный анализ понятий «судно» и «военный корабль» применительно к обеспечению транспортной (морской) безопасности // Северо-Кавказский юридический вестник. 2012. № 1. С. 38–48.
4. Бекашев Д. К. Международно-правовые аспекты статуса и деятельности морских рыбозаводных судов // Рыбное хозяйство. 2021. № 6. С. 52–57.
5. Альберт Х. Трактат о критическом разуме / пер с нем., вступ. ст. и примеч. И. З. Шишкова. Москва : Едиториал УРСС, 2003. 264 с.
6. Честнов И. Л. Юридическое мышление в ситуации неопределенности // КриминалистЪ. 2020. № 1 (30). С. 74–80.

Информация об авторах

А. И. Честнов – ООО «ПрофИнфоТех», аналитик-тестировщик;
И. Л. Честнов – профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

Information about the authors

A. I. Chestnov – Test Analyst, Limited Liability Company «ProfInfoTech»;
I. L. Chestnov – Professor at the Department of theory and history of the state and law, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Doctor of Science (Law), Professor.

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Научная статья
УДК 347.9

ЗАРОЖДЕНИЕ, РАЗВИТИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ МЕДИАЦИИ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Виталий Алексеевич МАКСИМОВ¹, Альбина Юрьевна ПИДДУБРИВНАЯ²

^{1,2} Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

¹ maximovva@mail.ru

² alba.78@mail.ru

Аннотация. В статье на примере стран, в которых медиация получила широкое применение, анализируются условия и причины, которые способствовали использованию альтернативных способов разрешения споров на определенных этапах развития государства, рассматриваются теории возникновения и развития медиации в США. Особое внимание уделяется особенностям восприятия данного правового института в странах Европы и США. Подчеркивается важность принятия Европейским парламентом Директивы о некоторых аспектах медиации в гражданских и коммерческих делах от 21 мая 2008 года, уточняются при этом ограничения ее применения. Авторы приходят к выводу, что, несмотря на явные достоинства, медиация в Европе до сих пор остается относительно маловостребованным способом разрешения споров, но можно наблюдать значительные успехи в популяризации этой процедуры.

Ключевые слова: медиация, альтернативное разрешение спора, суд, спор, конфликт, судебная система

Для цитирования: Максимов В. А., Пиддубривная А. Ю. Зарождение, развитие и перспективы медиации в зарубежных странах // КриминалистЪ. 2025. № 2 (51). С. 160 – 166.

Original article

ORIGIN, DEVELOPMENT, AND PROSPECTS OF MEDIATION IN FOREIGN COUNTRIES

Vitaly A. MAKSIMOV¹, Albina Y. PIDUBRIVNAYA²

^{1,2} St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

¹ maximovva@mail.ru

² alba.78@mail.ru

© Максимов В. А., Пиддубривная А. Ю., 2025

Abstract. The article examines the conditions and factors that facilitated the adoption of Alternative Dispute Resolution (ADR) methods at various stages of state development, using countries where mediation is widely practiced as examples. It also explores the theories regarding the emergence and evolution of mediation in the United States. Particular attention is paid to the distinctive perception of this legal institution in European countries and the USA. The authors emphasize the significance of the European Parliament's adoption of Directive on certain aspects of mediation in civil and commercial matters dated May 21, 2008, while also clarifying the limitations of its application. It is concluded that, despite its obvious advantages, mediation in Europe remains a relatively underutilized method for resolving disputes, although notable progress in popularizing this procedure is evident.

Keywords: mediation, alternative dispute resolution, court, dispute, conflict, judicial system.

For citation: Maksimov V. A., Piddubrivnaya A. Y. Origin, development and prospects of mediation in foreign countries. *Criminalist*. 2025;2(51):160-166. (In Russ.).

Динамичное экономическое развитие, его влияние на общественные отношения, а также интенсификация диалога между различными участниками таких отношений в большинстве зарубежных стран стали причиной роста интереса к альтернативным способам разрешения споров. Популярность отдельных альтернативных способов разрешения споров варьируется в зависимости от традиций, влияющих на правовую систему каждой из стран. Впрочем, медиация как в странах англо-американской, так и в странах романо-германской системы права постепенно стала одним из наиболее распространенных альтернативных способов разрешения споров. Это связано прежде всего с тем, что процедура медиации имеет ряд преимуществ по сравнению с судебным рассмотрением дела. В частности, благодаря медиации стороны могут решить спор быстрее, поскольку имеют непосредственное влияние на продолжительность этой процедуры. Кроме того, обычно расходы на проведение медиации меньше, чем судебные расходы, поэтому, решая спор с помощью медиации, стороны могут сэкономить собственные средства. Другие преимущества участия в медиации обусловлены особым характером этой процедуры, предусматривающим активное участие сторон в поисках взаимовыгодного решения, а также такими принципами

медиации, как добровольность, конфиденциальность, независимость и беспристрастность медиатора. Несмотря на недружественный статус указанных государств, их правовой опыт заслуживает внимания¹.

Изучение вопросов использования медиативных процедур является актуальным и для российской правоприменительной практики с учетом того, что в последние годы усиливается тенденция, в том числе на законодательном уровне, направленная на обращение к примирительным процедурам как основному средству урегулирования конфликтов в досудебном порядке. Интересным в данном случае является заявление министра юстиции Константина Чуйченко о разработке законопроекта, который предусматривал бы обязательное досудебное урегулирование вопросов, связанных с расторжением брака, определением места жительства детей, разделом имущества и взысканием алиментов².

¹ Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц : Распоряжение Правительства Российской Федерации от 5 марта 2022 г. № 430-р : текст с изм. и доп. на 29 окт. 2022 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Российская газета : сайт. URL: <https://rg.ru/2024/09/09/eksperty-poiasnili-kakie-primiritelnye-procedury-mogut-byt-vvedeny-pri-razvode.html> (дата обращения: 01.12.2024).

Медиация как альтернативный способ разрешения споров в своей современной форме зародилась в Соединенных Штатах Америки. Первые процедуры медиации касались сферы трудовых прав. Так, в 1947 году при трудовом департаменте была образована Федеральная служба медиации и примирения. Создание такой службы и популяризация медиации были достаточно актуальными на тот момент, поскольку благодаря достижению консенсуса между работниками и работодателем в ходе медиации появлялась реальная возможность избежать вредных последствий забастовок и обеспечить высокую производительность труда. Решающими для развития медиации стали 60–70-е годы XX века. Медиация, финансируемая из государственного бюджета, больше не ограничивалась лишь спорами в сфере трудовых правоотношений. На основании Закона о гражданских правах 1964 года было образовано два важных института, которые в значительной мере способствовали развитию медиации. Одним из таких институтов была Служба отношений между территориальными общинами (*Community Relations Service*) при Министерстве юстиции. Основной задачей Службы стало проведение медиации для разрешения конфликтов, связанных с дискриминацией на основании расовой или национальной принадлежности. Кроме того, положения Закона о гражданских правах предусматривали создание Комиссии по соблюдению равноправия при трудоустройстве (*Equal Employment Opportunity Commission*), которая осуществляла исследование случаев дискриминации работников. Такие дела Комиссия направляла на медиацию. Одновременно с проведением мероприятий, направленных на борьбу с дискриминацией, на государственном уровне разрабатывались программы распространения медиации на местах. С начала

60-х годов федеральное правительство финансово способствовало деятельности Центров территориальной юстиции (*Neighborhood Justice Centers*), задачей которых было проведение бесплатных или недорогих процедур медиации для жителей соответствующего участка [1, р. 23, 25].

В современной юридической литературе наиболее распространенными являются две теории относительно причин развития медиации в США. Согласно первой концепции, движущей силой в развитии медиации стал кризис правосудия. Медиация была ответом на потребность общества в обеспечении быстрого, недорогого и эффективного разрешения споров. Другая теория подчеркивает идею о том, что именно эта процедура обеспечивает гражданам лучший доступ к правосудию. Медиация позволяет разрешить конфликт без дорогих и длительных судебных процедур [2, с. 4–6].

Кроме того, положительное влияние на развитие медиации в США оказало активное участие юристов и судей в популяризации этого способа разрешения споров. После внедрения медиации в судебную систему на законодательном уровне судьи отдельных судов начали реализацию пилотных программ развития медиации. В таких программах именно юристы выступали медиаторами, чаще всего на волонтерских началах. Впрочем, решающими для дальнейшего распространения медиации стали 1976 год и проведение национальной конференции имени Г. Паунда «Причины недовольства населения администрированием системы правосудия в США», известной как Паундская конференция. Два документа из материалов Паундской конференции составляют политическую платформу движения альтернативного разрешения споров в США и других странах. В своем докладе вер-

ховный судья Бергер предупреждал, что американское общество достигло той точки, когда система правосудия — как на уровне штатов, так и на федеральном уровне — может буквально развалиться на части еще до конца этого века, несмотря на значительное увеличение количества судей и администраторов и огромные финансовые вливания. Он выделил самые серьезные проблемы судебной системы: очень высокие судебные расходы, длительные сроки рассмотрения дел, чрезмерная легализация и формализация процедур, требующих больших затрат на юридическое обслуживание граждан, и предложил обратиться к неформальным альтернативам [2].

Вторым важным документом стал доклад профессора Франка Сандера, который предложил концепцию реформы судебной системы, по условиям которой дела, поступающие в суд, могли бы быть решены не только путем принятия решения судьей, но и с помощью альтернативного разрешения споров (концепция *multidoor courthouse*) [2, s. 7].

Следующая волна развития медиации пришлась на 80-е годы XX века, подтверждением чего являются многочисленные научные труды по соответствующей тематике, а также разработка новых программ и курсов для изучения альтернативных способов разрешения споров на юридических факультетах. В 90-х годах XX века медиация стала довольно распространенным способом разрешения споров. В 1995 году появился первый выпуск информационного издания в сфере медиации (*Dispute Resolution Directory*), которое содержало исчерпывающую информацию об организации, проводящей медиацию [3, p. 214]. Сегодня медиация в различных категориях дел практикуется во всех судах [2, s. 8]. Положительные результаты применения медиации в США обусловили начало разработки различных программ для

внедрения медиации в других странах и активное развитие медиации в Европе.

С каждым годом интерес к медиации в странах — членах Европейского союза растет. Как показывает практика, в настоящее время перспективы развития этой процедуры зависят от двух факторов: институциональной поддержки и урегулирования различных аспектов медиации на законодательном уровне в отдельных странах, а также от поддержки медиации сторонами спора, их юристами и судьями. Характерной особенностью начальных этапов развития медиации в Европе является отсутствие заинтересованности сторон в разрешении спора путем проведения мирных переговоров. Такая ситуация обусловлена прежде всего недостаточной информированностью сторон относительно особенностей процедуры медиации и ее преимуществ, а также сомнениями юристов и судей в эффективности этой процедуры [4, s. 48].

Как показывает опыт США, важную роль в популяризации медиации могут сыграть различные пилотные проекты, которые сейчас практикуются в судах многих стран Европы. В то же время процесс популяризации медиации требует использования различных средств и не должен ограничиваться только введением пилотных проектов в судах. Достойной внимания является инициатива правительства Великобритании, которое в 2001 году обязало все государственные органы осуществлять попытку мирного урегулирования конфликта с помощью альтернативного разрешения спора перед передачей дела непосредственно в суд [2, s. 294 — 295]. Наиболее эффективным фактором, который может повлиять на значительное распространение медиации в Европе, является время. Популяризация альтернативных способов разрешения споров в США была долгим и многоуровневым процессом. Соответ-

ственно, не один год нужен и для того, чтобы медиация утвердилась в европейской правовой культуре, появилась в учебных программах университетов, осуществляющих подготовку будущих специалистов в области права, а также для того, чтобы эта процедура позитивно воспринималась потенциальными сторонами конфликта, их адвокатами и судьями.

О необоснованности скептицизма относительно перспектив применения медиации в Европе свидетельствует постоянный рост количества организаций, работающих в сфере медиации, пилотных и образовательных проектов. Наряду с разнообразными мерами локального характера, медиация распространяется и благодаря содействию на государственном и общеевропейском уровне. Здесь, в частности, стоит упомянуть о соответствующих рекомендациях Совета Европы в сфере медиации. В 1998 году Совет Европы принял первую такую рекомендацию, регулировавшую медиацию в семейных делах. Совет подчеркнул положительное влияние медиации на дальнейшую коммуникацию между сторонами, которые остаются в долговременных отношениях, обеспечение личного общения между родителями и детьми, а также возможность быстрого разрешения спора. В 1999 году Комитет министров Совета Европы принял Рекомендацию государствам — членам Совета Европы, посвященную медиации в уголовных делах¹, а в 2001 году рекомендацию, регулировавшую отношения с участием потребителей, а также споры в сфере административных правоотношений.

Следующим важным шагом в содействии развитию медиации в Европе

стало принятие Рекомендации (2002)10 Комитета министров Совета Европы 18 сентября 2002 года по медиации в гражданских делах. В этой Рекомендации впервые было определено понятие «медиация», а также основные принципы такой процедуры (независимость, беспристрастность, конфиденциальность). Принятие названной Рекомендации свидетельствует об активном участии Совета Европы в популяризации медиации. Унификация основ осуществления процедуры медиации является одной из приоритетных задач Совета Европы и определяет направление усовершенствования законодательства на уровне отдельных стран. Основной причиной такого участия Совета Европы стала убежденность в том, что создание альтернативных, внесудебных процедур является существенным для гарантии лучшего доступа к правосудию [5, с. 18]. К тому же политика Европейского союза также способствует развитию медиации. Первым важным шагом стало опубликование Европейской комиссией Зеленой книги в 2002 году. В результате дальнейшей работы Комиссии в сфере проблематики альтернативного разрешения споров в 2004 году был принят Европейский кодекс поведения медиаторов. Целью этого неформального документа было содействие росту уровня доверия к медиаторам путем определения принципов, гарантирующих осуществление медиации на должном уровне. В Кодексе урегулированы вопросы компетенции, независимости и беспристрастности медиатора, конфиденциальности и добровольности процедуры медиации².

Другим проявлением заинтересованности Европейским союзом проблематикой медиации стало принятие

¹ URL: https://nadejdaarh.ru/images/dokuments/norm_prav_basa/rekomend_ce_o_mediacii_v_ugolov_delaх.paf (дата обращения: 17.03.2025).

² European Code of Conduct for Mediators. URL: https://e-justice.europa.eu/content_european_judicial_network_in_civil_and_commercial_matters-21-en.do?plang=en (дата обращения: 01.09.2024).

Европейским парламентом Директивы о некоторых аспектах медиации в гражданских и коммерческих делах (Директива о медиации) 21 мая 2008 года. Текст Директивы соответствовал общей позиции, которая была согласована Европейским советом 28 февраля 2008 года, что означало предварительное завершение процесса, началом которого являлись разработка Зеленой книги в 2002 году, Рекомендации для гармонизации Директивы Комиссии в 2004 году, первым чтением в Европейском парламенте. Директива о медиации определяет особенности процедуры медиации и способствует ее распространению в качестве самостоятельного способа разрешения споров в Европе. Целью Директивы о медиации было прежде всего стимулирование развития медиации как альтернативного способа внесудебного разрешения споров без умаления роли судебного процесса. В Директиве осуществлен поиск средств обеспечения сбалансированной взаимосвязи медиации и судебных процедур. Кроме того, Директива призвана усовершенствовать институциональное судейское сотрудничество между странами — членами Европейского парламента.

Сфера применения Директивы о медиации ограничивается тремя аспектами.

Во-первых, в Директиве внимание сосредоточено на гражданских и коммер-

ческих делах, поэтому она в основном связана со спорами в сфере гражданского права и не учитывает особенности административных и уголовных дел.

Во-вторых, названный документ применяется лишь к спорам международного характера с предоставлением государствам-членам права распространить пределы применения соответствующих положений и на внутригосударственные дела.

В-третьих, Директива о медиации не решает всех проблем, возникающих в связи с проведением медиации и статусом ее участников. Зато Директива регулирует отдельные вопросы, такие как сила достигнутых по результатам медиации сделок, одновременно оставляя неурегулированным вопрос профессиональной квалификации медиаторов [6, р. 5 — 6].

Медиация в Европе до сих пор остается относительно новым способом разрешения споров. Однако можно наблюдать значительные успехи в популяризации этой процедуры, подтверждением чему является систематический рост интереса к медиации со стороны самих сторон, юристов и судей, введение в университетах учебных курсов, посвященных альтернативному разрешению споров, а также увеличение количества споров, которые завершаются заключением соглашения по результатам медиации.

Список источников

1. Moore Ch. W. The mediation process. Practical strategies for resolving conflicts, 3rd edition. San Francisco : Jossey-Bass, 2003. 599 p.
2. Gmurzynska E. Mediacja w sprawach cywilnych w amerykanskim systemie prawnym: zastosowanie w Europie i Polsce. Warszawa : C. H. Beck, 2007. 424 s.
3. Barrett J. T., Barrett J. P. A history of alternative dispute resolution: the story of a political, social, and cultural movement. San Francisco : Jossey-Bass, 2004. 336 p.
4. Mediacje. Teoria i praktyka / pod red. E. Gmurzynska, R. Morek. Warszawa : Wolters Kluwer, 2014. 492 s.
5. Gmurzyńska E. Kierunki rozwoju mediacji sądowej w sprawach cywilnych w USA i w Europie // Europejski przegląd sądowy. 2006. № 11. S. 14 — 22.

6. Mediation. Principles and Regulation in Comparative Perspective / eds. K. J. Hopt, F. Steffek. UK : Oxford University Press, 2013. 1348 p.

Информация об авторах

В. А. Максимов — доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент;

А. Ю. Пиддубриная — доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

V. A. Maksimov — Associate Professor at the Department of civil law disciplines, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law), Associate Professor;

A. Y. Piddubrinaya — Associate Professor at the Department of civil law disciplines, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Научная статья
УДК 347.9

АВТОМАТИЗАЦИЯ СУДЕБНЫХ ПРОЦЕССОВ: РОЛЬ ТЕХНОЛОГИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В УПРОЩЕННОМ И ПРИКАЗНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Михаил Юрьевич ПОРОХОВ

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия. more03@inbox.ru*

Аннотация. Современная судебная система сталкивается с необходимостью достижения баланса между увеличивающейся нагрузкой на судей и качеством принимаемых ими решений. В условиях роста количества гражданских и экономических дел значительное внимание уделяется упрощенному и приказному производству, нацеленным на ускорение судебного процесса. В статье рассматриваются проблемы и преимущества упрощенного и приказного производства, анализируются вызовы, связанные с применением технологий искусственного интеллекта (ИИ).

ИИ обладает потенциалом для автоматизации рутинных задач, что может существенно снизить нагрузку на судей и обеспечить единообразие судебной практики. В то же время роль ИИ в упрощенном производстве ограничена необходимостью учета индивидуальных обстоятельств дела и социальных факторов. Напротив, приказное производство, основанное на формальных критериях, предоставляет больше возможностей для автоматизации с использованием ИИ.

В статье также подчеркиваются риски, связанные с внедрением ИИ в судебные процессы, включая недостаточную прозрачность алгоритмов, риск ошибок и невозможность учета неправовых аспектов дела. Предлагается использовать ИИ как инструмент не замены судей, а поддержки с целью повышения эффективности судебной системы и качества принимаемых решений. Рассматриваются перспективы интеграции ИИ в судопроизводство в качестве экспериментальной меры в рамках упрощенных процедур, что позволит оптимизировать процессы без утраты качества принимаемых решений.

Ключевые слова: искусственный интеллект, приказное производство, упрощенное производство, автоматизация судопроизводства, цифровизация судов

Для цитирования: Порохов М. Ю. Автоматизация судебных процессов: роль технологии искусственного интеллекта в упрощенном и приказном производстве // КриминалистЪ. 2025. № 2 (51). С. 167 – 174.

Original article

AUTOMATION OF JUDICIAL PROCESSES: THE ROLE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGY IN SIMPLIFIED AND WRIT PROCEEDINGS

Mikhail Y. POROKHOV

*St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian
Federation, St. Petersburg, Russia, more03@inbox.ru*

Abstract. The modern judicial system faces the challenge of striking a balance between the increasing workload on judges and the quality of their decisions. In the context of a growing number

© Порохов М. Ю., 2025

of civil and commercial cases, considerable attention is paid to simplified and writ proceedings aimed at expediting the judicial process. The article examines the challenges and benefits of simplified and writ proceedings, analyses the obstacles associated with the use of artificial intelligence (AI) technologies.

AI has the potential to automate routine tasks, which can significantly reduce the workload on judges and ensure uniformity in judicial practice. However, the role of AI in simplified proceedings is limited by the need to consider individual circumstances of the case and social factors. In contrast, writ proceedings, based on formal criteria, offer greater opportunities for automation using AI.

The article also highlights the risks associated with the introduction of AI in judicial proceedings, including insufficient transparency of algorithms, the risk of errors, and the inability to account for non-legal aspects of the case. It is proposed to use AI as a tool not to replace judges, but to support them, with the aim of enhancing the efficiency of the judicial system and the quality of decisions made. The article explores the prospects of integrating AI into judicial proceedings as an experimental measure within simplified procedures, which will optimize processes without compromising the quality of decisions.

Keywords: artificial intelligence, writ proceedings, simplified proceedings, judicial automation, court digitalization

For citation: Porokhov M. Y. Automation of judicial processes: the role of artificial intelligence technology in simplified and writ proceedings. *Criminalist*. 2025;2(51):167-174. (In Russ.).

Современная судебная система находится в состоянии поиска баланса между такими переменными, как нагрузка на судей в моменте (количество гражданских дел, рассматриваемых судьями) и ее эффективность (количеством решений суда, не отмененных второй инстанцией), при ключевой задаче обеспечения быстрого и качественного рассмотрения гражданских и экономических споров, для решения которой разработаны и реализуются специальные процедуры — приказное и упрощенное производство.

Данные механизмы призваны снизить нагрузку на судей, минимизировать затраты времени и ресурсов. Однако при этом неизбежно возникают вопросы: какова оптимальная роль судебского усмотрения в таких процессах и может ли искусственный интеллект (ИИ) стать эффективной альтернативой или только дополнением к уже имеющимся упрощенным процедурам рассмотрения гражданских дел?

Судейское усмотрение — это возможность судьи самостоятельно интерпретировать законодательные нормы, оценивать представленные доказательства

и принимать решения с учетом специфики каждого конкретного дела. Этот процесс требует не только юридической подготовки, но и глубокого понимания социального контекста и моральных аспектов дела.

Одним из главных достоинств судебного усмотрения в судебном процессе можно считать его гибкость. Судья оценивает специфические обстоятельства дела, которые не всегда отражены в законодательных нормах. В отличие от алгоритмов, которые действуют строго в рамках заданных правил, судья принимает во внимание изменения в судебной практике, политических и социальных условиях. Опытный судья не только интерпретирует нормы закона, но и применяет их с учетом обстоятельств дела, что позволяет принимать решения, которые соответствуют духу, а не только букве закона.

Кроме того, судебское усмотрение дает возможность рассматривать дела с точки зрения моральных и этических норм. Так, в делах, связанных с защитой прав детей, инвалидов или пожилых людей, судья может принимать решения,

которые выходят за рамки формального исследования документов и доказательств. Поэтому при рассмотрении дела о лишении родительских прав судья выявляет и анализирует не только нарушения закона со стороны родителя, но и потенциальные последствия для ребенка, что требует понимания эмоциональной и социальной составляющих.

Гибкость судейского усмотрения проявляется также в способности учитывать культурные и социальные особенности того или иного региона Российской Федерации. В многонациональных и многоконфессиональных обществах отдельные дела могут требовать учета региональных традиций, обычаев и моральных норм. Судья, знакомый с такими особенностями, способен принимать решения исходя не только из положений норм права, но и из специфики конкретного сообщества.

Таким образом, судейское усмотрение предоставляет уникальные преимущества, которые делают процесс правосудия более человечным, гибким и адаптивным. Оно позволяет обеспечивать баланс между формальными нормами и реальными потребностями сторон, что особенно важно в условиях рассмотрения сложных и нестандартных судебных дел.

Однако судейское усмотрение не лишено недостатков. Одним из ключевых является его субъективность. Личные качества судьи, его убеждения, опыт и даже эмоциональное состояние могут оказывать влияние на процесс принятия по делу итогового решения, что не способствует формированию единообразной судебной практики, особенно если речь идет о схожих делах, рассматриваемых разными судьями.

Очевидно, что высокая нагрузка на судей и ограниченное время рассмотрения дел могут снижать качество принимаемых решений. В таких условиях

судья не всегда успевает детально изучить все материалы дела, что особенно критично в приказном и упрощенном производстве, где решение принимается без проведения судебного заседания, а значит, без непосредственного участия сторон.

При этом в приказном и упрощенном производстве роль судейского усмотрения различна.

Приказное производство представляет собой упрощенную форму судебного разбирательства, предназначенную для рассмотрения фактически бесспорных дел с использованием только письменных доказательств. Такой подход делает процесс оперативным, но в то же время индивидуальные обстоятельства дела рискуют остаться без внимания.

Например, взыскатель представляет суду в качестве доказательства надлежаще оформленный договор, но при этом такой договор подписан другим лицом, а не должником или содержит ложные сведения. В случае взыскания алиментов должник мог бы оспорить наличие долга, представив доказательства их своевременной оплаты. Но у должника нет возможности представить свои возражения или доказательства, которые могли бы повлиять на исход дела, до вынесения судом по делу судебного приказа.

Конечно, должник может направить свои возражения на судебный приказ в установленный срок, что приведет к его отмене и рассмотрению дела уже в рамках искового производства по общим правилам. Но такой механизм лишает заявителя возможности получить решение по делу в короткий срок и увеличивает в конечном счете количество дел. Все это не помогает разрешить дело своевременно и эффективно, а лишь создает для сторон и суда дополнительную нагрузку.

Кроме того, хотя законодательство и предусматривает право ответчика оспо-

ритель вынесенный судебный приказ, но это право ограничено жесткими сроками. Должник может подать возражения с опозданием, когда судебный приказ уже вступил в силу. Если должник пропускает этот срок, у него остается только право на подачу кассационной жалобы для защиты своих прав и интересов.

Судья в приказном производстве не имеет полномочий самостоятельно инициировать пересмотр дела или учитывать интересы должника в рамках своей компетенции, что только подчеркивает ограниченность судебского усмотрения в этой процедуре.

Еще одним проблемным моментом можно считать перегруженность судов [1]. В условиях значительного количества дел судьи не успевают детально проверять каждый документ, представленный в рамках приказного производства, и это только увеличивает вероятность ошибок.

Так, судебный приказ может быть вынесен по документам, которые содержат технические ошибки. Такие ошибки становятся особенно критичными, учитывая, что приказное производство предполагает быстрое и беспелляционное исполнение решения.

Формализм, отсутствие участия сторон, перегруженность судей и ограниченные возможности обжалования делают судебный приказ эффективным для взыскателей, но гораздо менее справедливым для должника.

В упрощенном производстве ситуация несколько иная. Само упрощенное производство — это форма судебного разбирательства, предназначенная, по общему правилу, для дел, не требующих длительного и углубленного исследования фактов или проведения полноценного судебного заседания. К таким, например, в арбитражном процессе относятся иски о взыскании

денежных средств, если сумма требований к юридическому лицу не превышает 1,2 млн рублей, к индивидуальному предпринимателю — 600 тыс. рублей, а в гражданском процессе — до 250 тысяч рублей.

Роль судебского усмотрения состоит в том, чтобы адаптировать общие нормы материального права к уникальным обстоятельствам дела, что позволяет обеспечивать индивидуальный подход и принимать решения, которые учитывают не только юридические, но и социальные, экономические и другие факторы.

Известно, что суд в порядке упрощенного производства рассматривает дела единолично без вызова сторон, в срок, не превышающий двух месяцев с даты поступления искового заявления в суд, основываясь только на письменных материалах, представленных истцом и ответчиком. При таком подходе законодателя судья арбитражного суда вынужден оперативно оценивать аргументы и доказательства, представленные сторонами, и принимать решение по делу. Очевидно, что оперативность при рассмотрении спорных дел минимизирует возможность глубокого и всестороннего изучения обстоятельств дела.

Например, стороны активно защищают свои права и интересы путем предоставления значительного количества документальных доказательств. В этом случае судье необходимо в ограниченные сроки изучить их правовые позиции и имеющиеся в материалах дела доказательства, и все это без проведения заседания, допросов, прений и прочих привычных процессуальных действий, которые позволяют суду давать оценку противоречивым доказательствам или проводить проверку достоверности представленных сторонами материалов.

Судья вправе по собственной инициативе или по ходатайству лиц, уча-

ствующих в деле, провести заседание с вызовом сторон в суд, не переходя к рассмотрению дела по общим правилам искового производства, но с увеличением сроков рассмотрения дела. Однако неизвестно, как часто такая возможность используется судьями.

Таким образом, одной из главных особенностей упрощенного производства является отсутствие личного общения судьи с участниками процесса. Судья, по общему правилу, не может заслушать пояснения сторон, уточнить детали или задать дополнительные вопросы, что ограничивает возможности судейского усмотрения, так как письменные документы не всегда отражают полную картину обстоятельств дела. Так, в имущественных спорах стороны могут предоставлять документы, которые содержат противоречивые данные.

Истец, к примеру, представляет суду письменные доказательства, которые имеют признаки достоверных, относимых и допустимых доказательств, но судья в установленный срок не всегда имеет возможность их проверить. Ответчик по этой же причине не всегда успевает представить свои возражения и дополнительные доказательства, что повышает риск ошибки и вынесения одностороннего решения.

Судьи дают оценку представленным доказательствам с точки зрения не только закона, но и личного опыта. Они по-разному интерпретируют одни и те же доказательства и аргументы: один судья считает, что доводы стороны достаточно обоснованы, а другой может потребовать дополнительных доказательств. Это создает риск отсутствия единообразия судебной практики.

Упрощенное производство предполагает, что стороны заинтересованы в исходе дела и потому активно будут предоставлять доказательства. Не всег-

да и не все участники спора реализуют свое право на судебную защиту таким способом. Это связано с отсутствием нужных компетенций, финансовых ресурсов, различиями участвующих лиц и другими причинами. В итоге имеет место дисбаланс в доказательственной базе сторон, который неизбежно отражается и на судебном решении.

В порядке эксперимента можно использовать дополнительный инструмент — возможности, предоставляемые технологией ИИ, которые позволят несколько снизить перегруженность судов.

Искусственный интеллект, реализуя свое главное преимущество — скорость, способен анализировать противоречия, выявлять закономерности и пробелы, выполнять рутинные задачи на основе контролируемых алгоритмов.

Важно, что алгоритмы действуют в рамках установленных правил, что должно способствовать единообразию судебной практики и повышению доверия к правосудию.

При этом ИИ не лишен недостатков. Первое и основное — любые алгоритмы действуют строго в рамках установленных параметров и не могут адаптироваться к изменениям контекста. Во-вторых, использование ИИ ставит вопрос об ответственности за ошибки, допущенные алгоритмами, и об обеспечении прозрачности его работы.

Так, последние исследования [2] рисков, связанных с использованием технологии ИИ, проведенные компанией Apollo Research, подтверждают, что в условиях многозадачности и дефицита времени модели ИИ AI «прибегают к обману все чаще» и при этом «понимают, что они делают». В судебной деятельности такие свойства ИИ просто недопустимы, несмотря на имеющиеся очевидные положительные аспекты применения технологии. Контролиро-

вать склонность ИИ к фальсификации и обману во всех направлениях использования технологии непростая задача и, возможно, требующая больших ресурсов, чем рассмотрение дела судом самостоятельно от момента принятия заявления или искового заявления и до момента вынесения решения. Поэтому на сегодняшний день уместно вести речь о допустимости использования ИИ [3] не в широком понимании его возможностей, а лишь как совокупности автоматизированных алгоритмов, выполняющих однотипные функции, которые в большей степени присущи приказному и упрощенному производствам, где решения принимаются на основе формальных критериев. Это не самые сложные категории, но при этом именно они в рамках «не явочных» видов судопроизводства в первую очередь зависят от судейского усмотрения.

ИИ способен автоматически проверять документы на соответствие установленным требованиям, сопоставлять их с представленными ранее доказательствами, выявлять недостатки в документах. Это серьезная помощь при больших объемах однотипных дел. Результатом использования ИИ станет снижение нагрузки на судей, уменьшение вероятности ошибок и единообразие решений по схожим делам.

Автоматизация приказного производства, помимо сказанного, предполагает и экономические преимущества. Снижение временных затрат суда позволит перераспределить ресурсы судебного органа и сосредоточить их на действительно сложных делах.

В упрощенном производстве роль ИИ менее очевидна, и это связано с тем, что упрощенное производство требует оценки доказательств, анализа аргументов сторон и учета специфики дела, что является прерогативой судьи-человека.

ИИ может сортировать представленные документы, извлекать из них значимые для дела данные и выявлять противоречия в доказательствах. Это сократит период подготовки дела и предоставит судье инструменты для дальнейшего исследования доказательств. Однако ИИ не может заменить человека, оценить достоверность и допустимость в качестве доказательств представленных документов, правомерность требований, ошибки или злоупотребления сторон и пр. Технологии ИИ не способны учитывать уникальные обстоятельства для разрешения дела, а также моральные и социальные аспекты.

Именно судья, обладающий как профессиональными юридическими, так и обычными житейскими опытом и знаниями, может правильно воспринимать такие факторы и принимать взвешенное решение.

Разумным и своевременным является создание на базе «КАД Арбитр» дополнительного функционала — чата, «в котором суд и участники процесса смогли бы обмениваться мгновенными сообщениями, отправлять файлы, документы» [4], с разделом «Материалы дела». «Внедрение „чат-правосудия“ позволило бы суду оперативно и без излишнего формализма запрашивать у сторон необходимые документы, пояснения и уточнения, избавив его от необходимости оформлять и публиковать промежуточные определения.

Участник процесса, получив доступ к чату, также может быть освобожден от необходимости заполнения действующих на текущий момент форм, являющихся обязательным условием для отправки заявлений, документов, материалов» [4].

Такой чат представляет собой сублимацию обычного судебного заседания. Понимание того, что упрощенное про-

изводство не всегда позволяет полноценно рассматривать дела, заставляет искать быстрые альтернативные цифровые инструменты, не возвращаясь к «классическому» исковому производству с его более длительным сроком рассмотрения дел и другими «атрибутами» в виде явки сторон, проведения судебных заседаний со всеми необходимыми процессуальными действиями, несмотря на то что такая возможность предусмотрена процессуальным законом.

Представляется допустимым помимо «не явочных» судебных производств распространить потенциал технологии ИИ и на дела, в которых стороны спора не являются по вызову суда на судебные заседания. Не секрет, что неявка сторон — давняя проблема, сопровождающая как гражданский процесс, так и арбитражный, хотя и в меньшей степени. Не являясь, стороны затягивают производство по делу, создают препятствия для своевременного рассмотрения дела. Понятно, что причины неявки могут быть разными, уважительными в том числе. Однако использование возможностей ИИ как помощника судьи в большей степени способствует беспристрастной защите законных прав и интересов сторон, независимо от причин неявки, выступая своего рода гарантом объективности и полноты рассмотрения представленных доказательств.

Следует уточнить, что речь идет именно об использовании возможностей ИИ при рассмотрении гражданских

и экономических дел под контролем суда, а не о делегировании части полномочий судебного органа ИИ. Сама по себе возможность наделения ИИ какими-либо полномочиями вызывает сомнение, поскольку такой подход свидетельствовал бы о том, что работа ИИ, принимаемые им проекты решений по тем или иным вопросам обладают приоритетом перед мнением судьи. Именно такой механизм совместной работы технологии ИИ и суда реализуется в судах Китая, однако представляется преждевременным для отечественной системы правосудия, поскольку зависит от уровня отечественных технологий и возможностей осуществления контроля за используемыми алгоритмами работы ИИ, их корректировки и доступа ко всем необходимым базам данных.

В перспективе при выстраивании зиккурата функций и полномочий ИИ его интеграция в судебную систему должна не только учитывать возможности и ограничения технологий, но и обеспечивать в их работе прозрачность, точность и этичность. Такой подход позволит достичь оптимального сочетания автоматизации и человеческого участия в судебном процессе.

Внедрение ИИ в судебную систему это не замена судей, а дополнение их работы. Алгоритмы должны быть открыты для проверки, чтобы исключить ошибки и повысить доверие к их решениям, что требует наличия соответствующих новых компетенций и у самого суда.

Список источников

1. Порохов М. Ю. Сокращение нагрузки судов по гражданским делам: опыт КНР // Актуальные проблемы науки и практики: Гатчинские чтения 2022 : сб. науч. тр. по материалам IX Междунар. науч.-практ. конф., приуроченной к празднованию 300-летия Российской академии наук, Гатчина, 27 — 28 мая 2022 г. / Гос. ин-т экономики, финансов, права и технологий (Гатчина). Гатчина : ГИЭФПТ, 2022. С. 255 — 258.
2. Meinke A., Schoen B., Scheurer J., Balesni M., Shah R., Hobbhahn M. Frontier Models are Capable of In-context Scheming. Apollo Research. 05.12.2024. URL: <https://static1.squarespace.com>

com/static/6593e7097565990e65c886fd/t/6751eb240ed3821a0161b45b/1733421863119/in_context_scheming_reasoning_paper.pdf (дата обращения: 22.03.2025).

3. Порохов М. Ю. Искусственный интеллект в судебной деятельности: баланс инноваций и этики // КриминалистЪ. 2024. № 2 (47). С. 173 – 180.

4. Якупов Т. «Чат-правосудие» как альтернативный путь цифровизации упрощенного судопроизводства // Адвокатская газета : сайт. 27 ноября 2024. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/chat-pravosudie-kak-alternativnyy-put-tsifrovizatsii-uproshchennogo-sudoproizvodstva/> (дата обращения: 10.12.2024).

Информация об авторе

М. Ю. Порохов – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

M. Y. Porokhov – Associate Professor at the Department of civil law disciplines, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law), Associate Professor.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 34

ДИАЛЕКТИКА МОНОЛОГА И ДИАЛОГА В КОНСТРУИРОВАНИИ ПРАВОВОГО ПРОСТРАНСТВА

Ирина Борисовна ЛОМАКИНА

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, Lomakina7311@gmail.com*

Аннотация. Автор показывает диалектику монолога и диалога в конструировании правового пространства, утверждает необходимость изучения монологизма и диалогизма в философском и теоретико-правовом измерении, доказывает, что диалог, конструирующий идентичность в рамках одной социальной системы, в потенции расширяет горизонты нормальной коммуникации, включая других (другого) в себя. Коммуникация, основанная на взаимном признании и уважении другого, не может быть абстракцией, иначе она превращается в монолог или в симулякр диалога, за которым может скрываться любое безобразие, включая массовый геноцид. Монологическое конструирование правового пространства показывает мир через призму тотальности и «одноправдивости». При этом отмечается, что диалог и монолог существуют в диалектической связи и не существуют друг без друга.

Ключевые слова: монолог, диалог, юридический конфликт, дискурс, правовая идентичность

Для цитирования: Ломакина И. Б. Диалектика монолога и диалога в конструировании правового пространства // КриминалистЪ. 2025. № 2 (51). С. 175 – 182.

Original article

DIALECTICS OF MONOLOGUE AND DIALOGUE IN THE CONSTRUCTION OF LEGAL SPACE

Irina B. LOMAKINA

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, Lomakina7311@gmail.com

Abstract. The author explores the dialectical relationship between monologue and dialogue in the construction of legal space, asserting the necessity of examining monologism and dialogism in both philosophical and theoretical-legal dimensions. It is argued that dialogue, which constructs

© Ломакина И. Б., 2025

identity within a social system, has the potential to expand the horizons of normal communication, including others (the other) within itself. Communication based on mutual recognition and respect for the other cannot be abstract; otherwise, it devolves into monologue or a simulacrum of dialogue, which can conceal various atrocities, including mass genocide. Monological construction of legal space presents the world through the lens of totality and “single truth.” The article also observes that dialogue and monologue exist in a dialectical relationship and are interdependent.

Keywords: monologue, dialogue, legal conflict, discourse, legal identity

For citation: Lomakina I. B. Dialectics of monologue and dialogue in the construction of legal space. *Criminalist*. 2025;2(51):175-182. (In Russ.).

Проблемам диалогизма посвящено достаточно большое количество работ и философской¹, и юридической направленности². И. Л. Честнов считает, что необходимо развивать операциональный диалогизм как философское направление в рамках теории права, поскольку он обладает несомненным эвристическим потенциалом для юриспруденции (как для философии и теории права, отраслевых юридических наук, так и для правовой практики) [1]. Диалог, вне всяких сомнений, есть условие и содержание социальности. Он необходим и неизбежен в процессе формирования социальности, идентичности и социализации личности. В основе правовой коммуникации (читаем — диалога) у А. В. Полякова лежит принцип взаимного признания, который конституирует право. Кроме всего прочего, диалог в коммуникативной связи выступает и средством устранения конфликтности, и состоянием социальной среды.

Таким образом, даже при беглом взгляде очевидно, что проблемам осмысления диалога посвящено немало работ. Совсем иначе обстоит дело с монологизмом, особенно в части его понимания правоведческим дискурсом. Меж-

ду тем, как нам представляется, именно монологизм выступает катализатором конфликта, а посему именно теоретической и прикладной юриспруденции в их взаимосвязи предстоит восполнить существующий пробел.

Рассмотрим философские основы монологизма. Как отмечает в своей фундаментальной работе А. Ф. Копьев, «монологизм заключается не столько в формах и стилях общения, которые суть нечто внешнее и вторичное по отношению к более глубоким схематизмам сознания, к той „картине мира“, которая с определенного времени утвердилась в головах. Эта картина мира, генетически связанная с появлением на арене истории веберовского „аскетического типа“, предполагает самодостаточного, самотождественного субъекта, вступающего в прагматически обусловленные деятельные взаимоотношения с внешним миром: с вещами и людьми (воспринимаемыми овнешненно — как вещи)» [2, с. 54–58].

М. М. Бахтин в одной из своих многочисленных работ усматривает в монологизме связь с идеологизмом, утверждая, что последний не терпит рядом с собой правды, отличной от своей. Поэтому монологическую коммуникацию он называет «одноправдивой» [3, с. 57–65]. Л. А. Гоготишвили, современный исследователь творчества Бахтина, продолжает намеченную философом линию рассуждения. В ее понимании, «монологизм — это один голос, а один логос... при любом количестве голосов

¹ Диалогизм как философское направление сформировался в 20-е годы XX века. Пионерами направления являются М. Бубер, Ф. Розенцвейг. К сторонникам философии диалогизма относят Дж. Г. Мида, Ю. Хабермаса, В. Щюца, В. С. Библера и многих других.

² В отечественном правоведческом дискурсе основоположником диалогического подхода является И. Л. Честнов, отчасти диалогической можно считать феноменолого-коммуникативную теорию А. В. Полякова.

имеется среди них один, который втягивает все остальные в свою „логосферу“» [4, с. 338–410].

Монологизм с философской точки зрения, по мнению Бахтина, это идеалистическое мировоззрение. Внешний мир вторичен по отношению к монологическому сознанию, так как в замысле последнего мир играет лишь функцию ценностно нейтрального фона. В «монологическом замысле... построение этого мира — с его точками зрения и завершающими определениями — предполагает устойчивую позицию вовне, устойчивый авторский кругозор... и дано на твердом фоне внешнего мира» [3, с. 50].

Бахтинский «твердый мир» — это не «твердость» в буквальном смысле, а есть продукт активности идеологического сознания, результат его идеалистического «вывода»: «Идеология как вывод, как смысловой итог изображения при монологическом принципе неизбежно превращает изображенный мир в безгласный объект этого вывода» [3, с. 64]. Так, по мысли исследователя, идеологизм, осознав свою укорененность в одном-единственном сознании, становится «монологизмом».

Таким образом, монологизм — это эго-персонализм с идеологическим уклоном, в нем обнаруживает себя монополия на истинное знание. Индивид с помощью «идеологичности» конструирует мир. Поэтому, вопрошая: «Что такое монологизм в высшем смысле?», М. М. Бахтин отвечает: «Отрицание равноправности сознаний в отношении к истине... Монологизм в пределе отрицает наличие вне себя другого равноправного и ответно-равноправного сознания, другого равноправного „я“ („ты“»)» [3, с. 184, 192]. Проанализировав данные умозаключения, можно утверждать, что для такого рода философии все другое — это лишь сотворенные сущности, «объекты вывода». Самодостаточность обретается тоталитарностью авторской идеологии, ей подчиняется весь мыслимый автором мир.

Мартин Бубер усматривал в монологизме пару «Я — Оно», которая как бы вытеснила пару «Я — Ты». «Жизнь человеческого существа протекает не только в мире переходных глаголов. Она не сводится целиком к деятельности, имеющей Нечто своим объектом. Я воспринимаю Нечто, я ощущаю Нечто, я представляю себе Нечто, я желаю чего-то, я чувствую Нечто, я мыслю Нечто, жизнь человеческого существа не сводится ко всему этому и ему подобному.

На всем этом и подобно этому основывается царство Оно» [5, с. 7].

Несомненно, философия (и методология) монологизма включает непростые вопросы, на которые сложно ответить. Например, может ли монолог существовать без диалога, каковы механизмы перехода одного в другое и где эти точки пересечения? Не менее важные вопросы: кто может претендовать на монологизм и как долго будет его тотальность распространяться на другого (других)?

Как справедливо полагает И. Л. Честнов, «человек является самим собой и „другим“ — образом обобщенного социально значимого представителя социального (и правового) статуса. Любая социальная интеракция предполагает проекцию образа типичного на конкретного человека (или подведение единичного — этого данного индивида под типичное, включая процесс юридической квалификации). Такого рода типизации лежат в основе категоризации мира и когнитивного (шире — психического) его восприятия. Важно, чтобы имело место партнерское равноправие, выработка совместно признаваемого решения, а не навязывание своей воли другим» [1, с. 28].

Таким образом, диалог — это партнерская коммуникация, в которой монолог исключен, но монолог может возникнуть в любой момент, и этот момент не так просто отследить.

Общественные отношения — это не только отношения, в которых «я» и «ты» выступаем «лицом-к-лицу», но и отношения статусов (ролей), которые превратили меня и тебя в других, носителей обезличенных статусов. При этом «я» невозможно без «ты», выступающего сначала как значимый другой, а затем — как любой другой. Поэтому «я» формируется в диалоге с «ты» как с другим, при этом если «я» и «ты» признаем друг друга и наш союз обеспечивает нам большую безопасность, нежели мы были бы каждый сам по себе, то «я» и «ты» уже не просто два индивида, а «я» и «ты» — это «мы». Наше «мы» есть результат диалога, в котором может преобладать в большей степени коллективное и в меньшей — индивидуальное.

Эти абстрактные размышления в абстрактной форме показывают существование двух противоположных типов коммуникации. Если это утверждение экстраполировать на уровень коллективных объединений, то можно признать, что существуют два типа культур: индивидуалистические (как правило, западные) и холистические (восточные) [6, с. 141 — 147]. Различение культур на западные и восточные отчасти схематично и упрощенно, но иные классификации еще хуже, поскольку практически не выявляют сущностные различия в их антрополого-правовом измерении.

Нет надобности доказывать, что восточная и западная цивилизации на протяжении всего периода своего существования конкурировали между собой и у каждой цивилизации был свой глобальный проект, в котором идея универсализма и мессианства занимала центральное место.

Конечно, нельзя сводить всемирную историю только к череде бесконечных войн и конфликтов, но и иллюзий по поводу «прекрасного и мирного сосуществования» питать не стоит. Поэтому проблема диалогизма и монологизма в

социальной жизни в целом и в праве в частности, как нормативном порядке ее выражения, требует нового осмысления существования и взаимодействия между цивилизациями [7, с. 50 — 71].

Весьма любопытно взглянуть на процесс складывания миропорядка глазами его создателей и идейных вдохновителей. Речь идет о Новом времени. Времени, когда политическая карта мира изобиловала новыми (вновь открытыми) материками и континентами. Времени, когда диалог и монолог переплетались между собой, являя миру уникальные политические и культурные формы человеческого бытия. И в этой связи заслуживают внимания мысли «социальных архитекторов», конструирующих этот новый мир. Особенно потому, что они свои мысли еще не табуировали политкорректными фразами, а показывали политический процесс таким, каким он был на самом деле.

Небезынтересны мысли Адама Фергюсона, представителя шотландского Просвещения. В своей книге «Опыт истории гражданского общества» (1767 г.) он весьма искренне писал, что человеческие группы не существуют сами по себе, они всегда существуют в соотношении с другими эквивалентными человеческими группами. Эти группы организуются одни против других. «Понятия “сограждане”, “земляки”, не будучи противопоставлены понятиям “чужаки”, “иноземцы” ... вышли бы из употребления и утратили всякий смысл. Отдельных людей мы любим за их личные качества; страну же нашу мы любим, так как она составляющая часть человечества ...» [8, с. 57 — 58].

В целом соглашаясь с идейной позицией Фергюсона, современный французский историк и социолог Эмануэль Тодд прозорливо замечает, что «появление Франции и Англии является великолепной иллюстрацией данного явления. В Средние века каждое из этих двух госу-

дарственных образований определится одно против другого» [9, с. 30].

Возвращаясь к гуманистическому наследию Фергюсона, Э. Тодд сочувственно заключает, что, несмотря на весь либеральный флер, все же внутренняя мораль определенного общества связана с его безнравственностью во внешних делах. Именно враждебность к другой группе заставляет одних быть солидарными со своей собственной группой. И далее он пишет, что «без соперничества наций и военных упражнений гражданское общество едва ли оформилось, обрело цель существования. ... Тщетно было бы надеяться, что мы сможем внести в народ в массе чувство единения, не подтвердив враждебности к оппонентам. Если бы мы могли взять и истребить в какой-либо нации чувство неприязни к иноземцам, тем самым мы, вероятно, разорвали или ослабили бы сплачивающие ее внутренние узы и вычеркнули бы из национальной истории самые бурные массовые сцены и излияния чувств» [8, с. 30].

Вместе с тем противоречия, о которых писали Фергюсон и Тодд, кровопролитные войны и династические заговоры, даже борьба между католиками и протестантами с кровавой Варфаламеевской ночью не дают оснований полагать, что в рамках европейского социокультурного контекста не существовало диалога. Диалог между варварскими королями и католическим престолом существовал всегда, а конструируемая средневековыми схоластами картина мира находила отклик в сердце каждого, кто мыслил себя европейцем. Как отмечает Ивэр Нойманн в своей блестящей работе по социологии международных отношений «Использование Другого: Образы Востока в формировании европейских идентичностей», сам термин «Европа» возникает в результате вражды между воинами папы Римского и иноверцами «маврами» и «сарацинами» [10, с. 74].

Несмотря на существующие противоречия, европейский мир сочетал в себе единое ценностное ядро. Эдмунд Бёрк, разрабатывая концепцию единой Европы, прозорливо восклицает, что европейцев объединяет единая культура, в основе которой лежат монархическое правление, христианская религия, наследие римского права и древние германские обычаи, а также феодальные институты [9, с. 74–99].

На наш взгляд, именно католическая религия и римское право сыграли существенную роль в формировании европейского мировоззрения. Универсалистская идея о фундаментальном единстве всего человечества и искоренении ересей послужила основанием для европейского миссианства. Средневековые схоласты лишь закрепили этот принцип, конкретизируя его в правомочиях папы Римского. Отсюда легальное насилие по отношению к неверным. Монолог должен был привести к диалогу.

Однако диалог, рожденный из монолога, не предполагал абсолютного приятия другого и напоминал, скорее, неравный брак, где одному можно все, а другому кое-что. Несмотря на явный перекося в коммуникации, все же это был диалог. Позже появится юридическая конструкция «равные, но раздельные», и вряд ли поспоришь, что эта конструкция имеет правовую природу. Хотя как знать, ведь угол зрения, официальная номинация (означивание) и конвенция тоже имеют значение.

Таким образом, диалог не всегда предполагает равные правомочия и формальное равенство, но он точно невозможен, если нет точек культурного притяжения, нет признания в другом того же, что есть у меня, даже с некоторыми допущениями того, что, может быть, он более дурен собой и совсем невоспитан.

Жесткие социальные структуры, такие как церковь, государство, форми-

руют и жесткую привязку к правовому статусу. Поэтому, как отмечает И. Нойманн, «вопрос, мучивший европейцев на протяжении долгого времени, состоял в том, обладают ли неверные вообще какими-либо правами на владения или завоевание этих земель было прямой обязанностью христиан, и если при Августине (354 — 430 гг.) разрешение этой дилеммы клонилось к исключительности и выражалось в папском одобрении священных войн, целью которых было завоевание неверных, то при папе Иннокентии IV (1243 — 1254 гг.) знатоки канонического права пришли к компромиссу, заключив, что по отношению к неверным силу можно применять лишь для воздаяния за нанесенные христианам обиды, а обращение в христианство должно достигаться мирным путем, посредством миссионерской деятельности» [10, с. 76].

Налицо монолог по отношению к другому, иному, врагу. А что же внутри себя, всегда ли царил диалог? Конечно, нет! Нарастание политических разногласий внутри христианского мира, вызванных бурным экономическим и политическим развитием городов, секуляризацией власти, не привело к нивелированию статуса «исламского другого». Монологическое конструирование «другого» еще более демонизируется и манифестируется как воплощение зла. Как в свое время еретики мыслились Августином «хуже отравителей», так и сейчас монолог формировал образ врага, что в свою очередь продолжало служить объединяющим фактором в полном распрей христианском мире XIV — XV веков.

Как отмечает И. Нойманн, «с образованием в начале XIV века Османской империи и постепенным нарастанием ее военного давления на христианство на смену „сарацину“ пришел другой антихрист — „турок-осман“» [10, с. 75]. И. Нойманн полагает, что именно «турок-осман внес вклад в образование современной системы европейских госу-

дарств. Даже после Вестфальского мира и распространения секулярной доктрины государства представления о том, что отношения между суверенами относятся к сфере религиозного, еще не окончательно ушли в прошлое. Европа оставалась христианской по своему характеру и с этой точки зрения противопоставлялась исламу Османской империи, владениям Великого Могола, индуизму, а также конфуцианской традиции императорского Китая» [10, с. 77].

В конце XVII века английский общественный деятель Уильям Пенн, пацифист и лидер квакеров, в своих многочисленных произведениях религиозной, философской и политической направленности сформулировал принципы единого европейского сообщества, объединенного общей христианской моралью. Наиболее отчетливо эти идеи нашли выражение в работе «Европейская конференция, парламент или сословия» (1693 г.). Именно здесь он предлагает народам, исповедующим ислам, отказаться от своей религии и приобщиться к единому цивилизованному миру. Известно, что Уильям Пенн искал встречи с Петром I с целью убеждения последнего принять квакерство и стать величайшим христианским монархом. Однако встреча не состоялась, но письмо все же им было передано.

Таким образом, очевидна одна существенная деталь, характеризующая европейскую коммуникацию, это ее монологичность. «Предварительные требования» — вот основа созидания, и эта конструкция, пройдя через века, отчетливо проявляется сегодня. Поэтому международное право с европоцентристских позиций — изобретение европейцев, и его принципы конструируют внутреннее пространство, здесь идеи взаимного признания и равнодостоинства проявляются наиболее отчетливо, хотя дискриминируемое население еще долгое время было вне права. Монолог по отношению к другим культурам все

сильнее и отчетливее проявлялся в том случае, если нужны были источники сырья и рынки сбыта.

Государства, находящиеся «вне европейской цивилизации, должны формально войти в круг государств, чье поведение определяется правом. Они должны совершить некий шаг, с согласия последних, или некоторых из них, который равнялся бы принятию этого права во всей его целостности и исключал бы любую возможность недопонимания» [10, с. 91]. Соответствовать стандарту цивилизованности должны были те, кто включался в диалог. Отсюда черты, объединявшие страны цивилизованного мира, стали очевидными лишь в противопоставлении его нецивилизованным «варварским» и «диким» мирам. «Обычаев — никаких, нравы — скотские!» — любили говорить испанские миссионеры в отношении индейских племен. Монологичность коммуникации не предполагала ни взаимного признания, ни равнодостоинства, и даже насильственная христианизация не предполагала включения коренного населения в правовое поле в полном объеме.

Парадоксально, но лучше всех показал межкультурный монолог теоретик естественного права Джеймс Лоример. Солидаризируясь с расовым антропологизмом Ж. Гобино, Лоример писал о четырех различиях между цивилизованной и варварской частями человечества. Из этих различий проистекал правовой статус. «Полного политического признания удостоивались все современные европейские государства, колонии, где имелись европейские поселенцы, и бывшие европейские колонии. Но Турции, Персии, Китаю, Сиаму и Японии даровалось лишь частичное политическое признание — а значит, только ограниченное членство в „семье наций“. В случае турок, — указывал Лоример, — мы имеем горький опыт последствий предоставления прав цивилизации варварам, которые показали неспособность испол-

нять свои обязанности и которые, быть может, не относятся даже к передовым расам человечества» [11, с. 90].

Таким образом, «стандарты» цивилизованности — это итог монологизма. И по мере того, как европейские другие, например турки, постепенно включались в европейское культурное пространство, и особенно после вступления Турции в НАТО, основным «другим» по отношению к европейской идентичности стал Советский Союз. Сегодня Советский Союз, как Вавилон для Рима, канул в лету, но многие его достижения благодаря диалогу между цивилизациями остались.

Вместе с тем монолог в межкультурной коммуникации сохраняется и даже усугубляется. Как отмечают финские исследователи Вера и Арно Сурво в своей работе «Монологизм „диалога поколений“», образ врага по сей день будоражит сердца финнов. Видя причину монологизма в одномерно-толерантном понимании процесса смыслообразования (конструирование истории), они отмечают, что гуманитарное мышление идеологично, а значит, и монологично [12, с. 174].

Таким образом, вышесказанное подтверждает теорию Р. Дарендорфа и Р. Коллинза о том, что конфликты всегда имманентны социальной системе [13, р. 58], а посему их окончательно разрешить невозможно [14, с. 180]. Вместе с тем диалог, конструирующий идентичность в рамках одной социальной системы, в потенции расширяет горизонты нормальной коммуникации, включая других (другого) в себя. Коммуникация, основанная на взаимном признании и уважении другого, не может быть абстракцией, иначе она превращается в монолог или в симулякр диалога, за которым может укрываться любое безобразие, включая массовый геноцид. Конечно, сегодня наша цивилизация далека от идеалистических представлений И. Канта о «вечном мире», но есть

надежда на то, что диалог — лучший помощник в преодолении монологизма. Монологическое же конструирование правового пространства показывает мир через призму тотальности и односторонности. Ориенталистская традиция является ярким тому подтверждением [5, с. 141 — 147].

Список источников

1. Честнов И. Л. Право как диалог: к формированию новой онтологии правовой реальности. Санкт-Петербург : С.-Петерб. юрид. ин-т Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2000. 104 с.
2. Копьев А. Ф. Монологизм как «психологизм» // Психология общения XXI век: 10 лет развития : материалы Междунар. конф., 8—10 октября 2009 г. В 2 т. Т. 1 / Российское психологическое о-во [и др.]. Москва : Психологический ин-т, 2009. С. 54—58.
3. Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского // Бахтин М. М. Собр. соч. [В 7 т.]. Т. 2. Записи курса лекций по истории русской литературы, 1922—1927. Москва : Русские словари, 2000. С. 57—65.
4. Гоготилишвили Л. А. Двуголосие в соотношении с монологизмом и полифонией (мягкая и жесткая версии интерпретации идей М. М. Бахтина) // Бахтинский сборник. Вып. 5 / отв. ред. и сост. В. Л. Махлин. Москва : Языки славянских культур, 2004. С. 338—410.
5. Бубер М. Я и Ты : пер. с нем. Москва : Высш. шк., 1993. 173, [2] с. (Библиотека философа).
6. Ломакина И. Б. Ориенталистская традиция понимания восточной государственности // КриминалистЪ. 2024. № 1 (46). С. 141—147.
7. Ломакина И. Б. Традиции и инновации в контексте существования цивилизаций восточного и западного типа // Изменения в праве: новаторство и преемственность : монография / Р. М. Вульфович, В. В. Денисенко, Е. Н. Доброхотова [и др.]; под общ. ред. Д. Е. Мерешкина, С. Л. Сергеевнина, Н. В. Разуваева. Санкт-Петербург : СЗИУ РАНХиГС, 2022. С. 50—71.
8. Фергюсон А. Опыт истории гражданского общества. Москва : РОССПЭН, 2000. 389 с.
9. Тодд Э. Поражение Запада. Москва : АСТ, 2024. 320 с.
10. Нойманн И. Использование Другого: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. Москва : Новое издательство, 2004. 336 с.
11. Белов М. В., Витальева А. И. Эдмунд Бёрк — ранний идеолог британской империи // Диалог со временем. 2011. Вып. 34. С. 74—99.
12. Сурво В., Сурво А. Монологизм «диалога поколений» // Диалог поколений в славянской и еврейской культурной традиции : сб. ст. / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения. Москва : Сэфэр, 2010. С. 174—188. (Академическая серия ; вып. 29).
13. Collins R. Conflict sociology: toward an explanatory science. N.Y. : Academic Press, 1975. 584 p.
14. Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Западная социология: современные парадигмы : антология / сост. Г. Н. Соколова, Л. Г. Титаренко. Минск : Белорусская наука, 2015. С. 174—182.

Информация об авторе

И. Б. Ломакина — профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

I. B. Lomakina — Professor at the Department of theory and history of state and law, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Doctor of Science (Law), Professor.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ АВТОРСКИХ ОРИГИНАЛОВ СТАТЕЙ

Статьи следует представлять в распечатанном виде и в электронном варианте.

Текст должен быть набран на компьютере в редакторе Word for Windows и отпечатан на одной стороне стандартных листов писчей бумаги формата А4.

Поля: верхнее, нижнее, левое, правое — 25 мм.

Нумерация страниц располагается внизу по центру.

Стиль оформления основного текста должен содержать следующие установки. Гарнитура «Times New Roman Cyr». Расстояние между строками текста — 1,5 интервала, между текстом и заголовками — 1 строка, заголовок — прописными. Размер шрифта — 14. Абзацный отступ — 0,75. Выравнивание — по ширине. Перенос — автоматический.

Перечень затекстовых библиографических ссылок помещают после основного текста статьи с предшествующими словами «Список источников».

В перечень затекстовых библиографических ссылок включают записи только на ресурсы, которые упомянуты или цитируются в основном тексте статьи.

Библиографическую запись для перечня затекстовых библиографических ссылок, а также отсылки на затекстовые библиографические ссылки оформляют по ГОСТ Р 7.0.5.

Библиографические записи в перечне затекстовых библиографических ссылок нумеруют и располагают в порядке цитирования источников в тексте статьи.

Дополнительно приводят перечень затекстовых библиографических ссылок на латинице («References»). Нумерация записей в дополнительном перечне затекстовых библиографических ссылок должна совпадать с нумерацией записей в основном перечне затекстовых библиографических ссылок.

В статье могут быть внутритекстовые и подстрочные примечания.

Внутритекстовые примечания помещают внутри основного текста статьи в круглых скобках. Подстрочные примечания помещают внизу соответствующей страницы текста статьи.

Внутритекстовые и подстрочные примечания, содержащие библиографические ссылки, составляют по ГОСТ Р 7.0.5.

Рисунки, иллюстрации, фотографии должны быть представлены в распечатке и отдельным файлом в электронном виде.

Рекомендуемый объем статьи от 0,4 до 0,6 учетно-издательского листа (16 000 — 24 000 знаков, включая пробелы между словами).

К рукописи статьи прилагается следующая информация на русском и английском языках: аннотация; список ключевых слов; фамилия, имя, отчество (полностью), должность и место работы (службы), ученая степень и ученое звание автора. Также следует указать номер телефона, адрес электронной почты для связи.

Вместе с рукописью автором в обязательном порядке направляется справка о проверке статьи в системе «Антиплагиат» (при отсутствии указанной справки статья к рассмотрению редакционной коллегией приниматься не будет). Оригинальность исследования в программе системе «Антиплагиат» должна составлять не менее 60 %.

Также к рукописи просим прилагать «Согласие на обработку персональных данных автора и на размещение полнотекстовой версии статьи впервые в открытом доступе в сети “Интернет”».

Рукопись должна быть подписана всеми авторами.

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

«ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

ВЫБОР УЧЕНЫХ И ПРАКТИКОВ

ЧИТАЙТЕ В КАЖДОМ НОМЕРЕ:

- ◆ ПРАВОВЫЕ КОЛЛИЗИИ
- ◆ НАУЧНЫЕ ОТКРЫТИЯ
- ◆ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Адрес редакции:

123022, г. Москва,
ул. 2-я Звенигородская, 15

8 (499) 256-71-51

E-mail: vest@msk.rsnet.ru

Индекс в подписном агентстве
«Урал-Пресс»: 82370.

ОТДЕЛЬНЫЕ СТАТЬИ ЖУРНАЛА ПУБЛИКУЮТСЯ НА ПОРТАЛЕ
СПРАВОЧНО-ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ «КОНСУЛЬТАНТПЛЮС».